

ISSN 0869-6403

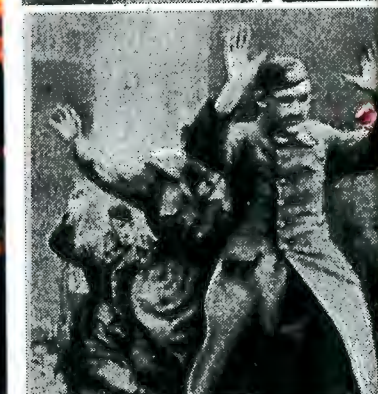
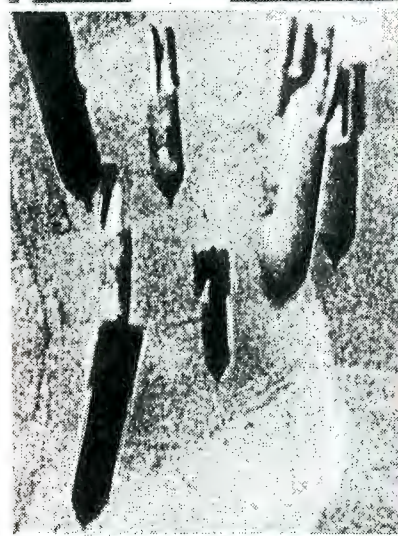
ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

5
'95

50 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

НА БОЕВОМ ПОСТУ

5'95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная
коллегия.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:

111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.
Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,

Корректоры :
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

В НОМЕРЕ

Актуальное интервью

СЕНТЮРИН В.: "Всю войну я был тем Иваном, который рисковал головой" 2

Зона особого внимания

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России 9
КАРПОВ Б. Миротворец на БМП 12
МУЧАК И. Две войны и две свадьбы майора Кабацкого 14

Великой Победе — 50

ЛЕЦКО С. Тройной юбилей Николая Дыдыки. 21
МАКАРОВ А. Годен к строевой. 23
МАШКОВЦЕВ Г. Этот день мы приближали как могли. 27
ЗАХАРЧУК М. Постигнем ли свою великую Победу?.. 30
КИРИЛЛОВ Ю. Василий Теркин на этом свете. 35
МОРОЗ В. Наследница трехдвоймовки 41

Ретроспектива

СЫСОЕВ Н. Кавказские награды русской армии 44
ИВАНОВ В. Высший военный орден 50

Проза. Поэзия

Солдатский разговор (стихи) 54
СЕМЕНОВ Ю. Бандоловы (повесть, начало) 57

Калейдоскоп интересов

ГРУНТОВСКИЙ А. Русский бой удалый 65
ЯКУШИН М.: "Нам аплодировал не только Союз, но и Англия" 69
ОГЛОБЛИН К. Когда наступала передышка 75
Шахматный клуб 79

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 011420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1995

Сдано в набор 9.04.1995 г. Подписано к печати 28.04.1995 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0. Зак № 552. Тираж 7500.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 3500 руб. (индекс 70610), для пред-
приятий и организаций — 5000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинской
просад, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
в отставке
В.И. СЕНТЮРИН:**

“ВСЮ ВОЙНУ Я БЫЛ ТЕМ ИВАНОМ, КОТОРЫЙ РИСКОВАЛ ГОЛОВОЙ”

— Владимир Иванович, каким запомнился вам день 9 мая 1945 года?

— Да в общем-то, для меня это был обычный боевой день. Войну я заканчивал командиром 409-го гвардейского стрелкового полка 49-й гвардейской стрелковой дивизии в Австрии. Есть там небольшой городок Корнельбург, неподалеку от Вены.

Мы уже знали о капитуляции Германии, но дней пятнадцать после этого нам еще пришлось повоевать, добывая несдающиеся гитлеровские части. И больно, и обидно, конечно: Победа, а тут все еще свистят пули, рвутся снаряды, погибают люди...

С начальником штаба полка Новгородовым мы решили идти парламентарями. Решение возникло спонтанно. Пошли втроем — я, он и ординарец. Вышли на нейтральную полосу, переговорили с фрицами, но без толку. Уже потом сообразили, что, видимо, и не надо было этого делать: хлоппали бы нас немцы за милую душу.

Ладно, возвращаемся. Командир дивизии нам устроил разнос. Генерал Маргелов человек был крутой, с ним не поспоришь. Кроет он нас на чем свет стоит. А мы

что? Жалко людей класть после Победы-то. В общем, попало немного...

Так что праздничными стали для меня не майские, а июньские дни сорок пятого, когда в составе сводного полка 2-го Украинского фронта ехал в Москву и потом готовился в Сокольниках к параду Победы.

— По рассказам ветеранов, 24 июня 1945 года в столице было пасмурно, моросил дождь...

— Но настроение-то было величайшей приподнятости! Еще бы: мы столько ждали этого дня, столько мечтали о нем! И он наступил. Брошены к Мавзолею знамена разгромленного врага. Ну а потом... Вот уже полвека храню пригласительный билет, на котором напечатано: “Правительство Союза ССР приглашает Вас на прием в честь парада Победы. Он состоится в Большом Кремлевском дворце 25 июня 1945 года в 20 часов. Вход в Спасские и Боровицкие ворота действителен с предъявлением документов. Малый зал, стол 15. Комендант Кремля генерал-лейтенант Спиридонов”.

— И что это был за прием?

— Прием грандиозный. Все до единого

участники парада Победы были на него приглашены. С поздравлением выступал сам Сталин.

Что меня особо поразило? Война ведь тяжеленная только оттремела, а тут столы ломятся — чего только нет.

— И Сталина так близко вы, наверняка, впервые видели?

— На парадах-то я его видал. А в такой обстановке — первый раз, конечно.

Посидели мы в Кремле часа полтора, не больше. Очень уж скованно, напряженно себя чувствуешь: больно много людей в васьилковом.

— Вы имеете в виду — из НКВД?

— Да.

— В ту пору, поди, вы и думать не думали, что судьба приведет и самого служить в войска НКВД?

— Нет, конечно же. И не предугадывал! Словом, лишь когда после приема я пришел к родственникам (а это на Грановского, недалеко от Кремля), тут уж можно было отметить праздник окончательно.

— А когда и как вы попали на войну?

— В начале тридцать девятого я поступил в военное училище. Сначала это было Славутское пехотное училище. Потом его перевели на новое место, и училище стало Гайсиновским, затем Бердичевским, а перед самой войной — Тамбовским. Так что, закончив Второе Тамбовское пехотное в сорок первом летом, в сентябре того же года я уже был в боях. Прибыл в Елец командиром взвода. 870-й полк действующей армии. Западный фронт. Потом Брянский фронт. За четыре месяца шагнул от взводного до комбата. На фронте ведь командиры растут быстро...

— Полвека Победе, и полвека мы продираемся к правде о Великой Отечественной. То основной вклад в нее вносили те армии и фронты, которыми командовали стоящие в данный момент у руля министры обороны СССР, то ее судьба чуть ли не решалась на Малой земле... Слава Богу, конъюнктура такого рода отошла в прошлое. Но ведь мы и по сей день не знаем окончательных цифр потерь, останки не всех погибших солдат преданы земле. А это, если следовать логике А.В. Суворова, значит, что война еще не завершена. А вы что скажете на это?

— У каждого фронтовика она ведь своя — и война, и правда о войне. Какой-то единой, всеохватной правды нет. Я скажу, что о Великой Отечественной написано

немало правдивых книг, выпущено много хороших фильмов. В них узнаваемо то, что действительно было на фронте.

— Это, наверное, работы последнего времени?

— Почему последнего? Нашего времени — советского. При советской власти немало хорошего писалось и ставилось.

— А я и имел в виду не только эти три последних постсоветских года, но и вообще отрезок нашей жизни, на котором лежит печать открытости, гласности. Именно тогда все громче стало говорить, что немцев мы не победили, а утопили в своей крови, задавили своими собственными трупами. А на ваш взгляд, верно это или нет?

— Ну как это утопили в своей крови? А с кем же тогда воевали?! Ведь кровь свою мы щедро пролили на начальном этапе войны, потом уж ее лил враг. У нас и техники побольше стало, и воевать научились, и расшевелились, разошлись не на шутку. Русского человека надо растормошить, раззадорить, а там — попробуй останови! Недаром говорят, что мы долго запрягаем, но зато уж быстро едем.

— Вы начинали войну командиром взвода, а, как известно, младший состав выкашивался в первых же боях. Вы уцелели: это что, сродни чуду или тут сказалась какая-то особая работа над собой, мастерство, смекалка?

— В сорок втором я попал в госпиталь с тяжелым ранением. Сколько до этого воевал? Месяцев пять, не больше. Конечно, мне просто повезло, что в тот раз остался живой. А вообще... Это верно: ротное, батальонное звено за войну перемолотило несколько раз.

Пока мы отступали, порой только диву давался, как уцелел — столько там было разных безвыходных ситуаций. Да и в сорок третьем, сорок четвертом попадал в переделки, в которых не погиб только по случаю. Я ведь пять раз был ранен. В сорок втором тяжело, а потом, можно сказать, удачней: и в руку, и в ногу (кости целы), и в живот (ничего не разворотило).

А вот брат у меня погиб. Пацан совсем: с двадцать пятого года. Его в сорок третьем призвали, а через два месяца где-то под Могилевом сгорела его самоходка...

— Владимир Иванович, и все-таки за плечами у вас было военное училище...

— Да, училище. И министром обороны в пору моей курсантской юности был Тимошенко. Гс:няли нас нещадно, и закалку я получил хорошую. Но война — она и есть

война: идешь, товарища убило, а ты живой; соседа в окопе осколками изрешетило, а у тебя ни царапины.

— Судьба?

— Черт его знает...

— А все же, возвращаясь к вопросу о правде войны, о "горах трупов", которыми мы якобы заваливали врага... Не ощущали вы себя пушечным мясом: что именно его делают из вас отцы-командиры и за него держат? Не зря ведь хороший фронтовой поэт написал в ту пору:

*Атаман рисковал булавой,
А Иван рисковал головой.*

Вы ведь у нас в "атаманы" вышли уже после войны, став и генерал-лейтенантом, и первым заместителем начальника внутренних войск МВД СССР, а тогда...

— Всю войну я был, конечно, тем Ивановом, который рисковал головой. Всю войну прошел комбатом (лишь под самый конец стал заместителем командира полка, а полк принял уже в апреле сорок пятого). Но что касается жестокости войны — одно скажу: нежестоких войн не бывает. Получил приказ — выполняй. А ситуаций ведь много, трактовать можно по-разному...

Помню, в сорок первом под Мценском велено было мне взять "языка". Любой ценой, а добудь! Ходили, ходили, ходили, но не получается — и все тут. Немец в населенных пунктах укрепился и так засел, что не подступишься. Батальон нес потери, и самого меня там ранило впервые. Но "языка" все же взяли...

— А как же пресловутые наступательные операции к датам: к 7 ноября, к дню рождения "вождя и учителя всех времен и народов"? В сегодняшний день и то прилетают отголоски тех приказов.

— Не знаю, как другие, я таких приказов ни разу не получал.

— А неподготовленных, толком не обученных неужто не гнали в бой?

— Что значит неподготовленных? В первые месяцы войны части пополнял призывной контингент, который мы и сами называли "стариками". Это сплошь мужики послужившие, кто-то и повоевавший. А потом действительно прибывала одна молодежь. Но тут ведь что надо понимать. Если бой тяжелый — потерь не избежать: тридцать-сорок процентов убитых и раненых будет, а то и все пятьдесят-шестьдесят. И ничего не попишешь: на то и война.

— Владимир Иванович, а как вы

стали Героем Советского Союза и каково само ощущение, что вот ты — герой?

— У меня, откровенно сказать, ощущение в момент присвоения звания Героя Советского Союза было неважное. 27 сентября сорок третьего года батальон форсировал Днепр в районе Мишурина Рога, что юго-западнее Киева, десять дней отбивал контратаки. Удержались, хотя потери понесли большие. А когда отсюда началась армейская, потом фронтовая операция и войска двинулись на Кривой Рог, меня перебросили под Черкассы. Получил приказ перерезать шоссе и железную дорогу, соединяющие станцию Смела с Черкассами. Лесами, болотами зашли немцам в тыл, перерезали дороги. Завязались тяжелые бои. Враг нас окружил, и только разведчики порой по ночам пробились в наше расположение. Они-то по октябрьскому первопутку и принесли мне весть о награждении Золотой Звездой.

— Вы, конечно же, приободрились?

— Еще бы! Звание высокое. А в те времена оно было очень высокое.

— А когда награды вам вручили?

— Это потом — в конце сорок четвертого, когда я приехал в Москву, в академию Фрунзе на курсы командиров полков. На фронте тогда Звезды не вручали. Только в Кремле. Моей орденой книжке идет шестой десяток. Тут собственноручные подписи Калинина, Горкина. Они меня поздравляли.

Откровенно говоря, меня ведь в сорок четвертом хотели перевести на основной курс, да я заартачился. Жизнь в Москве рутинная, питание плохое... А мы ведь, когда наступать стали, зажили на фронте хорошо. Э, нет, думаю, буду проситься назад.

— Занятно получается. Иной как от огня бежит от одной только мысли, что могут убить, а вы сами просились в пекло?

— Не знаю, чем все это можно объяснить, а только завладело мной одно: на фронт, на фронт, на фронт; к своим, к своим, к своим! И, короче говоря, на мандатной комиссии я отказался от дальнейшей учебы в академии. Шестимесячные курсы командиров полков закончил и уехал воевать.

— А в дальнейшей судьбе — как светила вам Звезда Золотая?

— После войны я хотел увольняться, очень хотел. Но меня просто не отпустили. Полгода находился в резерве сначала в Одесском военном округе, потом — в Мос-

ковском. Вот так: и увольнять не увольняют, и толковую работу не дают. Вот в эту пору и предложили мне идти в войска НКВД. Хотя я и не представлял, что это такое, но болтаться без дела мне тоже надоело, согласился. Прибыл в Тулу на должность заместителя командира конвойного полка. Первое время присматривался: после Красной Армии все странным казалось. А потом пообвык, втянулся в службу. В это же время в Москве открывается четырехгодичный военный институт. Коль остался военным, надо учиться. Год проработав в Туле, получив подполковника, я поступил на учебу. Закончил, и почти восемь лет командовал полками всюду, куда бы ни направляли: в Вильнюсе, Таллине, Барановичах, Минске. Потом уехал в Ташкент на дивизию. Два года там. Затем академия Генерального штаба. В 61-м окончил ее и снова ушел на дивизию. Семь с лишним лет был в Ленинграде. В 68-м был назначен первым заместителем начальника войск. С этой должности уволился в восьмидесятом.

Вот и судите: светила в жизни мне моя Звезда или нет. По мне, так была работа и работа.

— А в бытовом плане? Небось после парада Победы все московские невесты смотрели на вас влюбленными глазами?

— Да не запомнились мне никакие девчонки! Не до них, наверное, было. А потом... Мы ведь воспитывались совсем в ином духе. Вот, помню, приехал в сорок четвертом в Москву, посмотрел: девки курят — так мне это дико показалось...

— Извините, Владимир Иванович, но не раз доводилось слышать, мол, чтобы быть отмеченным такой высокой наградой, человеку зачастую мало даже совершить подвиг — надо, чтоб ему еще хоть чуточку повезло. Написал Сергей Сергеевич Смирнов свою "Брестскую крепость", и майору Гаврилову, другим замечательным людям воздали должное. А то ведь многие из них прозябали в безвестности, а то и вообще носили ярлыки изменников Родины, поскольку хоть и не по своей воле, но оказались в плену. Или рассказала "Комсомолка" о Рихарде Зорге, статья попала на глаза, и пусть с опозданием, но легендарный разведчик стал Героем Советского Союза. А сколько копий было сломано в битве за честь героя-подводника Маринеско?! После этого волей-неволей начнешь верить, что сплошь и рядом даже такие

вещи зависят от множества обстоятельств, порою далеких от сути совершаемого. И это горько, не правда ли?

— Я тут мыслю так. Чтобы получить Звезду Героя, надо участвовать в операции, которая имела б значение для боевых действий армии, а то и фронта. Это, во-первых. А во-вторых, если поставленную задачу выполнил, тебе могут присвоить это звание, а могут и нет. Руководство решает. Пусть сам ты выглядел молодцом. А как подчиненные? Так ли героически себя вели?

Далеко не всем участвовавшим в операциях дают Героев. Если не изменяет память, за тот же Днепр у нас в дивизии стали Героями чуть больше двадцати человек.

Обстоятельства складываются по-разному. Я всю войну прошел, знаю. Первый свой орден — Красную Звезду — получил за форсирование Дона. Тогда мы первый раз Харьков взяли, да потом оставили. За Харьков я получил и орден Красного Знамени: мой батальон среди первых ворвался в город. На Днепре же стал Героем...

Там две с половиной тысячи человек получили это звание. Почему? Да потому что сама операция была необычной. Немец считал, что на этом рубеже он окончательно остановит наступление наших войск, и произойдет новый перелом в войне. Он полагал, что днепровский рубеж для нас непреодолим. Да и действительно — водная преграда мощнейшая, дай ему как следует закрепиться, нам бы пришлось туго. Так вот, расчет нашего командования как раз в том и заключался, чтобы помешать врагу это сделать.

Бои шли тяжеленные. Дело осложнялось еще и тем, что поначалу мы не смогли переправить с собой ни артиллерии, ничего. Одни противотанковые ружья, пулеметы. А он как танки пустит... И потом у него авиация еще в ту пору господствовала.

В общем, мои бойцы в тех сентябрьских боях сделали больше, чем могли.

— Встречаясь с фронтовиками, часто ловлю себя на мысли: жизнь этими людьми прожита большая, но самое яркое в ней все-таки осталось там, на войне, какими бы ужасными сами по себе ни были те дни, месяцы, годы.

— Да, для нас оно так и получилось. Многое и по сей день стоит перед глазами. И не только там страшное, кровавое. Хватало всякого, в том числе и курьезного.

— А например?

— Когда мы форсировали Дон, я был ранен в правую руку. В госпиталь не ушел, долечивался при санчасти полка. И вот попался как-то на глаза комдиву: "Ты это, гвардеец, чего?!" (А как раз за форсирование Дона нашей дивизии только-только присвоили наименование гвардейской.) "Да вот, — говорю, — ранен: рука на перевязи". А он и слушать не хочет: "После победы, — говорит, — долечиваться будем, а пока поезжай и принимай свой батальон".

Я и поехал. Март месяц, луна такая висит, что светло как днем. У меня сани были, пара лошадей. Со мной — командир роты, ординарец да ездовой.

Проехали мы тылы полка, смотрю — справа идет колонна. Ротный мой контужен был, глуховат. Я кричу ему: "Гриша, сбегай, разузнай, кто это нам дорогу заступил". Побежал. Потом — выстрел одиночный, группа небольшая отделилась от колонны и идет к нам.

Слышу, кричит ротный: "Итальянцев в плен взял!". А дело в том, что здесь, при слиянии Дона с Донцом, нам противостояли не только немецкие, но и итальянские части, вместе они и попали в окружение.

Одним словом, подводит мой Гриша к саням четырнадцать итальянцев. Мы их тут же разоружили (у них, правда, и оружия-то особо не было, вояки они, прямо скажем, хреновые). Расспросил я как мог ихнего офицера: кто, мол, такие и куда шли — и понял, что там, впереди, на дороге осталось еще человек шестьдесят немцев.

Между нами метров сто пятьдесят, не больше. Они стоят, не движутся, а ротный меня тормозит: пойдём, дескать, сагитируем и их, что "Гитлер капут".

Тут и меня задор захватил: "А чего ж, пойдём!"

А у немцев так: у каждого из шестидесяти по винтовке и пулемет с ними. Стоим мы вместе с ротным, а те нас обступили полукольцом, и офицер (маленького такого росточка) вышел вперед: пацан пацаном, только лицо обросло черной бородой.

Я говорю: "Давайте сдавайтесь..."

А луна светит, ну как прожектор, буквально все видно. Гляжу — рядом немец стоит замерзший, сопли текут, худой — слов нет, и винтовку едва держит. Я руку и протянул. А он как винтовку вскинет, затвором раз...

Ну я хрясь по винтовке, он стал и стоит. А я тут уж говорю: "Гриша, давай будем

уходить, а то как бы нам тут самим навсегда не остаться". И мы потихоньку, потихоньку повернули к саням, так, вроде махнув на немчурой рукой.

Идем, а сами думаем: вот сейчас, вот сейчас лупанут в спину. Однако отошли, а ни одного выстрела по нам так и не было: чего-то они там, видно, побоялись.

Развернулись мы, доложил я о тех немцах. Итальянцев-то ездовой повел, их-то как раз фашисты и обстреляли... А я в тот раз, считаю, чудом уцелел.

— Действительно курьезный случай. Правда, веселого в нем мало.

— Да уж какое веселье: едва живой остался. Хотя бывали на фронте и иные — поистине радостные минуты.

В сорок третьем, после Курской битвы, мы уходили на переформирование, грузились на небольшой станции под Харьковом. Я в ту пору опять-таки долечивался после ранения в ногу. Вечер, сидим ужинаем. Заходит ординарец: "Товарищ майор, там вас отец спрашивает". — "Какой отец, — говорю, — откуда отец?!" Ведь немцы как оккупировали Полтавщину в сорок первом, так у меня с домом связь и прервалась. Сколько ни наводил справки — тщетно.

Поднимаюсь (а ходил я еще с палочкой), в дверях действительно отец!

Он, оказывается, партизанил; в сорок третьем вышел из окружения с заданием, но обратно, за линию фронта, его не послали, а назначили директором совхоза. Этот совхоз как раз поставлял продукты нашему госпиталю. Когда отец в очередной раз их привез, его повели знакомиться с ранеными.

Он представился: Сентюрин, мол, Иван Михайлович. Начальник госпиталя возьми да и спроси: "А сын у вас воюет?" Отец отвечает: "Да". — "А зовут не Володей?" — "Володей". — "Так он от нас только-только выписался!"

Отец сразу в машину (хорошо еще догадался пропуск взять на случай встречи с заградотрядом), и на третьи сутки нашел-таки меня.

— Мир тесен.

— Не говорите! Вот это был поистине один из самых радостных дней у меня на фронте. Мы с отцом его потом часто вспоминали. Он вообще у меня был боевой мужик. Империалистическую прошел, гражданскую, Отечественную захватил. Орденами Ленина, Красного Знамени был награжден. И умер недавно на девяносто четвертом году.

— Владимир Иванович, вы активно работаете в совете ветеранов ГУКВВ. Как, на ваш взгляд, меняется солдат, офицер? С тем ли вниманием слушают они сегодня ваши рассказы, как слушали мои сверстники, чьи отцы, практически до единого, прошли Великую Отечественную?

— Да ребята они как ребята. Правда, от войны отстоят далеко (это зачастую даже уже и не внуки фронтовиков). Дело не в них, а в том, что с пропагандой патриотизма сегодня худо. Воспитанием никто не занимается, многие добрые начинания заглохли. А чего добились? Молодые ребята не хотят идти в армию, Родине служить не хотят. Это же ни для кого не секрет. Чудно! Мои школьные товарищи рвались стать военными. Это было престижно. Сколько лет прошло, а у меня перед глазами соседский парень, сержант, приехавший в отпуск: гимнастерочка, сапожки, треугольники в петлицах... Я смотрел на него и мечтал: эх, и мне бы вот так! Да что там говорить...

— Десятилетия три тому назад страну облетел призыв: возьми в пример героя! На гражданке появлялись бригады, работавшие за себя и за того парня (имелся в виду погибший на войне и зачисленный в списки трудового коллектива). У нас создавались именные посты, патрульные маршруты, несли вахты памяти, шло соревнование за право сдавать итоговую проверку за героя, навечно зачисленного в списки личного состава...

Сегодня говорят: это не вдохновляет. Ссылаются на то, что все, мол, эти патриотические начинания, эти инициативы спускались сверху. Но, по-моему, лучше уж что-то путное делать под диктовку, чем не делать ничего, но зато по собственному усмотрению. Вы согласны со мной?

— Да тут вопросов нет! Раньше патриотическое воспитание было поставлено хорошо, и надо многому поучиться у того времени. Вспомните хотя бы лыжные переходы по местам боев. Это же великолепные вещи! Это и закаляло людей, и воодушевляло, и воспитывало их.

Слишком много нарублено сплеча за последнее время. Ну какая, скажите, необходимость была в отмене прежних орденов? Пожалуйста, вводи новые, если считаешь нужным. Царские-то кресты у нас никто не отменял. Прекратили ими награждать, и только. Но разве в тридцатые-сороковые годы хоть у кого-то в моз-

гах шевельнулось торговать ими? Нет! А почему? Да потому что люди понимали: за эти кресты пролита кровь, их просто так никто никому не давал. Тогда уважали память, достоинство солдатское. А сейчас...

— На двадцатилетие Победы в дивизии имени Дзержинского открывали монумент павшим в боях за Родину. Вечный огонь зажигал боец автобронетряда Даниил Никифорович Волков. Так на лацкане его пиджака над орденом Красного Знамени за гражданскую красовался полный бант Георгиевского кавалера. И никого те солдатские кресты не смущали, даже напротив. А ведь на календаре значился 65-й год. Сейчас бы сказали — дремучее, застойное время.

— Что ж время, время?! Время — это ведь мы, люди. Меняется символика, пусть, но глумиться над прежней не надо. Оставьте ее тем, кому она дорога. Ведь, в сущности, во все времена солдат проливал свою кровь за Родину, за правое дело. Ну так что ж, что он получил такой вот орден. Его время было такое, оно и отмечало его такой наградой.

— Времена не выбирают, в них живут и умирают.

— Вот именно!

— Владимир Иванович, вам не доводилось слышать, что если бы сложить вместе все рассказы о войне, то получилось бы: немцев набито столько, сколько трем Германиям не нарожать и за триста лет? Видимо, в этом есть доля правды. У нас ведь, если подвиг, то вокруг героя непременно должны валяться горы фашистских трупов, гореть десятки танков и т.д. и т.п. Принижая врага, не принижаем ли мы сам подвиг? Не кроется ли здесь "охлаждение" интереса к людям вашего поколения, наплевательское отношение к наградам, о котором вы как раз и говорили?

— Война — это, бесспорно, тяжеленная, страшная работа. На ней все дается не просто. Что касается трупов — так я собственными глазами видел груды побитых немцев при разгроме Корсунь-Шевченковской группировки. Картина была просто страшная: все поле буквально было усеяно убитыми.

А в обычных боях... В них очень трудно определить количество убитых. Среди своих — да, тут ты все знаешь: кто убит, кто ранен; похоронные команды работают. Сколько же побито врагов — поди сосчитай. Немцы, когда не бежали, всегда

подбирали убитых. А когда мы их погнали, тут им уже, да, стало не до того. В общем, как у нас в сорок первом-сорок втором, так и у них было, начиная с сорок третьего. И потом ведь наш народ, наш солдат, пока его не разозишь, ведет себя нормально: там, где можно не убивать (немец уже безоружен), не убивали.

— То, о чем я вас спросил, где-то переключается с началом нашей беседы — о правде войны. Враг, он ведь непрост: он хитер, он не дурак, он не меньше твоего хочет и выжить, и победить. Ведь так?

— Бессспорно.

— Так почему же, понимая все это, полвека говоря, как важно сберечь каждую крупицу фронтового опыта, мы в решающий момент оказываемся неучами? Вот — в связи с событиями в Чечне — не обидно ли, что опыт ваш не востребован? То федеральные войска штурмуют Грозный "голой броней", то не только бойцы — командиры! — удивляются каверзам противника: нападают, мол, исподтишка, малыми группами, минируют все и вся, даже трупы. Но разве мы этого уже не проходили? Или ваше поколение не о том беседовало с нашим? А может, у нашего в решающую минуту память отшибло?

— Просто по-настоящему изучением опыта войны никто никогда не занимался. А рассказы наши... Для иных ведь они звучат как сказки.

— Допустим, так — Отечественная действительно отстоит от нас уже на полвека. Но ведь был Афганистан, который тоже многому должен бы научить. По крайней мере — вот, гляди, как воюет Восток. Ан, нет! И мы опять, как в сорок первом, оказываемся не готовыми к серьезным испытаниям. Не так ли?

— Выходит, что так. Хотя, конечно, война войне рознь.

— В этой связи хотелось бы задать вам и вот какой вопрос. Сегодня рядом с Героями вашего поколения встает плеяда Героев России. Как смотрите вы на них? Не девальвируется с годами цена солдатского подвига?

— Этот вопрос сложный сам по себе. Почему он такой сложный? Герои, ведь они тоже разные — вот в чем дело. Грань тут существует, нравственная грань. Ее надо чувствовать, а это дано немногим.

— Когда вы говорите о нравственной

грани, имеете в виду нравственность самих боевых действий, самой войны, а не того, что совершил человек в бою? Я правильно вас понял?

— Да. Солдат, он и есть солдат. До тех пор, пока я жив, говорил и буду говорить: солдат должен выполнять приказ! Если он перестанет это делать — армии конец.

— Владимир Иванович, от грустных раздумий давайте перейдем к более радостному и светлому. Как думаете сами отмечать пятидесятиую победную весну?

— Приглашали меня в поездку по Германии. Я отказался.

— Чего ж не поехать, не посмотреть на те места, где воевал, где прошла боевая молодость?

— А что смотреть, когда побежденные живут, а победители... Не знаю. Пока определенно собираюсь на парад Победы. Я ведь, начиная с того, в июне сорок пятого, участвовал в парадах и на 10 лет, и на 20 лет, и на 30 лет, и на 40 лет Победы. Теперь вот золотой юбилей. В Москве, Московской области нас еще осталось тысячи полторы Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы. Мы довольно часто встречаемся в клубе героев. Вот такие дела.

— Наверное, это очень здорово — через столько лет видеться с однопольчанами: подчиненными, командирами. Вы в начале беседы назвали генерала Маргелова — своего комдива. Это не он ли впоследствии командовал ВДВ Союза?

— Он.

— А с кем еще, интересно, сводила вас судьба на дорогах войны?

— Я был взводным, ротным, комбатом. Кого я особо мог увидеть? Правда, одно время командовал нашей дивизией генерал Машляк — герой Хасана. При Машляке и я свою Звезду получил.

— А что вы как старый солдат хотели б пожелать молодому воинству?

— Хорошей службы. Успехов. Да чтоб поменьше воевать пришлось, чтоб живыми и здоровыми возвратились домой. На внутренние войска возложили сегодня такие задачи, что если так и дальше пойдет, все будет держаться только на них.

— Спасибо за беседу и с великим вас праздником, товарищ генерал-лейтенант!

Вел беседу
полковник Е. АРТЮХОВ.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

1 апреля. Шли ожесточенные бои по уничтожению блокированных боевиков. Выполняя приказ, сложили головы на поле брани подполковники **Сергей БЫКОВ, Сергей БУЛГАКОВ, ефрейтор Игорь ЗЕМЗЮЛИН, рядовые Олег ПЛЕНКИН, Иван МАКЛАКОВ, Роман КАМЕНЕВ, Олег КОРОЛЕВ, Евгений ТАРАБРИН, Александр ЛИМАНСКИЙ.**

Путем обмена был освобожден из плена лейтенант Борис Болтнев.

На западной окраине Старопромысловского района чеченской столицы из легкового автомашины обстрелян КПП. Получил ранение рядовой Роман Попадин.

2 апреля. Внутренние войска и органы МВД проводили специальные операции по разоружению незаконных формирований в районах Гудермеса и Шали. В ходе их у боевиков захвачено 34 единицы стрелкового оружия, 29 снарядов, 270 мин, 29 выстрелов к РПГ. Обеспечено сопровождение ремонтно-восстановительного поезда в районе населенного пункта Червленая-Узловая.

3 апреля. В Грозный доставлено 5 тонн гуманитарной помощи, запущено дополнительно 5 скважин для подачи питьевой воды.

Чеченские боевики концентрируют свои силы вдоль границы с Республикой Дагестан. Ночью с западной окраины поселка Кулары обстреляна застава внутренних войск. В результате погиб наводчик пулемета БТР рядовой **Александр ЧЕЛИХИН.**

4 апреля. На северо-восточной окраине Ишхой-Юрта завязался бой с подвижным отрядом боевиков. В ходе него подавлены 3 огневые точки, уничтожены 4 автомобиля дудаевцев. Пострадали и военнослужащие. Получили ранения и госпитализированы старший лейтенант Сергей Таренко, ефрейторы Элвир Фазылов, Олег Мазин и рядовой Алексей Подшивалов.

5 апреля. Внутренние войска осуществляли частичную перегруппировку, вели разведку местности и противника. Некото-

рые подразделения были подвергнуты обстрелу из стрелкового оружия.

6 апреля. Внутренние войска продолжали проводить войсковую операцию в районе Самашек. В результате подрыва на минах двух бронетранспортеров и танка получили травмы 15 военнослужащих.

Обстреляны из гранатометов и стрелкового оружия несколько застав внутренних войск. Ранены заместитель коменданта старший лейтенант Николай Смирнов и стрелок рядовой Эльдар Кайров. Оба остались в строю.

За сутки задержано 11 боевиков, изъято различных боеприпасов более 37 тысяч штук, 17 автоматов, 9 гранат.

7 апреля. Федеральные войска блокировали в районе Самашек и прилегающем к ним лесном массиве большую группу боевиков. Формирования боевиков отказались покинуть село и демонстративно расстреляли старейшин, которые вели переговоры с командованием федеральных сил.

Около 140 мирных жителей покинули зону боевых действий через оставленный для этого коридор на северо-восточной окраине Самашек.

Началась войсковая операция по уничтожению боевиков. Авиация и артиллерия наносили удары по скоплению живой силы и техники противника — преимущественно в районе лесного массива юго-восточнее Самашек. К 24.00 войсковая операция по освобождению Самашек завершена.

8 апреля. В ходе специальной операции по разоружению незаконных вооруженных формирований и разведывательно-поисковых мероприятий, изъятия оружия у населения, перекрытия вероятных путей движения боевиков погибли **старший лейтенант Максим МАКСИН, прапорщик Александр АСОВЕЦ, сержант Александр ЛЕСНИКОВ, младшие сержанты Алексей БУТКИН, Александр КРИНЬКО, Вячеслав РАЧЕНКОВ, ефрейторы Сергей БЫДАНОВ, Дмитрий СТАРИКОВ.**

При осмотре местности подорвались на мине-растяжке и получили ранения сер-

жант Анатолий Ящерицын и младший сержант Алексей Грошев. При обстреле заставы ранен рядовой Юрий Высоцкий.

9 апреля. В ходе боя по пресечению прорыва группы боевиков из района блокирования погиб **сержант Анатолий ПЕТРЕНКО.**

К 19 часам внутренние войска во взаимодействии с частями Российской армии завершили очистку лесного массива под Самашками. Уничтожено 50 опорных пунктов, 44 боевика взяты в плен.

На mine подорвалась разведывательная дозорная машина. Погиб **рядовой Андрей ГРИШАЕВ** и ранен рядовой Сергей Мальцовский.

10 апреля. Продолжались бои, в ходе которых противнику нанесен большой урон. Есть потери и у нас. Погибли **полковник Виктор ОСТАПОВ, рядовые Сергей НЕМЧИНОВ, Андрей КУЧЕНДАЕВ, Руслан ДУКАНС.**

11 апреля. Внутренние войска в течение дня завершили прочесывание Ачхой-Мартана.

При проведении саперных работ подорвался на mine и получил ранение рядовой Николай Волобуев.

13 апреля. В ходе оперативных мероприятий в районе Шали обнаружен склад боеприпасов, в котором находилось 269 мин для 120-мм миномета. Уничтожена оборудованная армейской радиостанцией стационарная радиоточка.

В ходе операции четверо военнослужащих ранены. Погиб **рядовой Владимир КУСТОВ.**

14 апреля. В Бамуте проведен поиск в горно-лесистой местности. Подразделения войск встретили здесь сильное огневое противодействие. Уничтожено более 150 боевиков, изъято большое количество стрелкового оружия. Погибли **прапорщик Геннадий РОМАНОВ, младший сержант Дмитрий ГРИВНАК, рядовой Сергей ЛЯПУСТИН.**

15 апреля. При сопровождении колонны Красного Креста подорвался на mine БТР-80, при этом получил ранение подполковник Николай Зайцев.

16 апреля. Закончилась подготовка к проведению войсковой операции по освобождению от боевиков населенного пункта Бамут. Во время одного из обстрелов погиб **рядовой Максим ЛУКЪЯНЧУК.**

18 апреля. Внутренние войска вели многочасовой бой за Бамут. Поставленные им задачи они выполнили: подавили огневые точки противника. И опять пролилась кровь наших воинов. Погибли **лейтенанты Михаил НЕМИТКИН, Андрей ЗОЗУЛЯ, старший лейтенант Олег РАССТЕГАЕВ, прапорщик Олег ТЕРЕШКИН,**

рядовые Александр КОВАЛЕВ, Александр ШУЛЬГОВ, Игорь ПАНКОВ, Дмитрий ОВЧИННИКОВ, Виктор ГЕРАСИМЕНКО. 50 военнослужащих получили ранения различной степени тяжести. Пропал без вести капитан Виталий Цимановский.

19 апреля. В Москве командующий объединенной группировкой федеральных сил на территории Чеченской Республики генерал-полковник Анатолий Куликов провел пресс-конференцию для российских и иностранных журналистов. По его оценкам, численность сторонников Дудаева ныне составляет около 7 тысяч человек, из них около 3 тысяч — наиболее подготовленные боевики.

В ходе боев по очистке Бамута погиб **рядовой Александр СЛЕПНЕВ.**

20 апреля. Внутренние войска продолжали операцию по уничтожению противника в Бамуте. При выполнении боевой задачи пропали без вести старший лейтенант Вячеслав Кубынин, лейтенант Сергей Голубев, сержанты Владимир Велух, Андрей Плешев, рядовые Алексей Кудрявцев, Александр Клинчук, Александр Рева, Николай Герасименко, Акбар Ахметов.

21 апреля. Внутренние войска овладели населенным пунктом Орехово.

22 апреля. Представители командования внутренних войск провели переговоры с лидерами Ачхой-Мартанского района. Переданы тела 11 военнослужащих. Среди них: **капитан Андрей РОМАНОВ, ефрейтор Игорь КУЗНЕЦОВ, старший лейтенант Александр ЛЕОНОВ, ефрейторы Владимир ЯГОЛЬНИЦЕР, Игорь ХЛОПЦЕВ, сержант Ифрит БУРБАСОВ.**

Попала в засаду разведывательная группа. Погибли трое военнослужащих из роты спецназначения: **капитан Сергей УСТИНОВ, сержант Александр МАРКИН, рядовой Андрей БУГРЕЕВ.**

23 апреля. В районе Гудермеса подвергся обстрелу боевиков военный городок. Бой длился около двух часов. В ходе него погибли **прапорщик Юрий ПОТАПОВ, рядовой Валерий ИВЧЕНКО, сержант Сергей МАРКОВ, капитан Игорь НАЙДЕНОВ, младший сержант Алексей ШИШКИН.**

По оперативным данным, на 25 апреля 1995 года погибло 177 военнослужащих внутренних войск, в том числе офицеров — 42, прапорщиков — 5, сержантов — 27, солдат — 103.

Подборку подготовил подполковник В.ПАНЧЕНКОВ.

17/15

Награду рядовому Виталию Титоренко вручили прямо в солдатской палатке. Генерал, возглавлявший группировку внутренних войск в одном из районов Чечни, сам сполна хлебнул военного лиха и хорошо знал, что поддерживать боевой дух бойцов и командиров надо всячески. Потому и вручение орденов и медалей не стали откладывать до лучших времен. Заслужил — носи с честью и гордостью!

По нашей просьбе достал солдат свой орден Мужества из внутреннего кармана, положил на ладонь перед фотообъективом. Чуть смущенно улыбнулся.

Несколько строк из наградного листа никак не могут передать атмосферу того боя, в котором отличился рядовой Титоренко, бесстрастный документ лишь свидетельствует, что наводчик СПГ-9 "при проведении специальной операции по ликвидации бандформирования в опорном пункте в районе населенного пункта Долинский, действуя в противотанковой группе, под огнем противника, проявил умение, отвагу, решительность, самоотверженность. Огнем из гранатомета лично уничтожил миномет противника вместе с расчетом. Продолжая бой, оказал огневую поддержку наступающим подразделениям, тем самым значительно уменьшив боевые потери личного состава..."

Все войны батареи не оплошали в слож-

Портреты на фоне войны

нейшей ситуации. Ордена Мужества удостоены младший сержант Анатолий Малашев, рядовой-контрактник Рамиль Залилов, представленные к наградам и их боевые товарищи. Пока часть находится на передовой, носят они свои награды в красных коробочках под куртками и бронежилетами. Но настанет на Кавказе мир, и те смелые и сильные люди, кто мир устанавливал, рискуя собственными жизнями, а нередко и проливая кровь, будут носить их на парадных мундирах по праздникам. Спасибо вам, парни, за ратный труд!

Этого офицера заметил еще в прошлом году в Моздоке и записал в блокноте как возможного героя будущего очерка: "Подполковник Мартиенко Вячеслав Павлович, командир отдельного батальона, награжден орденом "За личное мужество", медалями "За отвагу", "За отличие в воинской службе" I и II степени". Часть его старший начальник назвал образцовой и всем еще необстрелянным советовал перенимать здесь боевой опыт. Вячеслав Павлович рассказывал, как организовать вождение боевых машин, как по науке поставить палаточный городок... В тишине, под безоблачным небом все казалось легко и просто.

И вот встретились в Чечне. Командир так же подтянут, хладнокровен — лишь усталые глаза да щетина, успевшая уже стать бородкой, говорят о непростой бивуачной жизни. БМП — по сути, самая тяжелая боевая техника, что есть сегодня у внутренних войск. Когда встретили ожесточенное сопротивление дудаевских формирований, батальону Мартиенко пришлось принимать на себя один удар за другим. Когда по ним стали бить из "Града", гаубиц, ему была поставлена задача по возможности уничтожить эти мощные огневые средства противника. Первую гаубицу уничтожил взвод лейтенанта Никитенко. Тремя машинами в ночное время стремительно атаквали, лейтенант получил тяжелое ранение. Чудом вывел подбитую машину из-под огня механик-водитель ефрейтор Григорьев.

— А в другом бою, — рассказывает Вячеслав Павлович, — отличилась головная походная застава во главе со старшим лейтенантом Щукиным. Умело действовали капитан Онищенко, сержант Ковалев,

рядовой Веретенников. Подавили огневые точки, без потерь вышли из боя, обеспечив тылы и успешные действия оперативного полка внутренних войск, который вышел на заданный рубеж.

Когда попросил назвать лучших, командир заявил буквально следующее: "Что хотелось бы отметить — личный состав части в тяжелейших условиях не пасует, проявляя стойкость, мужество, волю".

Уже награждены орденом Мужества старший лейтенант Михаил Лакида, медалью "За отвагу" старший лейтенант Владимир Щукин, со дня на день получают заслуженные награды многие их боевые товарищи. А вот рядовой Канунцев Саша, как ни горько об этом говорить, удостоен ордена Мужества посмертно.

Сам командир батальона рисковал не однажды — прошел он все горячие точки. Окончивший Харьковское гвардейское танковое училище, а потом и военную академию, подполковник Мартиенко все годы прослужил в Отдельной дивизии оперативного назначения внутренних войск МВД России. И в бой ему приходилось вести свои бээмпэшки, и с белым флагом выходить вперед, заглушив моторы. Так случилось во время осетино-ингушской кровавой схватки в поселке Чермен, где погибли два солдата из его части. Мест несвойственна офицеру-миротворцу, рискуя жизнью пошел он к вооруженной толпе, взывая к разуму тех, кто готовы были убивать, жечь, взрывать.

Прощаясь с Вячеславом Павловичем, мы от души поздравили его с заслуженной наградой — орденом Мужества и пожелали удачи.

Рядовой Дмитрий Борисов в Грозный прибыл со своим автокраном, и когда солдаты бригады оперативного назначения вместе с ОМОНОм занимались чисткой города, то есть добивали дудаевцев "кучками и поштучно", Дмитрий работал в автопарке. Он служит в инженерно-саперной роте, но больше общается с автомобилистами. И в тот день помогал ставить двигатель на ремонтируемую машину. Вдруг кричат: "Борисов — на выезд, по-шуструму!" Собрал кран — опоры, значит, сложил — и поехали.

Человек деловой и немногословный, он рассказывает о случившемся коротко, без прикрас:

— Подъезжаю, смотрю — котлован глубокий и БТР висит над ямой, его еще один БТР держит тросами. Подъехал, расставил опоры. Зацепили, стал поднимать. В общем, поднял его... Сначала за одну сторону поднял — не получилось. Зацепили за другую. Еще один БТР зацепили тросом — вытащили. Отцепили БТРы, вроде все дела. Только стал складываться — началась обстрелка...

Он так говорит — "обстрелка", как нечто среднее между "перестрелкой" и "обстрелом". И то и другое уже стало для бойцов обычным делом. Командиры отдавали распоряжения — кому куда укрыться, как организовать оборону, подавить огневые точки противника.

Минометчики дудаевцев брали в вилку подразделение внутренних войск — три мины легли уже в нескольких метрах. Надо было, как говорят в народе, "делать ноги". Но все БТРы, вытаскивавшие влетевшую в котлован "коробочку", сбились в кучу. Пробку можно было ликвидировать, лишь убрав с проезда автокран. Хорошая мишень — большая, ярко-желтая, великан с русским именем "Ивановец" стоял, расставив ноги-опоры. Еще минута-другая, и...

Рядовой Борисов кинулся в кабину. Кто-то истошно крикнул: "Куда? Назад!" Подразделение оцетинилось из-за укрывший стволами, но против мин, с противным воем сыпавшихся с неба, вряд ли что можно было предпринять. И Борисову чем помочь? На чьи-то советы он лишь огрызнулся: "Сам разберусь, кто на кого учился!"

Колючие мурашки пробежали под бронезилетами его товарищей, наблюдавших за хладнокровными с виду движениями крановщика. А он-то взмок изрядно — и от физического, и от нервного напряжения.

**Боевая
специальность
крановщик**

"Ивановец", подобрав клешни-опоры, рванул с места. За ним один за другим вытянулись в колонну бронетранспортеры. Броня на колесах — это уже спасение. В считанные секунды личный состав ушел из-под огня.

Полковник, прошедший многие горячие точки, с облегчением затянулся сигаретой: "Вот тебе и крановщик — вроде не боевая специальность. А ведь парень, считай, подвиг совершил — не растерялся, не струсил. Главное — пацанов спас, технику. Молодец! Надо сказать, чтоб представление на него писали — заслужил парень награду".

— Мать-то с отцом знают, что ты здесь? — спросил Дмитрия, когда сидели, перекуривая в теплой кабине, на дверце которой, как водится на войне, висел бронезилет, а у ноги приткнулся автомат.

— Нет, не писал, чтоб не волновать. Пусть думают, что в бригаде. Отец ведь у меня тоже автокрановщик, он знает, что я не должен быть в окопах, так где-то, на подхвате мы обычно...

**Полковник Б.КАРПОВ.
Фото О.СМИРНОВА.**

г.Грозный

176

ДВЕ ВОЙНЫ И ДВЕ СВАДЬБЫ МАЙОРА КАБАЦКОГО

Еще в недалеком прошлом самый искушенный читатель, заметив в заголовке такие слова, тем более в номере Журнала, традиционно посвященном дню нашей Великой Победы, безошибочно мог определить, о чем пойдет речь в публикации. И, как правило, он не ошибался. Писали действительно о Великой Отечественной войне. Но времена меняются. Сегодня фронтовиками становятся дети невосставших родителей.

Листаю личное дело майора Виктора Кабацкого. Ушли кадровики для облегчения своего труда изготовили резиновые штампы и в графах "Участие в боях и других боевых действиях", "Ранения, контузии, ожоги и отравления, полученные в боях", как на конвейере, штамповали: "Не участвовал", "Не имеет". Жизнь вносит свои коррективы. Наша суровая действительность перечеркивает корявой рукой аккуратненькое клише "Не участвовал" и тем же почерком дописывает: "Участвовал. ДРА, Москва, Северная Осетия, Чеченская Республика". Перечеркивает "Не имеет" и... Первое ранение Виктор Кабацкий получил в Афганистане, второй раз был ранен спустя девять лет в Северной Осетии. И оба раза выживала его медсестра, о которой тоже сохранилось упоминание в личном деле офицера. Там записано: "Консульским отделом посольства СССР в ДРА зарегистрирован брак с гражданкой Доценко Натальей Павловной..."

Они были солдатами одной армии, стали мужем и женой, родителями шестилетнего Дмитрия Викторовича.

Все начиналось в Афганистане...

Лейтенант Виктор Кабацкий в то время оставался за командира роты. Кому, как не ему, возглавить личный состав на предстоящей операции.

За ними прилетели две "вертушки". Только организовали посадку — и тут началось. Мины свистели и выли до боли в ушах, от разрывов слепило глаза и пылью заслонялось раскаленное солнце. Видимо "духи" знали о планируемой операции. Квадрат накрывали прицельно, мастерски.

— Вперед! — командовал Кабацкий, оглушаемый взрывами. Сквозь густую пелену пыли видел, что бойцы рассредоточились и прилипли к земле. Тяжело их поднять под минометным огнем.

— Вперед! — надрывал глотку, разъедаемую гарью, лейтенант, пытаясь увести солдат в безопасное место.

Вышли на ровную площадку. Осталось сделать еще один бросок, и можно

было укрыться на своих позициях. Впереди бежал пулеметчик Шура Шуляков, за ним — сержант Шинкарук, командир взвода бежал третьим.

Вдруг почти у самых ног оглушительный взрыв, из клубов пыли вырвался огонь. Лейтенант оторвался от земли и почувствовал, что куда-то улетает. Перед глазами — грязное небо и почему-то все в звездах. В следующий миг его заволочло черным туманом беспаматства.

Виктор пришел в себя, чуть очухался, слышит — голос Шинкарука:

— Шура, уколчик сделаю, и все будет нормально. Потерпи немножко, сейчас к своим отнесем.

Лейтенант поднял голову. Рядом — изуродованное тело Шуры Шулякова. С одной ногой, вторую оторвало осколком. Голова посечена, вся в дырочках и кровавых подтеках. Искореженный кусок металла торчит и в бронезилете.

— Бегом наверх! Санинструктора с носилками сюда, — кричит командир взвода. Шинкарук спокойно вводит раненому промедол — и наверх. Прибегает санинструктор с носилками. Положили Шулякова — и почти бегом к своим позициям. Вдруг — со свистом снова разрезает воздух мина. Быстро ставят носилки и не сговариваясь, без команды, все как один прикрывают своими телами раненого товарища. Хотя каждый знал, что Шуляков уже не жилец.

Доставили к своим позициям, поставили капельницу, ввели еще промедол. Лейтенант Кабацкий сидел на корточках возле носилок с раненым и вдруг заметил, что у него на брюках ниже колена штанина разорвана и через дырку торчит окровавленная железка. Виктор пошевелил ее и... потерял сознание.

Потом был госпиталь. Вытащили один осколок; второй, который дошел до кости, доставали уже в Гяндже, куда Кабацкого перевели после Афганистана. Молодому лейтенанту, лихому десантнику, любимцу всего батальона, палату которого не покидали посетители-сослуживцы, ничего не стоило уговорить младенческих медсестер во время процедур не делать этот ну джоже болучий укол — калиевый пенициллин. Всех, кроме одной. Наталья никак не поддавалась на уговоры и добросовестно делала свое дело. Виктору казалось, что она даже удовольствие получала, глядя, как после укола лейтенант постанывает и, шевеля губами, про себя костерит какими-то непотребными словами немилосердную сестру милосердия. "Ну ты у меня попляшешь!" — грозился в душе самолюбивый десантник. И начал он подбирать ключик к несговорчивой медсестре. То на дежурстве подсядет к ее столику, начнет стыдить и упрекать в безжалостности, то совсем уж

немощным прикинется и попросит выйти с ним на прогулку по территории госпиталя.

— Может, не будем эту болучку колоть, а, Натали? Я ведь уже почти здоров. Хочешь, прямо сейчас "Яблочко" сбациаю?

— Ты вот все говоришь, что я безжалостная, — терпеливо выслушав его, отвечала медсестра. — А знаешь ли, орел, что твои десантники дали тебе кличку Жестокий?

— Это я-то жестокий? — рассмеялся Виктор. — Да ты посмотри, посмотри на меня. Я же ростом почти на голову ниже каждого из них. Да и улыбка у меня с лица не сходит, даже вот морщины от глаз до ушей дошли. А то, что на физзарядку в бронезилетах гоняю и марш-бросками выматываю, — посерьезнел Виктор, — им же на пользу. Значит, уцелеют в этой мясорубке. Я и к себе в таком случае жестокий. Благодаря спорту, наверное, пока еще и не подкашиваются ноги и, надеюсь, вынесут они меня домой живым.

Посмотрел на ставшее серьезным лицо Натальи и расплылся в добродушной улыбке: "Ну наконец-то растопил лед на сердце этой милой девушки".

Ничего подобного не произошло. На следующий день в двери появилась Наталья Павловна, держа в вертикальном положении шприц, на кончике иглы поблескивала маленькая капелька. Лейтенант, выдохнув из груди мучительный стон, покорно обнажил истыканное иголками самое мягкое место своего тела. Знавшие об этой дуэли между десантником и медсестрой соседи по палате надрывали жи-во-ты от хохота.

Нет, дальше так продолжаться не может. Виктор решает на сокрушительный удар: лучший удобный момент, в укромном местечке он попытался ее поцеловать. Что тут произошло! Лучше бы он этого не делал.

— Ишь размечтался. А каким ягненком прикидывался. Думаешь, если война, то все позволено? Вообще больше ко мне не подходи, видеть тебя не хочу, — расви-репела Наташа.

— Да я... да мы... В общем, прости, — занял вынужденную оборону на крайне невыгодной позиции лейтенант. Но отступить было уже поздно.

Наталья удалилась и, как назло, больше в их палате не появлялась. Покладистые девушки-медсестры, как могли, угождали лихому десантнику, и больше всего пострадавшее от уколов место стало заживать. Но это Виктор не радовало. Он теперь готов был согласиться на двойную дозу калиевого пенициллина, лишь бы в палату, как раньше, вошла Наташа и, наградив всех добродушной улыбкой, причи-

нила ему эту боль, по которой он уже соскучился.

Отчаянные попытки Виктора восстановить ранее утраченные позиции девушка встречала холодно. Вскоре Кабацкого выписали, стала забывать о нем и Наташа. Но она плохо знала Виктора. Он ведь и в военное училище поступал три раза, пока наконец-таки не добился своего. А позже это его качество и в аттестации отметили: "Целеустремлен. В сложной обстановке не теряется, действует смело и уверенно". И он начал действовать.

Каждый раз, возвращаясь с операции, уставший и грязный от пыли, он наведывался в госпиталь. Только белые зубы, обнаженные в улыбке и охапка красных тюльпанов, которые приносил медсестре, словно два ярких мазка художника, довершали его портрет. Она иногда угощала его сдобным печеньем и коржиками, которые умудрялась выпекать даже здесь, на войне.

Однажды лейтенант, оправдывая строку в характеристике: "Стрелковым оружием владеет уверенно и может обучить этому подчиненных", — пригласил Наташу в тир стрельбища. "Научу-ка девушку стрелять, — думал командир. — Чай, война, авось пригодится наука". Для пущей наглядности не мишень с кругами прикрепил, а выставил различные банки, бутылки, камешки.

— Цепляй и свою фуражку, — рассмеялась девушка.

"Все равно не попадет", — думал Виктор, молча вешая камуфлированное кепи на гвоздик.

По всем правилам методики начал наставлять. Наташа молча слушала, кивая головой.

— Все понятно? — спросил учитель.

— Понятно, — ответила ученица, отодвинула рукой лейтенанта, прицелилась и... начала методично, как учили, крошить камни, бутылки, банки.

— Эй, ты хоть фуражку пожалей, — спохватился лейтенант. Но поздно. Продырявленное кепи шмякнулось в пыльную порошу.

Обескураженный Кабацкий только сейчас узнал, что Наталья до недавнего прошлого член сборной области по пулевой стрельбе.

Встречаться они стали чаще и никогда не вспоминали тот случай в госпитале. К этому времени Наташа и сама поняла, что сейчас уже никакой коварный поцелуй Виктора не сможет их разлучить. И поэтому на предложение выйти за него замуж — согласилась.

К свадьбе готовились две большие семьи: военный госпиталь и полк, где ко-

мандиром разведроты служил старший лейтенант Виктор Кабацкий. Как это часто на войне случается, в назначенный день жених оказался на операции. Возвратившись, быстро привел себя в порядок, и свадебный кортеж в составе нескольких бронетранспортеров направился к госпиталю. Наталья с подругами уже поджидали. Девушки переоделись прямо в бронетранспортерах, по-свадебному украсили и бэтээр молодоженов. Редко кто может похвастаться, что свою будущую супругу привез в загс на такой солидной машине. К советскому посольству эскорт подкатил вовремя. Отдали документы, но вот незадача: не оказалось подписи замполита полка, благословляющего молодоженов на брак. В то время — весомое препятствие на пути молодых к счастью. Логика была проста, как огулец: "Знаем мы эти ваши фронтовые браки. Сегодня женитесь, завтра разжениваетесь". Кто-то из друзей уехал в полк, чтобы пропустить Виктора и Наташу через это морально-политическое чистилище и получить визу.

Начальник химслужбы полка отозвал Виктора в сторону и говорит:

— Что за свадьба без цветов? Не по-нашему это, как считаешь?

— Да их тут и купить негде, — виновато развел руками жених.

— Я знаю одно местечко. Пока вернутся с документами, управлюсь. — Он вскочил на раскаленную броню БТРа и уехал в сторону центра.

На роскошных клумбах у президентского дворца росли прекрасные алые розы. Не прошло и двадцати минут, как огромный букет королевских цветов счастливый жених преподнес Наташе, самой прекрасной женщине на планете, его избраннице и будущей супруге. Это казалось невероятным. Безжалостное солнце выкрасило все вокруг в блекло-желтые тона: обветренные лица, полинявшую одежду, выгоревшую растительность. И среди всего этого — благоухающие розы, с лепестков которых, после небольшой водной процедуры, капельки воды испарялись в считанные секунды.

— Наверное, это был самый дорогой для вас букет? — поинтересовался я у Натальи Павловны после моего знакомства с этим милым семейством.

— Нет, — ответила Наташа. — Самым дорогим для меня был букет красных маков, которые привез однажды Виктор с операции. Это еще до женитьбы. Пришел он тогда с ребятами, как всегда, внимательный и беззаботный. И вручил мне огромный букет, кажется, сейчас его вижу. Виктор на несколько минут отлучился, а его друзья мне рассказали, что он чуть не поплатился за цветы жизнью.

118

Возвращаясь с операции, лейтенант Кабацкий, следовавший в последнем бронетранспортере, остановил боевую машину, углубился в море цветов и начал собирать букет. Неподвижный бэтээр в чистом поле — хорошая мишень. "Духи" засекли его и открыли интенсивный минометный огонь. Разрывы кромали землю в клочья и поднимали в воздух. Вместе с землей, словно капли ее крови, летели и красные маки. Командиру роты еле удалось вывести боевую машину и своих подчиненных из-под обстрела.

— Они ушли, — вспоминает Наташа, — а я ухватила этот букет, прижала к себе и долго-долго не могла выпустить из рук. Мне было страшно, страшно за Виктора. Цветы были красивыми, но такой ценой платить за них...

Виктор Дмитриевич достает компакт-кассету, включает магнитофон, и его динамики переносят нас в афганскую провинцию Панджшер, в тот далекий 86-й, в ту атмосферу праздника. Звенят бокалы, льется смех, звучит музыка, и, волнуясь, сослуживцы производят в микрофон тосты молодым. А у них, теперь уже не молодоженов, страстью горят глаза, будто и нет позади девяти лет совместной жизни.

— Это моя подруга, вместе в Афган приехали...

— А это медсестра из нашего госпиталя...

— Командир роты из моего родного батальона...

— Молодой лейтенант, хороший парень был, погиб...

— А это наш "батя", комбат... — на ходу представляют своих сослуживцев.

Теплеют взгляды, когда слышат знакомые голоса:

"...Наташенька, будь счастлива, ты этого заслуживаешь!"

"...Виктор Дмитриевич, вы Наташу не обижайте!"

"...Желаю вам вернуться домой живыми, здоровыми и воспитать мальчика и девочку. Совет вам да любовь!"

Бокалы с хрустальным звоном сошлись прямо перед микрофоном, а далее уверенный, ровный голос предупредил: "Надеюсь, что, каждый раз, когда вы будете прослушивать эту кассету, выполните наше требование добросовестно: "Горько!"

Десятки голосов подхватили:

— Горько! Горько! Горько!

Виктор виновато посмотрел на меня, нежно привлек к себе Наташу и поцеловал.

...А проверялось на Кавказе

После окончания Академии тыла и транспорта Виктор Дмитриевич попросился перевести его для дальнейшего прохождения службы во внутренние войска. "У нас служба непростая, частые выезды в горячие точки", — предупреждали офицера кадровики. Но ознакомившись с его послужным списком, поняли: горячими точками его не запугать. Да и с разведкой он знаком еще с Афгана, так что на должность начальника разведки полка согласился с удовольствием. Еще не успел как следует ознакомиться с новой специфической службой, труба позвала в поход. Октябрьские события в Москве. Майор Кабацкий со своими разведчиками из роты специального назначения вместе с подразделением десантников участвует в очистке помещений Белого дома и здания мэрии. И надо же такому случиться, что именно здесь судьба свела его с тезкой, бывшим однополчанином по Афгану. Оказались они на охране одного и того же входа в здание. Кабацкий со своими разведчиками — внутри здания, его тезка с десантниками — снаружи. Одному поставлена задача никого не выпускать, другому — никого не впускать. А здание всюду полыхает. Приехали пожарные. Ни один ни другой не имеют права их пропустить. Все семь начальников, позывные которых выдали офицерам, молчат. Ни одного на связь не вызвать. На свой страх и риск пропустили.

Наутро приезжают грозные начальники и, глядя на бойцов в копоти и грязи, изрекают: "Уберите этих замызганных солдат. Сейчас здесь будет телевидение, снимать станут". Поставили других, выбритых и наглаженных. Им и достались все лавры: награды, денежные премии, внимание пишущих и снимающих журналистов. А для майора Кабацкого и его орлов — борт военно-транспортного самолета и маршрут в Северную Осетию.

Октябрь—ноябрь 1993 года были самыми горячими в зоне осетино-ингушского конфликта. Пылал черменский круг, пролита кровь военнослужащих внутренних войск. При нападении на КПП боевики захватывали стрелковое оружие и бронетехнику. Перед проведением очередной операции майор Кабацкий три дня и три ночи колесил со своей разведкой по маршруту Тарское — Чернореченское, обследуя каждую лоцинку, каждый изгиб лабиринта. Водитель дорогу знал отлично. Оставались еще один поворот и последние 150

метров подъема. Слева — обрыв, справа — дерево, а за ним поворот в горы. И вот на этом узеньком перешейке — большая лужа. "Какое местечко классное, — подумал Кабацкий. — Сам бы здесь мину поставил, если бы дорогу собирался заминировать".

— Лужу проскочишь, тормозни, чтобы по инерции не унесло в пропасть, — дал команду водителю.

Только БТР, проскочив лужу, под действием тормозов присел на амортизаторы, как тут же гроыхнуло. Невидимая сила подняла стальную громадину и бросила на каменистую почву. Корпус бронетранспортера треснул, как яичная скорлупа, днище чуть ли не прилипло к потолку. Патронные ящики под сиденьем водителя сплющились в лепешку, само сиденье настигивалось осколками, как пирог изюмом. Водителю спасибо, жизнью ему обязаны. Успел он все-таки заблокировать колеса, и боевая машина от взрыва не сослалась в бездну.

Наталья Павловна, санинструктор роты разведки, снова принялась выхаживать мужа, получившего тяжелую минно-взрывную травму — ушиб головного мозга средней степени тяжести, повреждение связок голеностопного сустава. А тут еще коллеги напугали. Проявив рентгеновскую пленку, они увидели перелом позвоночника. Наталья и вовсе покой потеряла. Но когда пленка высохла — слава Богу, исчез и перелом. Оказалось, всего лишь ушиб.

На несколько дней опоздала супруга с прибытием в боевые порядки разведроты до получения Виктором ранения. Он-то уехал прямо из Москвы. "Одного тебя я больше никуда не отпущу, — сказала жена. — Иначе с тобой одни несчастья приключаются". Это в тот момент она вышла и вручила мужу нарукавный знак, который вы видите рядом с афганским снимком: "Без меня тебе, любимый мой..." — и оставила только одно крыло у сфинкса. С тех пор Виктор Дмитриевич выезжает на войну только с двумя крыльями. Наталья Павловна всегда рядом.

Так было и в ноябре 94-го. Полк выезжал в зону осетино-ингушского конфликта. На-

талья Павловна отправляет сына к родителям Виктора, сама вместе с мужем — в командировку. Подразделения и части внутренних войск во взаимодействии с Российской армией приступили к боевой работе в Чечне.

Разведка всегда действует в первом эшелоне. В преддверии чеченских событий мы говорили, что там много оружия. На самом деле на всем Северном Кавказе его огромное количество. Коль войска продвигаются в сторону Грозного, многие населенные пункты на их пути могут оцетиниться стволами. А спровоцировать вооруженное столкновение ничего не стоит, достаточно одного случайного выстрела. Майор Кабацкий определил для себя и предложил командиру части следующую схему действий: работать с населением, завоевывать доверие, репутацию миротворческих сил, всеми своими действиями подтверждать, что внутренние войска применяют оружие только в отношении бандитов и преступников. Строго следовать духу договоренности с органами местного самоуправления о порядке добровольной сдачи оружия. Схема сработала безотказ-

но. Но на первых порах пришлось попотеть разведчикам под началом майора Кабацкого.

Сначала чеченцы им не доверяли. Но требования военных были жесткими и лаконичными: если не сдадите оружия добровольно, будем проводить специальную операцию. Остальное довершила дураевская пропаганда: дескать, придут взвешники — тогда вам не поздоровится. Вот станут все громить и мародерствовать, сами у нас защиты попросите. Начать активные действия было не проблемой. Но в таком случае можно было ставить крест на попытках решить проблему мирно. Сила вызывает ответную реакцию.

Нужен был положительный пример, когда в результате добровольной сдачи оружия ни один солдат не ступит в станицу.

Вскоре Виктор Дмитриевич и сам ощутил, что успех зависит от информации. По агентурным данным выяснял приблизительное количество стволов в станице, и начинался предметный разговор с аксакалами. В Кизляре глава администрации Шелковского района собрал старейшин.

— Мы с начальником штаба заходим, все встали, — вспоминает Кабацкий. — Значит, военных стали уважать. Только вчера оружие сдали старейшины Старощедринской. Я даже не подозревал, что у них столько противотанковых мин. Около 30 штук доставили на пункт сбора. "Не сдали один автомат, — говорю собравшимся. — Но это пусть будет на их совести. Моя совесть перед ними чиста, ни один солдат не вошел в станицу". Старейшины готовы были поклясться на Коране, что сдали все оружие. Даже в горы посылали гонцов, вынесли поспрятанные стволы с потайных схронов.

С остальными разговаривать было уже проще. Выступил мулла, потом старейшина старейшин. Переводчиком был сам глава администрации района. "Умный мужик, — отзывается о нем Виктор Дмитриевич. — Депутатом неоднократно избирался, убеждать толково умеет".

Через несколько дней ярые дудаевцы, которые до этого встречали военных угрозами и выдвигали ультиматум, сами прибывали на сборный пункт и сдавали оружие.

Рота разведки не только с утра до вечера, но и с вечера до утра — на колесах. Молодцы ребята, ни одной жалобы на тяготы, никаких стонов. Начальник разведки — нарасхват. Встречи с местными жителями назначались в темное время суток: своих же односельчан боялись.

— 82-го по радиостанции запрашивали постоянно, — вспоминает Наталья Павловна. — Как только вечер, вызывают на КПП. Ел не ел, спал не спал, из-за стола, с постели — на машину, БТР и в путь. Месить грязь, встречаться с жителями.

В самой Шелковской сдачу оружия несколько затянули. Специальная операция была спланирована на семь утра.

— Я предлагаю операцию перенести на одиннадцать часов, — обратился Кабацкий к командиру части. — Мы от этого ничего не потеряем. А у меня будет возможность навестить главу администрации еще раз и продемонстрировать нашу добрую волю.

Их встреча состоялась поздно вечером.

— Извини, Магомет, но больше я ничем помочь не могу, — сказал начальник раз-

ведки. — Операция была назначена на семь часов, я упрямил перенести ее на одиннадцать. У тебя будет лишних четыре часа. Если к этому времени не справишься, я больше ничего сделать не смогу. Солдаты будут проверять дома, искать оружие.

И закрутился маховик. На следующий день к назначенному времени спецназовцы были у Шелковской. Но им навстречу уже выносили оружие. Только здесь его было сдано около 140 единиц, до тридцати мин и огромное количество боеприпасов.

— Всех разведчиков представить к награде, всю роту, — распорядился заместитель командующего войсками округа.

Запомнил эти слова Виктор Дмитриевич. Еще с Афгана привык ценить нелегкий солдатский труд и воздавать каждому по заслугам. Служил в то время у него в роте сержант. В отсутствие командира взвода за офицера работал. Поставишь задачу по карте, можешь быть уверенным: выведет подчиненных в указанную точку, оборудует позицию и задачу выполнит блестяще. Был у него один грешок: иногда баловался "травкой". То один раз притащит с операции, то другой. Сколько раз ни пытался командир роты представить его к награде, замполит полка все вычеркивал. "Наркомана награждать?" — его аргумент. Но Кабацкий улучил момент, когда замполит отсутствовал, и отправил все-таки на замкомвзвода представление к ордену Красной Звезды. Получив награду, старший сержант плакал. "Вам не будет за меня стыдно, товарищ старший лейтенант", — говорил он командиру роты.

Майору Кабацкому и на этот раз представился случай напомнить генералу об обещанных наградах.

— Да, обещал, — сказал тот. — Но ты тоже пойми. Не можем мы всю роту представить к государственному наградам. Многовато будет.

— Хорошо, не всю, — пошел на уступку начальник разведки. — Но человек двенадцать-то наградить можем?

— Ну, двенадцать можем, — согласился генерал.

Кабацкий остался доволен. А генерал так и не узнал, что в роте всего-то было двенадцать человек, двенадцать молодых парней, вчерашних школьников, которые, ни сна ни отдыха не зная, пахали каждый за четверых, пахали за всех тех пятьдесят человек, которые должны быть в роте по штату. И когда у них каждый рабочий день получался 24 часа, никто из них за сто таких полновесных рабочих суток ни разу не сказал: "Многовато

будет". Они молча и самоотверженно делали свое дело.

В едином строю со всеми — санинструктор роты разведки. Я бы сказал, что Наталья Павловна не просто санинструктор роты, а заместитель командира роты по работе с личным составом. Она действительно как мама для этих мальчишек. И притыкает, если нужно, и внешний вид заставит поправить, и своим присутствием предостережет от излишнего хныканья, и потребует от командира роты, если кому-то необходимо портянки заменить или теплые вещи выдать. А уж как они на стрельбище стараются не отстать в меткости огня от этой женщины, которая пока все-таки в роте стреляет лучше всех. Она знает о каждом солдате все, что положено знать по должности командиру отделения. Потому что всегда с ними: на стрельбище и на полигоне, на операции и при ведении боевых действий, во время праздника или в день рождения солдата роты.

Давно между супругами Кабацкими шел такой разговор: Советского Союза уже нет, консульский отдел посольства СССР в Афганистане, который зарегистрировал их брак, канул в Лету. Ничего вроде их больше официально и не связывает. "А давай-ка мы обвенчаемся в церкви", — предложила Наталья Павловна. Виктор Дмитриевич не возражал, но все как-то не было подходящего момента. Друзья, разузнав о их намерениях, накануне окончания командировки решили устроить им свадьбу. Виктор Станиславович, командир арtdивизиона полка и мастер на все руки, из латунных гильз выточил обручальные кольца, из мыльницы сделал аккуратный футлярчик. Через казачьего атамана решили вопрос со священником. После венчания атаман в честь супругов устроил застолье. Давняя, еще лейтенантская угроза Виктора Дмитриевича: "Ну ты у меня попляшешь" — наконец-то сбылась. А однополчане преподнесли свадебный подарок: набор рюмочек из предохранительных колпачков от мин.

Все эти дорогие подарки хранятся в музее истории и боевой славы семьи Кабацких: и этот набор рюмочек, и обручальные кольца в футляре из мыльницы на подушечке из камуфлированной ткани, и иконы, которые подарили им во время венчания, и большая бронзовая кружка ручной работы, привезенная из Афгана, в которой офицеры батальона обмывали несколько орденов Ленина, десятки — Красной Звезды, сотни медалей.

Наталья Павловна, эта сильная женщина, прошедшая войны Афганистана и Кавказа, семья которой проживает в коммунальной квартире, рассказала мне о своей мечте: "Получить квартиру и устроить в

ней семейный музей (коммунальная квартира этого сделать не позволяет). На одной стене приклеить фотообои с афганским пейзажем: горный склон до горизонта усеян красными маками, дальше — голубое небо. И в этом уголке выставить все памятные и дорогие сердцу реликвии. Они ведь о многом нам напоминают. Пусть об этом узнают и друзья".

А друзей у семьи Кабацких действительно много. За те несколько часов, что мы беседовали, в квартире не умолкал телефон. Узнав о их прибытии из командировки, звонили друзья со всей России. Поздравляли со счастливым возвращением, интересовались обстановкой, приглашали в гости. А у меня возникло такое впечатление, будто с Наташей и Виктором мы знакомы без малого сто лет. Наверное, если бы те семейные пары, которые собрались расторгнуть брак, побывали в гостях у Кабацких, впитали этот дух любви, взаимной симпатии, семейного рая в коммунальном шалаше, они бы непременно отказались от своей разрушительной затеи.

Он никогда не клялся ей всю жизненную дорогу выстелить цветами, она в свою очередь не обещала всю жизнь ублажать пирожками и печеньем, которые пекла мастерски. Но неожиданно в моем присутствии они, к обоюдному удовлетворению, обнаружили, что так все и есть на самом деле. И представилась мне возможность в этом убедиться самому, запивая хрустящее сдобное печенье ароматным чаем. На столе, в стеклянной вазе стояли алые гвоздики. И когда только все успели, ведь они не далее как вчера всей семьей прибыли с чеченской войны.

Перед очередной командировкой Наталья Павловна хлопотала по дому, заканчивая последние приготовления. Мысленно она была уже на Кавказе. Шестилетний Димка возился возле мамы, пытался ей что-то советовать, задавал свои философские вопросы. Озабоченная мама все отмахивалась и вдруг замерла, осмысливая его фразу. "Знаешь, мама, что в жизни самое главное? — сказал сын. — ЛЮБОВЬ И ОРУЖИЕ!"

Эх, Димка, подрастешь и поймешь, что главное в жизни — настоящая любовь...

Майор И. МУЧАК.

Как-то незаметно исчезла со страниц газет и журналов популярная в свое время рубрика "ФРОНТОВИКИ — И ГОРДОСТЬ, И ПРИМЕР". Время берет свое — все меньше и меньше остается среди нас участников той войны, Великой Отечественной. Встречают они 50-летие Победы уже людьми преклонных лет. Болят старые раны, прибавляется седина... Но стараются держать они фронтовую выправку.

Одна из газет в канун полувекowego юбилея Победы утверждала, что на действительной военной службе сегодня остается лишь один участник Великой Отечественной — министр обороны Казахстана, Герой Советского Союза генерал армии С.Нурмагамбетов. Один-единственный участник войны во всех армиях СНГ. Но это не так, коллеги должны внести коррективы в свое досье. Во внутренних войсках МВД России в день 50-летия Победы остаются в боевом строю два активных участника той войны. Причем служат так, что у командования не поднимается рука подписать приказ об их увольнении в отставку. Об этих слабых наших сослуживцах — наш рассказ.

"**Ж**а склад? К Николаю Васильевичу? — спрашивают меня в части, — Там он, там, у себя. Где ж ему быть? В семь утра явился..."

Журналисты, ведущие армейскую тематику, сюда не заглядывают — охотники до сенсаций и жареных новостей не интересуются, как в наше время достается солдатский харч, который должен быть "по норме прочной" обеспечен каждый день, несмотря на трудности экономические, финансовые, технические.

Мы-то в своей дивизии старшего прапорщика Дыдыку знаем распрекрасно, писали о нем в солдатской многотиражке. И направляясь к нему в очередной раз, я уже предвидел его возражения: "Да что обо мне писать — особых подвигов я не совер-

ТРОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ НИКОЛАЯ ДЫДЫКИ

шал ни на войне, ни после, трудимся по-маленьку, как все..."

Тут уж я согласиться не могу — не как все трудится уважаемый ветеран, а много лучше. Среди молодых тыловиков нелегко сыскать таких хозяев, которым до всего есть дело, если речь идет о благе солдатском. И не увольняют старшего прапорщика из войск по возрасту вовсе не из желания сохранить "последнего из могикан" как музейный экспонат — просто нет куда ему достойного преемника, чтобы возглавить продовольственный склад. Опыт — дело наживное, говорят в народе неспроста. У него этого опыта за 40 лет (вдумайтесь, уважаемый читатель, в эту цифру — сорок лет в одной должности прослужил человек!) столько накопилось, что все связанное с продслужбой понимает с полуслова, полувзгляда.

А все потому, что сам он крестьянского корня, с малолетства знал родную землю и все, что на ней произрастает, пестовал своими собственными руками, поливал собственным потом.

Родился в крестьянской семье на Харьковщине. Так бы, наверно, и пахал-сеял, скотину обихаживал всю жизнь, если бы не война проклятая...

На всю жизнь запомнил он подневольное житье-бытье под немцами, когда не то что трудом, жизнью своей распоряжался человек лишь относительно. Отец его отправился на фронт уже в сорок первом. Похоронка сообщала беспросветно-горь-

ко: "...Пал смертью храбрых при обороне Севастополя".

Четырнадцатилетнего Миколку, самого старшего из деревенских мужиков, да еще грамотного — целую семилетку успел закончить — назначили колхозным бригадиром. В подчинении известно кто — солдаты, старухи, вдовы. Но у нас бабы какие? Дружные. Да и он не просто командовал, а впрягался в самое трудное дело, претворяя в жизнь боевой лозунг тех лет: "Тыл — фронту!" По ночам же, проваливаясь в недолгий сон после тяжких трудов, он все думал о том, что надо бы на фронт проситься: в сорок четвертом ему уже исполнилось семнадцать, а врага советские войска погналы на запад без него. Обидно было — без него фашиста разобьют, пока он тут с бабами...

Война его все-таки зацепила. Призвали. Обучался на стрелка, но назначили ездовым в артиллерийский расчет. Просто крестьянский его опыт вылез наружу, когда получили в полку бельгийских лошадей, а управлять с ними мало кто умел.

Комбат капитан Шенгелев уже знал хваткого, мастерового бойца Николая Дыдыку — они все спорили, у кого на родине яблоки вкуснее, на Украине или в Алма-Ате, откуда родом был офицер. Спор тот остался неоконченным, а вот возражения Николая против назначения его к лошадам командир батареи не принял. Да и сам молодой солдат скоро уразумел, что не только меткие наводчики и шустрые заряжающие необходимы в расчете. Без ездового противотанкистам тоже не обойтись.

В победном сорок пятом держал он путь на восток — бить японцев. И какой бы скоротечной ни казалась кому-то та война, в один только день ее или в одну ночь можно было повидать столько смертей, крови, страданий, что хватит на всю оставшуюся жизнь. И ему досталось сполна.

... Случилось это на марше. Из заросшего камышом болота, по краю которого двигалась батарея, неожиданно выскочил с леденящим душу криком самурай. С предсмертным воплем (знал, видно, что живым уйти в такой ситуации не выйдет) он метнул под колеса орудия гранату. Взрыв разметал расчет. Крики. Пальба. Суматоха. Орудие наше уцелело, да и бойцы, за исключением Дыдыки, не пострадали. Горя-

чий осколок попал в ногу. Его кинулись перевязывать. Японца же окружили и хотели уже было взять в плен, но... Еще один взрыв раздался и разнес смертника чуть ли не в клочья...

Иногда нога побаливает, но терпимо — ни одна комиссия до сегодняшнего дня не забраковала. А уж по службе претензий — ни Боже мой, не так воспитан он, чтобы в его-то годы взыскания или упреки выславывать.

Перебирая ли картошку, отправляясь ли на заготовку, отпуская ли продукты для столовой, занимаясь ли ремонтом, беседует с солдатами "за жизнь". Это значит — учит молодежь порядку и организованности во всем, бережливости и исполнительности, уважению старших и заботе о младших. При Дыдыке — никаких намеков на пресловутую дедовщину, на расслабленность и лень.

В части до сих пор вспоминают рядового Ноя Глонта, который ох и потрепал нервы командирам, настолько строптив был па-

рень, горяч и непредсказуем. Но это до тех пор, пока не попал к старшему прапорщику Дыдыке. Долго потом писал он Николаю Васильевичу письма из своей Грузии, в гости приезжал, благодарил за жизненные уроки...

Где теперь он, тот грузинский паренек? Где те азербайджанцы, армяне, земляки украинцы, что служили в этой части внутренних войск, которая всегда славилась своими ветеранами-фронтовиками?

9 мая наденет Николай Васильевич свой парадный китель со всеми наградами. Наград много, но некоторые для него, так сказать, этапные, с которыми связаны главные события многолетней жизни: "За отвагу" — самая боевая, самая солдатская, "За отличие в воинской службе" II степени, знак "За отличие в службе" двух степеней... Нынче у старшего прапорщика Дыдыки праздник будет тройной: пятьдесят лет службы во внутренних войсках МВД России, сорок лет службы в одной должности — начальника продовольственного склада части, ну и главное, конечно, — юбилей нашей Великой Победы.

Поздравляем вас, дорогой Николай Васильевич! Живите долго!

Майор С. ЛЕЦКО.
Фото автора.

ГОДЕН К СТРОЕВОЙ

В поликлинике всегда очередь, даже если поликлиника военная. Не то, что сачков много, просто болеть, наверное, люди стали чаще. Очередь в кабинет занял и старший прапорщик Петр Чучупал. "Все-таки лета", — как бы извиняясь, заметил ему командир части, подписывая направление на медкомиссию. Вот и пришел сюда Петр Васильевич...

Да только врач с порога отрезал, что день сегодня не ветеранский, приходите, мол, дедушка, в четверг.

— Какой же я ветеран? — удивился Петр Васильевич, — я служу, мне медкомиссию пройти надо. "На предмет годности к дальнейшему прохождению службы", — прочитал прямо с листа.

Через несколько минут в тесном кабинете собрались все врачи поликлиники.

— Ну что же, — растерянно протянул завотделением, открывая чистый экземпляр медицинской книжки. — Фамилия, имя, отчество, год рождения, год начала службы и первая должность?

— Петр Васильевич Чучупал. Родился в 1920 году, призван в 1940-м, красноармеец...

Да, сейчас этот период можно вписать в одну тетрадную строчку. А для Петра Чучупала годы были нелегкими. Первое, что отчетливо запомнилось из детства, это голод 1933 года. Тогда он вместе с братьями, еще подростком, ходил на зимнее поле искать в промерзлой земле не убранный осенью свеклу. Так и спасались. Отец умер рано. У матери, кроме Петра, еще трое на руках. Попробуй прокорми ораву. Слава Богу, сыновья и дочь работящими росли, все хозяйство на них и держалось, пока мать в колхозе зарабатывала трудовни.

Жили как все, в бедности да в нищете много ли радости. А когда сыновья выросли, и жизнь потихоньку выправилась. Да вот другая забота явилась: стали они один

за другим уходить на службу ратную. Когда дошел черед до младшего, Петра, соседки надоумили Дарью Никаноровну сходить к военкому. Как же так, ведь двое уже служат, не должны младшего забирать. Пусть хоть старшего брата дома дождется, матери поможет хозяйство вести, да и в колхозе кому-то работать нужно.

Петра уж призвали, когда мать наконец-то добралась до военкома. Вызвал он хлопца, смерил взглядом с ног до головы, да и... отправил бы домой в два счета.

— Как это не служить? — со слезами на глазах взмолился Петр. — Как же я в село теперь вернусь, что люди подумают? Скажут, даже в армию не взяли.

— Ничего, ничего, — утешал его военком. — Покуда матери подсобишь, а старший брат отслужит — сразу тебя и призовем.

— Товарищ командир! Дарья Никаноровна! — неожиданно для себя Петр обратился к матери по имени-отчеству. — Мамочка, я же и дров завез, и наколол, сена

сколько заготовил, хату подправил. Как не пойти-то? Стыдно ведь! Отпустите, мама!

Послушала Дарья Никаноровна сына, махнула рукой. Что ж, раз так хочет...

— Пусть служит, — посерьезнел и военком, — мы и на участок его pošлем самый ответственный. Только война закончилась, пусть на финской границе и послужит, в погранвойсках.

Как объяснить сегодняшним призывникам, чем была для молодого парня в сороковом году военная служба? Перво-наперво это было почетно. Это ладно подогнанная форма, а не перешитая одежда отца и старших братьев. Это своя кровать с белыми простынями. Это сытная еда. Это внимание к тебе всей страны. А тут еще и служба на границе.

И застучали по рельсам колеса воинского состава из теплушек, увозя призывни-

ков на станцию Элисенвара, что в Карелии.

Солдатское оружие тогда было универсальным в своей простоте — винтовка-трехлинейка да пулемет "максим". И средства передвижения войск элементарные: одна лошадиная сила зимой и летом. Но учили молодых солдат от призыва до призыва основательно, три месяца длился "карантин". Учили прежде всего исполнительности и дисциплине воинской. Не приходилось командирам, как порой сегодня, чертяться да начинать с нуля, получив "обученное" за пару недель пополнение.

Зима сорок первого на финской границе была беспокойной. Служить красноармейцу Петру Чучупалу довелось в маневренной группе. Чуть где нарушение — "взлетали" пограничники по тревоге, хватали винтовки, в сани — и на место, где нарушена контрольно-следовая полоса. Бывало, что просто финн добродушный по привычке зааживал в гости к родственникам, очутившимся после войны на российской стороне. Но случалось, попадались и лазутчики, поощряемые немецкими инструкторами, а то и по прямому заданию пробующие границу на прочность. Бдительность терять было нельзя.

Быстро шла служба. Думал: вот промелькнут три года, вернусь домой, и жениться можно будет, дом свой строить, хозяйством обзавестись. Все бы оно так и было, если бы не пришел с запада коварный враг, выбивший страну из нормального ритма жизни.

С первых дней войны пограничный отряд, где служил красноармеец Петр Чучупал, был готов к отражению нападения финских войск. Маневренная группа получила армейское усиление — пушку на конной тяге с расчетом артиллеристов. Впрочем, финны, отлично усвоившие "русские уроки" недавней войны, первое время лишь отсиживались, и только в июле сорок первого, воспользовавшись численным превосходством, стали потихоньку теснить наших пограничников в глубь советской территории. Воевали умело и хитро. На рожон не лезли, избегали лобовых атак. Норовили обойти, ударить с тылу. Снайперы—"кукушки", засев на деревьях, вели прицельный огонь по нашим пограничникам.

Опытные армейские части были перебросены на немецкий фронт. Оказавшись основной сдерживающей силой, пограничники четыре месяца, цепляясь за каждый метр своей земли, не допускали прорыва финских войск к Ленинграду. У Сестрорецка закрепились с армейскими частями уже надолго.

Сомкнулось кольцо блокады. Но бои не затихали. На рубежах обороны создавались долговременные укрепления. Патру-

ли пограничников уходили на разведку далеко по льду Финского залива. Вручную отлили огромный ледяной вал, нечто вроде китайской стены, чтобы к городу не могли подойти финские лыжные батальоны.

— Чем мне запомнился фронт? — повторяет мой вопрос Петр Васильевич. — Тем, что постоянно не выпускали из рук лопату. Зарывались в землю, создавая оборонительные сооружения. Это сделать было ой как непросто, получая блокадный, пусть и фронтовой паек. Поэтому, когда комиссар пограничного отряда называл шестьдесят лучших красноармейцев и объявлял, что им предстоит ответственная задача по охране руководства в Ленинграде, радость бойцов была понятна. "Ну теперь-то отъедемся", — шутили между собой бойцы.

Так получилось, что впервые Петр Васильевич попал в Ленинград только в блокаду. Золотые купола и шпили, о которых раньше доводилось только слышать, были покрашены зеленой краской и затянута маскировочными сетками. В небе висели дирижабли ПВО.

Рота, в которой выпало служить красноармейцу Чучупалу, охраняла штабы фронта и партизанского движения. Частенько доводилось ходить и на окраины города, разбирать на дрова деревянные домики и сараи, заготавливать чурки для газогенераторных машин. Во время воздушных налетов все поднимались по тревоге. Обнаружить и задержать сигнальщика, вешающего над ночным городом сигнальные ракеты, тушить "зажигалки" — тоже боевая работа. А вот отъестись солдатикам так и не довелось. Ибо солдатский паек здесь, в городе, отличался от фронтového ровно в два раза, но только в сторону уменьшения. Сто семьдесят пять граммов сухарей и сто пятьдесят сырого, с добавками отрубей, хлеба. Сослуживцы слабели на глазах, пухли от недоедания. Не обошла дистрофия и Петра. Все чаще вспоминался голод тридцать третьего года. Командование по мере сил старалось поддержать ослабевших, организовать "усиленное" питание. В те годы боевые потери были не только от артобстрелов и бомбежек.

В Ленинграде Петр Васильевич так и дослужил до светлого дня Победы. Когда стали увольняться в запас солдаты, отслужившие по шесть-восемь лет срочной-фронтовой, засобирались домой и Петр Чучупал. Да только вызвал его командир полка полковник Орчегов, положил огромную ладонь на лист с рапортом, так что не видно стало бумаги, и сказал:

— Э, нет! Не по-фронтвому получаете! Уйдете вы, опытные солдаты, кто же молодое пополнение учить будет?

Тогда, в сорок пятом, для двадцатипятилетнего фронтовика жизнь только начиналась. Дни были яркими от праздничного настроения и от изобилия солнечного света. А как много девушек в нарядных платьях на улицах и набережных! Куда больше, чем фронтовиков с наградами и нашивками за ранения на гимнастерках. Напротив части стоял жилой дом. Окно в окно с капертой Петра Васильевича одна из квартир. И девушка в том окне нет-нет да и появится, да и бросит украдкой взгляд на бравого сержанта-сверхсрочника. Так и познакомились. Командир дал добро на свадьбу, и переехал Петр Васильевич из казармы в коммуналку из тринадцати комнат. К жене Елизавете. И ее, бедняжку, зацепила война. Отец у Лизы погиб под Синявином, мать умерла от голода в блокаду.

В этой коммуналке семья Чучупалов прожила двадцать два года. В тесноте да не в обиде. Радовались каждому дню, каждому цветущему дереву весной. Да детей подняли на сто рублей зарплаты сверхсрочника. Жизнь шла своим чередом. В части о заслуженном фронтовике не забывали. Скорее наоборот, без дела не оставляли. Опытные младшие командиры были на вес золота. Рота в те времена на старшине только и держалась. Вот и получилось, что в шестьдесят пятом, когда выслужил Чучупал положенные годы и год вы был на пенсию уйти, его попросили задержаться на период очередной реорганизации армии. Не мог отказать ветеран, да и сам уже втянулся в службу, не мыслил себя вне армии. Потом еще одна такая же просьба, и еще. И вроде незаметно дотянул он лямку уже и до девяностых.

С введением института прапорщиков это звание получил и Петр Васильевич. Служит он в учебной части под Санкт-Петербургом, где готовят сержантов для внутренних войск. Заведует вещевым складом. Поток курсантов большой, часто и вечер, а порой и ночь прихватишь на службе.

— Наверное, правду говорят, — улыбается Петр Васильевич, — что служить только первые двадцать лет тяжело, пока знакомые сослуживцы в генералы не выйдут. Сегодня, какая бы представительная комиссия ни приезжала — глядишь, во главе ее бывший командир взвода моего полка. Наше ведь дело, прапорщика, нехитрое — исполнять добросовестно все, что положено. Мы не карьеристы.

Лукавит Петр Васильевич. Ведь при каждой реорганизации командиры частей норовят его к себе перетянуть. Уговаривают дальше служить. Потому что за ним как за каменной стеной.

Командир части подполковник О. Кургузиков и его заместитель подполковник В.

Новиков о старшем прапорщике Чучупале отзываются в один голос:

— С обязанностями справляется. На его должности главное опыт. И никакими училищами и академиями его не заменишь. Да и для курсантов наших пример какой: шутка ли, фронтовик в части служит!

— Как не служить? — удивляется Петр Васильевич. — Военная служба не позволяет расслабляться, заставляет подтягиваться. Рядом с молодыми и сам молодеешь. С утра пораньше через весь город перекочуете к вокзалу, потом до части на электричке. Как часть образовалась, так я и здесь. Готовим сержантов: почитай, все внутренние войска округа через меня прошли. Да и жалованье старшего прапорщика дома не лишнее. Время такое, что старшему сыну на зарплату доцента двоих детей не прокормить, помогать приходится.

И все же очередная московская комиссия усмотрела нарушение. Как же так? Семьдесят четыре года старшему прапорщику, выслуги пятьдесят четыре года, а льготной, с учетом войны, так за шестьдесят. Во всей армии не встретишь военнослужащего такого возраста и с такой выслугой, как у Петра Васильевича Чучупала. Вот и направили его на медкомиссию.

— ...Ну что же. — Заведующий отделением поликлиники протянул медицинскую книжку старшему прапорщику. — Проходите комиссию, там список, врачи вас посмотрят.

Пошел Петр Васильевич по кабинетам, а когда за заключением вернулся, вышло по всем медицинским показаниям, что здоров Петр Васильевич. До главного врача дело дошло, тот и распорядился на компьютерном томографе еще одно обследование сделать.

— Он же для особых случаев, томограф, — заметил кто-то из врачей.

— Вот это и есть особый, — подтвердил главный.

С компьютером не поспоришь, ограничения по возрасту в него не закладывают. И выдала медицинская комиссия, та, что по состоянию здоровья чуть ли не половику призывников сегодня бракует, заключение, что годен в свои семьдесят четыре года Петр Васильевич к строевой службе.

Таки служит сейчас старший прапорщик Петр Васильевич Чучупал. И если за мерку брать два солдатских года, то отдал свой воинский долг ветеран за целый взвод солдат.

**Старший лейтенант А. МАКАРОВ.
Фото А. ЗИНЧЕНКО.**

*Северо-Западный округ
внутренних войск МВД России*

ФРОНТОВАЯ МЕДСЕСТРА

Глаза, глаза...
 Они опять ей снятся —
 Огромные глаза
 смертельно раненных.
 ...Лежат солдаты —
 Им по восемнадцать.
 Сразило их в атаке
 на окраине...
 — Сестрица, пить.
 — Сестрица, утро скоро?..
 Им нужно видеть
 Это утро солнечным.
 Им нужно видеть,
 Нужно видеть город,
 Который взят был
 Огненною полночью!
 — Не плачь, сестрица.
 — Что с тобой, сестрица?
 — Скажи нам, солнце от огня
 не темное?..
 А солнце опускало им на лица
 Сияние победное,
 знаменное.
 Как эти парни здорово мечтали!
 И шли они по жизни
 остро зрячими...
 Но смерть пришла
 с кровавыми мечами,
 Вошла в тела осколками горячими.
 Лежат солдаты —
 Им по восемнадцать.
 Лежат солдаты
 под салютным заревом...

Глаза, глаза...
 Они опять ей снятся —
 И черные,
 и серые,
 и карие...
 — Сестрица, пить.
 — Печет в груди, сестрица...
 Ползком, бегом.
 Снега под нею алые.
 И кровь, и боль —
 “Зачем мне это снится?”
 И гром, и стон —
 “Наверное, устала я ...”
 Тик-так, тик-так —
 Вчера, сегодня, завтра...
 Стучатся в окна
 робко зерна снежные.
 Она встает,
 Готовит внучке завтрак.
 Луны сиянье шторами процежено.
 Но ей все светят дальние зарницы! —
 Утихла боль, но не сгорело горе...
 ...А внучке что-то радостное
 снится, —
 Наверно, белый пароход
 и море...

Ю. КИРИЛЛОВ.
 Фото Г. Тельнова.

На снимке: фронтовая медсестра Татьяна Антонобна ПОВОЛОЦКАЯ с внучкой Таней.

183

Георгий МАШКОВЦЕВ

ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ

Георгий Васильевич Машковцев встретил войну в должности полштурка 34-го полка войск НКВД. До этого он, как выражается сам, "ходил" на Западную Белоруссию, Прибалтику. И он, и его сослуживцы знали, что война будет, готовились к ней, но, конечно же, не предполагали, что столько времени она продлится, столько жизней унесет. Однако в одно верили свято: победа будет за нами. Вера эта сохранялась даже в самые драматичные дни боев сорок первого, под Москвой...

В начале октября немцы взяли Орел. Не надо было быть великим стратегом, каждый солдат понимал, что последует дальше. Два-три дня от Орла до Тулы и Мценска, потом еще столько же — и враг может оказаться в столице. Командир полка подполковник И.И. Пияшев в Мценске, куда мы прибыли третьего октября, так и сказал нам: Гудериан планирует через неделю испохабить танковыми траками Красную площадь, он не берет в расчет нас, но напрасно это делает. Здесь, в районе этого русского городка, мы должны все сделать для того, чтобы враг понял, кто такие воины-чекисты, как они умеют сражаться и за кем будет конечная победа.

Самолеты со свастиками кружили над городом, разбрасывали листовки, призывающие нас сдаваться в плен, ибо никакой пощады не будет тем, кто окажет сопротивление доблестным героям фюрера. Обстановка складывалась тяжелая и сложная. Воздвигать, так сказать, оборонительные редуты было уже некогда: противник ведь рядом, имеет численное превосходство в живой силе и технике. Наша задача — любой ценой задержать его продвижение, чтобы дать возможность второму эшелону построить грамотную оборону на подступах к Москве. Тут имеет значение не то что каждый выигранный у врага день — каждый час! Комиссар полка Герасименко, собрав политработников, сказал по этому поводу примерно следующее: драться надо храбро, но не безрассудно, зазря головы под пули не подставлять, чтоб не только отступать, но и наступать потом было кому. С этого совещания мы пошли в окопы, на которые уже наезжали передовые отряды немцев.

В их листовках было заявлено, что Мценск падет пятого октября. Но только десятого бронетехника врага вышла на его окраины. И здесь в уличных боях вязла... Конечно, мы понимали, что такую громаду не сдержать, но все же, выполняя приказ, отходили от города с горьким чувством. Отступления, они всегда горьки.

Я был в это время вместе с орудийным расчетом лейтенанта Зиновия Ланкина: пушка, танкетка, двухлюковая Т-20, пять бойцов. Километрах в трех от города остановились: дорога перегружена отступаю-

щими, у моста через реку — пробка, и если вдруг враг прорвется и ударит сзади...

Мы облюбовали высоту у дороги, заняли там позицию, ожидая, когда можно будет без суеты переправиться через мост. Позицию выбирал Ланкин, при этом делился со мной своими соображениями: справа немец не обойдет — река, слева рельеф местности не позволит технике к нам подобраться. Путь у фашистов один — эта дорога, и на нее мы наведем нашу сорокапятку... Лейтенант рассуждал так, будто имел уже за плечами гигантский военный опыт. А ведь он, по сути, только вступал в войну...

К вечеру дорога расчищалась, лишь тяжелые КВ гуськом следовали по неширокому полотну моста. Мы уже решили было вклиниться в их строй, но тут показались немцы. Прикрывая отход наших танков, мы приняли бой.

Я прямо-таки подивился грамотности Ланкина: враг мог выйти к мосту только лишь по этой дороге, но сектор обстрела у нашего орудия был до того хорош, что фашисты думали лишь об одном: как бы спрятаться от снарядов. Снарядов этих, правда, у нас было не так много, как хотелось бы.

— До темноты дотянем, — рассудил командир, — а там одним броском через мост перескочим. Вот по этому полю: тут, как видите, полно стогов сена, танкетка меж ними проскочит к дороге...

До темноты дотянули. Но те самые стога, которые мы хотели использовать себе во благо, обернулись для нас бедой. Немцы зажигательными пулями сделали из них факелы, и теперь мы были как на ладони, совершенно не видя при этом врага. Что делать? Решение напрашивалось одно-единственное, и я его высказал лейтенанту:

— Взрываем пушку, танкетку и бежим к мосту!

—Технику не брошу, — возразил Ланкин. — Нам с ней, как говорил Герасименко, еще наступать предстоит. Предлагаю другое: снаряды теперь жалеть нечего, потому одновременно усиливаем прицельный огонь, ориентируясь на вспышки с их стороны, и готовимся сразу же вскочить в люки танкетки, лишь только враг на секунду замешкается. Всем ждать мою команду...

Немцы, наверное, очумели, когда увидели, что пушка, только-только посыпав-

шая их снарядами, вдруг сорвалась с места, выскочила на дорогу и на полной скорости скрылась в темноте из освещенного пламенем костров района. А ведь они наверняка уже считали ее своей добычей!

Мы проскочили мост, проехали еще с полкилометра, прежде чем нас остановил пост. Суровый офицер только приступил к вопросам — кто да откуда, как к нам подъехала легковушка, из которой вышел генерал:

— Вы немца на той стороне столько держали? Ну молодцы, чекисты, не забуду, что для нас сделали. Молодцы! Так и скажите своему начальству: генерал Катюков похвалил. Ваша пушка, может быть, Москву спасла. А вы не улыбайтесь, я ведь не шучу. Что было бы, если бы враг врасплох нас на мосту застал, когда по нему танки без боекомплекта шли, а? Теперь эти танки живы-здоровы

З.Ланкин

и хрен немца в столицу пустят...

Генерал попрощался с нами за руку, и мы опять помчались в ночь разыскивать свой тридцать четвертый полк, готовиться к новым боям.

На рассвете я расстался с Ланкиным. Легко и просто сказали мы друг другу: "До встречи!"

Через пару дней в ожесточенном бою под Захаровкой я увидел знакомую пушку, развороченную, можно сказать, до основания. Спросил бойцов: что с Ланкиным? А ничего, ответили, весь орудейный расчет уцелел, получили новое орудие, сейчас дерутся где-то в районе Косой Горы.

На другой день я был под Косой Горой, в том месте, где немцы так и не смогли одолеть наши позиции, получили по зубам и откатились. Увидел там сгоревшую танкетку со знакомым номером. Кого ни спрашивал, что случилось с экипажем, так и не получил точного ответа. Но в боях под Тулой услышал радостную информацию: Ланкин опять здорово колошматит врага, представлен к награде...

Какова его дальнейшая судьба, я, к большому сожалению, не знаю. В память о нем осталась только вот эта фотография. Фотография человека, наряду с тысячами других спасшего Москву и Отечество.

В каждом военном году у меня есть дни, запомнившиеся особо. Сорок второй — бои под Орджоникидзе, наши позиции, расположенные в Дарьяльском ущелье, почти рядом с легендарным замком Тамары. Бойцы-грузины рассказывают нам красивые до сказочности истории края, и мы готовы лечь тут костями, но защитить эту землю. Сюда, к Тамаре, враг еще не дошел, но под Гизелью наш полк бьется вовсю, там геройски погиб наш однополчанин — Петр Барбашов...

Об этом отважном солдате написано много, не хочу повторять других, а расскажу лучше о той странице в истории нашего полка, которая знакома, наверное, только очевидцам. Как-то неохотно сообщалось в прессе о том, что на Кавказе наши подразделения вели сражения не только с фашистами, но и с многочисленными бандами, для которых из той же Германии присылали и инструкторов, и оружие, и средства связи.

Что ни говори, но мы пока привыкли действовать в открытых стычках с гитлеровцами, а борьба с бандитизмом требовала иных подходов, иной тактики, которую приходилось вырабатывать в боях, неся при этом большие потери.

Истребительному батальону, которым командовал В. Машков (я был у него заместителем), поставили задачу пройти через ущелье к селу Кордзют — гнезду бандитизма на территории Карачаево-Черкесии — и рассеять, как сказали бы сейчас, незаконные вооруженные формирования. Как и сейчас, мы хотели это сделать с насюда: ну что для нас, кадровых военных, какая-то полупартизанская ватага!

Я в это время болел, простыл, и поверх шинели набросил на себя еще карачаевскую шубу. Вот в таком одеянии, уже углубившись в ущелье, и участвовал в совещании, которое проводил комбат. Заслушивали мы нашу разведку — полковника Логвинова. Он выдал успокаивающую информацию: азроразведка скоплений сил врага не обнаружила, визуально наблюдаются лишь отдельные лица, скорее всего мирные охотники, так что передвигаться можно ускоренным маршем, не боясь нападений...

Почти тотчас после этих его слов с гор на нас обрушился шквал огня. Первые же пули убили полковника Логвинова, его зама, был тяжело ранен Машков, не мог даже говорить, под обстрелом нацарапал мне записку: принимай, мол, командование батальоном. Я отступил, вывел людей из-под обстрела, оставив в том ущелье почти всю тяжелую технику. А что было делать? Как управлять подразделениями,

если из всего командного состава в живых остался только я, и то, думаю, лишь потому, что горных стрелков ввела в заблуждение шуба на моих плечах.

В общем, вышли из ущелья, доложил я кому следует о случившемся, и в тот же день прибыл к нам генерал Киселев, командир дивизии. Был он злой до крайности.

— Позвать ко мне кого-нибудь из офицеров-разведчиков, разберусь сначала с ними.

— В живых никого не осталось, товарищ генерал: ни офицеров, ни рядовых. Взвод уничтожен бандой на сто процентов.

Генерал даже в лице изменился, голос его стал глухой, скорбный. Узнав об общих потерях, он первым делом распорядился:

— Всех до единого захоронить в братской могиле, со всеми воинскими почестями. И написать, что здесь, на Кубани, бойцы наши погибли, защищая от врага родную землю. Смысл должен быть таким, а над стилем ты, политработник, уж сам подумай. Но надо все для того сделать, чтоб и через сто лет каждый понимал: не зря мы тут свою кровь проливали... А теперь, Машковцев, слушай конкретный приказ. Даю тебе немного подкрепления, иди и бери Кордзют. Не возьмешь, людей вновь положишь — арестую, ты мое слово знаешь...

Через несколько дней, уже учтя свой же трагический опыт, мы взяли без потерь это село. Захоронили в братской могиле сослуживцев...

Кстати, некоторые бойцы, которых мы считали погибшими, оказались живы. Их спасли карачаевские семьи из этого и близлежащих населенных пунктов: подобрали раненых на поле боя, перевязывали, лечили... В один такой дом, где лежал наш солдат, я вошел, разговорился с хозяйками: мужем, женой, их двенадцатилетней дочерью. Не страшно ли, мол, было выхаживать бойца? А если бы бандиты узнали?

— Бандиты узнали, — сказал хозяин. — Пришли его забирать, а мы, втроем, у кровати встали: не отдадим, лучше нас сразу стреляйте. Те и ушли.

— Вы не думайте, — добавила женщина, — что это наш народ с армией воюет. Бандиты — они наш род позорят, предают, поднимая руку на солдат... Наши жители тех, кто захоронен сейчас в братской могиле, будут чтить как героев...

После войны мне не пришлось побывать на местах былых сражений. Что стало с той женщиной, с братской могилой? Не знаю.

Но одно знаю наверняка: в той земле действительно лежат герои войны.

Постигнем ли свою великую Победу?

Хочу начать с утверждения, которое скорее всего многих покорбит: готовясь отметить пятидесятилетний юбилей своей Победы, мы даже не приблизились к ее серьезному, глубокому и всестороннему осмыслению. Мы лишь готовились праздновать очередную круглую дату, в чем сильно поднаторели в прошлом. Ведь несмотря на перестройку, гласность, всевозможные рассекреченные документы, мы знаем о минувшей, самой страшной из всех человеческих войн, а равно и о ее победном исходе не более учащихса начальной школы. Мы ведь, признаться, никогда и не изучали свою историю, а лишь постоянно к ней апеллировали, каждый раз приспособливая ее к переживаемому моменту. Так что сегодня впору говорить о нашей малоизвестной Победе. Но почему же так случилось?

Прежде всего потому, что когда пришла вдруг дозволенная свыше гласность, историческое здание, возводившееся ортодоксальными демиургами, рухнуло в одночасье, сильно покалечив осколками наше примитивное общественное сознание. Слегка очумев, мы вдруг с удивленным испугом увидели, что едва ли не каждую как героическую, так и трагическую

историческую страницу Российского государства надо переписывать. О Великой Отечественной войне — в том числе.

Где-то на втором или третьем году так называемой перестройки было принято решение подготовить и выпустить в свет десяти томное издание, в котором бы объективно отражался ход и исход минувшей войны. Ничего принципиально нового в этих установках не содержалось. Все редакции всех прочих изданий всегда клятвою обещали быть объективными и беспристрастными, только никогда и ничего у них не получалось, потому что истину они всегда приносили в жертву идеологии.

Коллектив упомянутого десяти томника (руководитель генерал-полковник Д. Волкогонов) попытался по-иному взглянуть на минувшие военные события. Только самому главному военному начальнику маршалу Д. Язову эта "новация" показалась слишком радикальной и дерзкой. На расширенном заседании редакционной коллегии первый подготовленный к печати том был раскритикован. Работа над ос-

185

тальными томами приостановлена. ("Независимая газета" напечатала об этом событии целый разворот под примечательным заголовком "Правду о войне они нам не отдадут". Во врезе говорилось: "Советский народ может быть спокоен — его архивы, его история, включая историю ЕГО войны с фашизмом, в надежных руках. И эти руки эту историю не выпустят".)

В сложившейся ситуации больше всего пострадала, конечно же, истина, настоящая правда о Великой Отечественной войне. Тогда ее "употребляли" как демократы, так и партocrats, которые схлестнулись за власть всерьез, а не понарошку. Партocrats, известно, проиграли, но и истина не выиграла. Я уж не говорю о том, что до сих пор мы не имеем ни десятичника, ни каких-либо иных серьезных, фундаментальных исследований по всей многогранной проблематике минувшей войны, хотя написаны о ней "монбланы" всяческой научной литературы. Но возьмите практически любую брошюру, книгу мемуаров, справочник от Большой Советской Энциклопедии до однотомника "Великая Отечественная война 1941-1945 годов" и почуете: от них за версту разит идеологическим духом.

Не удивительно, что и зерна правды практически во всей массе мемуаров перемешаны с чудовищным количеством плевел домысла, самовосхваления, передегивания фактов в угоду тому или иному правителю, идеологическим догматам. Происходило это во многом потому, что редко кто из военачальников сам писал воспоминания — за них это делали малокомпетентные, безвестные литрабы. Но еще больше вредила правде, хоть какой-то объективности в военной мемуаристике полнейшая секретность, когда речь шла о поражениях, о произволе Ставки; абсолютное отсутствие даже намеков на критическую оценку действий руководства армии и советского государства.

В это кому-то, может быть, сейчас трудно поверить, но буквально три года назад из-за жестких цензурных запретов, которые практически не менялись с военных времен, в открытой печати нельзя было называть боевой и численный состав округов и флотов; потери в личном составе, вооружении и технике за отдельные операции типа "Багратион" и за всю войну в целом от фронта, округа, рода войск и выше; численность подготовленных ре-

сурсов, воинских частей, сформированных в округе, на территории республики, края, области. Строжайшей тайной являлась численность наших военнопленных и интернированных граждан (в том числе и сведения, позволяющие установить конкретное лицо).

В те же времена было запрещено обнародовать сведения по любым мобилизационным вопросам в период войны и после нее; данные об уничтожении вооружения, техники и имущества нейтральных стран; сведения о строительстве укрепрайонов, баз и других важных объектов на территориях, не подвергавшихся впоследствии оккупации.

Особенно тщательно укрывались от разглашения любые данные о преступности на фронтах; о судимостях военнослужащих; даже об отдельных случаях неповиновения, дезертирства, расстрелов без суда и следствия; о штрафбатах, заградотрядах; о смерше; о знаменитом 227приказе; о предателе Власове и его РОА; о всевозможных ЧП в масштабах от полка и выше.

Василь Быков не смог бы ни при каких обстоятельствах написать, скажем, повесть "Его полк", потому что это уже было бы разглашением военной тайны. А вот "Его батальон" еще куда ни шло. Хотя и эту вещь цензура, как известно, искромсала.

Кроме категорических запретов существовали как бы негласные табу на те или иные проблемы минувшей войны. Например, об антигитлеровской коалиции, ее вкладе в разгром фашизма надлежало писать и говорить как бы сквозь зубы, лучше всего свысока или снисходительно. Ленд-лиз поэтому следовало связывать только с тушенкой и со "студебекерами", которые, как правило, не выдерживали наших суровых дорог. А ведь по ленд-лизу мы получили 401,1 тысячи автомашин, 2559 тысяч тонн нефтепродуктов, 44,6 тысячи металлорежущих станков, 1860 паровозов, 11,7 тысячи платформ, 517,6 тысячи тонн цветных металлов, 172,1 тысячи тонн кабеля, 10,8 тысячи танков, 18,7 тысячи самолетов. О тушенке и прочих съестных припасах писать уже не буду, а вот тот факт, что 10 миллионов американцев внесли свои посильные взносы в специальный фонд для воюющей России, упомянуть, пожалуй, стоит.

Ответьте, ради Христа, неужели эта мощь хоть в чем-то умаляет, принижает наше национальное достоинство? Почему же мы о ней так же "стеснялись" говорить, как о своих неслыханных потерях, о той невообразимо страшной цене, которая была заплачена нами по историческому счету за Победу? А ведь цена эта более четырех с половиной десятилетий была едва ли не самой главной нашей государственной тайной! Мы ведь только-только начинаем постигать в принципе-то и не самую сложную истину для людей, не деформированных идеологией: урон, нанесенный нам жестокоим, коварным врагом, — лишь часть наших общенациональных потерь. Другой, может быть, не менее значительный ущерб был причинен всему советскому социуму нашим правительством, бездарной политикой в отношении собственного народа. Величие его подвига поэтому автоматически возводится в степень, ибо сражался он как бы на два фронта, а не только против супостата иноземного, истекая кровью, неся неслыханные потери от дьявольской безжалостности тех и других.

Но кто из сонма советских и постсоветских ученых всерьез занимался этой проблематикой? Кто хоть приблизительно прикинул "косвенные издержки" от наших тотальных отступлений в первые месяцы войны и их следствия — перебазирования промышленности за Урал? А во что обошлась нам сталинская тактика "выжженной земли"? Как аукнулись нам в демографическом плане миллионы комбатантов, бездумно бросаемых в пекло войны просто потому, что Сталин не раз отдавал распоряжения, "не считаясь с жертвами", брать города к датам, начинать операции по его требованию?..

Только за три начальных месяца войны мы потеряли полтора миллиона убитыми, 2,2 миллиона пленными; 8,5 тысячи танков, 16 тысяч орудий. (Для сравнения: немцы за это же время потеряли 145 тысяч убитыми и около 30 тысяч пропавшими без вести.) Но в докладе к 24-й годовщине революции Сталин обнародовал: "За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек". Через год он же признавался: "Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, то я боюсь, что с вами (И. Коневым и Н. Хрущевым. — М.З.) поступили бы очень круто".

Как Сталин со своими соратниками, так и их преемники за все послевоенное время с особой тщательностью избегали этой самой "крутости". Поэтому до недавних пор запрещалось приводить полные тексты документов, отражающих деятельность ставки ВГК, Генерального штаба, Министерства обороны, Госплана, КГБ, МВД, КПСС, МИД, материалы агентурной разведки, особых отделов и следственных органов, сведения о деятельности советских контрольных комиссий, других советских администраций, обнародовать данные о захваченных документах и материальных ценностях других стран, данные о производстве самолетов, танков, орудий, кораблей в период с 1937 по 1940 год, за исключением опубликованных в "Истории второй мировой войны 1939-1945 гг."

Да что там говорить, если еще пару лет назад нельзя было опубликовать в открытой печати план города или населенного пункта периода Великой Отечественной войны в масштабе "одна миллионная" и крупнее?!

В результате ни один завод, ни одна фабрика, работавшие в годы войны на нужды фронта (о собственно военных предприятиях и говорить не приходится), по сию пору не имеют подробной, а главное, правдивой своей истории. Как, впрочем, нет таковой и у отраслей народного хозяйства, и у министерств, ведомств, и у армии, флота, наконец, у всей великой многонациональной страны, которая, что бы там ни говорили, ни писали о ней, все же сыграла решающую роль в разгроме коричневой чумы двадцатого века. И кто же после всего сказанного наберется смелости (или нахальства) утверждать, что с военными итогами второй мировой у нас все в ажуре?

Зачем, спрашивается, вообще нам, победителям в такой беспримерной по испытаниям, тяжестям и жестокостям войне, так долго приукрашивать свои военные и прочие достижения, приуменьшать, а то и уничтожать сильного, коварного врага, которого, откровенно говоря, кроме нас никто бы и не одолел? Зачем было вообще нагромождать горы вымыслов и ложных мифов вокруг своей законной и праведной Победы? Не потому ли, что все мы, в недалеком прошлом советский народ, были и остаемся людьми идеи. Мы

86

и сегодня, полвека спустя после Победы, почти поголовно больны социалистической или (берем выше!) коммунистической идеей справедливости. Той самой, о которой С.Алексиевич сказала: "Все наши трагедии от того, что нам хотелось все справедливо поделить — поэтому друг на друга с вилами шли..." Вот и ту, поистине величайшую Победу мы по большей части воспринимаем лишь песенно: "...Одна на всех — мы за ценой не постоим!" И не стояли.

А в результате — столько жизней положили, что вообразить страшно! Не здесь ли одна из причин нашей поголовной победной закомплексованности, в которой мы боимся признаваться и перед другими, и перед самими собой? Но если предельно честно, если по очень крупному счету, то ведь мы одолели жестокого врага на последнем и потому нечеловеческом, фантастическом усилии воли. Нас, как многонациональный этнос, просто Бог уберег от участи марафонского гонца, который, сообщив о победе, умер. Так что, из-за понимания сути трагедии подвиг грека должен быть менее ценен для матери-истории?

Увы, но такого измерения нашей Победы по высшему, надидеологическому, наднациональному счету не наблюдается даже в художественной литературе. Что тогда говорить о научной. Она и по сию пору конъюнктурна.

Таким образом, наше осмысление и постижение войны и Победы по-прежнему находятся в прокрустовом ложе идеологии. Просто наиболее радикально настроенные "исследователи" поменяли в своем категориальном пропагандистском аппарате плюсы на минусы, розовую краску на черную, ни на йоту не изменив методологию.

А может, проще все? Не победил ли советский народ в минувшей войне только потому, что не мог не победить? Не хотел, даже в самых потаенных мыслях не желал допустить над собой чужого (от своих-то хозяев никуда не денешься) господства, как не хотели этого крепостные в 1812 году. И сражались советские люди, гибли, преодолевали невероятные тяготы и лишения вовсе не за Сталина, не за социализм, не за другие идеологические ценности, а за свое генетическое сохранение.

Да, да — это так просто и одновременно непостижимо сложно: умирать ради жизни тех, кто придет после тебя. И не кажется ли вам, дорогой читатель, что рядом с такой догадкой все символы-девизы прошлого, с которыми преодолевались пограничные ситуации между жизнью и смертью (За веру, царя и Отечество! За мировую революцию! За Родину, за Сталина!), не более как исторические лозунги.

Впрочем, какая там догадка, об этом еще Л.Толстой писал: "Когда с простреленной грудью офицер упал под Бородином и понял, что умирает, не думайте, что он радовался спасению Отечества, и славе русского оружия, и унижению Наполеона. Нет, он думал о своей матери, о женщине, которую любил, о всех радостях и ничтожестве жизни, он поверял свои верования и убеждения: он думал о том, что будет там и что было здесь. А Кутузов, Наполеон, великая армия и мужество россиян — все это казалось ему жалко и ничтожно в сравнении с теми человеческими интересами жизни, которыми мы живем прежде и больше всего и которые в последнюю минуту живо предстали ему".

Мы, видимо, в большинстве своем еще не готовы к такому постижению сути. Не окрашенная в резкие идеологические цвета, Победа кажется нам малопривлекательной точно так же, как в андерсеновской сказке живой цветок не удовлетворял принцессу, зато от бумажных она была в восторге.

Несколько лет назад довелось мне присутствовать на закрытом просмотре документального фильма о штрафбатах. Упоенные гласностью авторы с такой лихостью закрутили ленту, что не могло быть и речи о положительном отзыве на нее со стороны политического ведомства, которое всегда "запрещало и не пушало". Но один генерал армии, известный военачальник (не называю фамилии покойного) пошел тогда значительно дальше. Он встал, заплакал и сквозь слезы потребовал от Политбюро и лично от Генсека категорического запрета фильма "на вечные времена".

Отметив великую дату с мудрым достоинством и выдержкой, народ, которому сейчас трудно, но который не опускает руки хотя бы потому, что легко ему никогда не было и вряд ли будет, должен браться

за восстановление подлинной правды о войне и Победе. Методично, скрупулезно, шаг за шагом воссоздавать все события минувшей трагедии в их предельной подлинности, без идеологических приукрашиваний. Не пристало великому народу, коим действительно является русский народ, бояться правды о своем прошлом, какой бы она горькой ни была.

В этом благом деле за ориентир хорошо бы взять слова фронтовика Константина Симонова: "При всех страшных драматических сторонах этой правды она в целом будет в нашу пользу. Это правда о том, как мы были на грани катастрофы, как мы выбрались из этой ямы и как мы потом победили. Все это — непреложная правда в истории нашего народа, и ее надо, не уставая, восстанавливать всеми доступными нам средствами. При этом нельзя мириться с искажениями этой сложной правды. Надо беспощадно бороться со всякого рода лакировкой войны и в то же время давать отпор попыткам однобоко, беспросветно представлять эти трагические и в то же время героические страницы нашего прошлого. С любой неправдой в изображении войны надо воевать, а не занимать нейтральные позиции. Это очень важно. Если мы не будем говорить правды о прошлом, мы никогда не привлечем к нему сердце молодежи".

... Десятилетиями мы возводили помпезное здание своей истории, полагая, что строим храм. Мы во многом, оказалось, ошибались, и время безжалостно разрушило наше сооружение. Теперь мы обязаны построить истинный, настоящий храм. Чтобы — на века! Он получится именно таким, не ложным лишь в том случае, если из истории мы будем брать и шлифовать подлинные камни, так обильно политые потом и кровью народа, а не бутяфорские кирпичи из папье-маше.

Полковник М. ЗАХАРЧУК.

Май в истории войск

1919

Совет Рабочей и Крестьянской Обороны принял постановление "О войсках вспомогательного назначения", в соответствии с которым сформированы войска внутренней охраны Республики (ВОХР).

1922

Приказом РВСР введен в действие Устав конвойной стражи.

1932

Открыта 4-я школа погранохраны и войск ОГПУ в г. Саратове. Ныне — Саратовское высшее военное командное училище внутренних войск МВД России.

1943

Управление войск НКВД по охране тыла ДКА реорганизовано в самостоятельное Главное управление.

1945

Приказом Верховного Главнокомандующего 273-му стрелковому полку внутренних войск НКВД присвоено почетное наименование "Гданьский".

1946

Управление войск НКВД по охране тыла Группы советских оккупационных войск в Германии переименовано в Управление внутренних войск МВД в Германии.

1947

Сформирован 1-й дисциплинарный батальон внутренних войск в г. Броды.

1962

Приказом МВД РСФСР учрежден нагрудный знак "Отличник службы ВВ МВД".

1973

Все училища внутренних войск реорганизованы в высшие военные училища.

1974

В Военной академии имени М. В. Фрунзе создана кафедра тактики и оперативного использования внутренних войск.

1986

Личный состав внутренних войск привлечен к действиям по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Информация предоставлена
Центральным музеем
внутренних войск МВД России.

184

Василий Теркин на этом свете

Подлинные факты из жизни неординарного человека — “двойника” героя поэмы Александра Твардовского

Он родился в 1910 году и прожил 80 лет.

Его первая книга стихов вышла в свет, когда ему было 25 лет.

Александр Твардовский подарил ему в 1945 году первое издание “Василия Теркина” с надписью: “Василию Глотову, близкому родственнику В. Теркина, моему дорогому поэту и товарищу по войне”.

В члены Союза писателей СССР он был принят 45 лет назад. Его 35-я (по очередности издания) книга вышла в 1980 году.

Мы дружили с ним 30 лет.

Он умер 5 лет назад, и мне выпала горькая участь организовывать похороны ветерана Великой Отечественной войны, подполковника в отставке, провожать его в последний путь на Лычаковское кладбище во Львове...

Это далеко не все круглые и “полукруглые” даты (их перечисление можно продолжить), связанные с именем Василия Ивановича Глотова — известного русского, советского поэта, моего старшего друга и наставника в литературе.

Ведь именно он реально живший “двойник” Василия Теркина: художник Орест Верейский нарисовал портрет Глотова в 1942 году, и вот уже многие десятки лет мы не представляем поэму Александра

Трифоновича Твардовского без замечательного рисунка, без этого бойца с лукавинкой во взгляде.

Я встречался с Василием Ивановичем сотни раз в самой различной обстановке. На книжных полках в моей квартире — десятки его книг. Глов-Теркин был ироничен и в дарственных надписях: “Курсанту, но поэту...”, “Ученику, догоняющему учителя...”, “Подполковнику в строю от подполковника запаса...”

А сколько было сказано-пересказано этим мудрым человеком! Его афоризмы сохранились в моих записных книжках. Предчувствуя приближение смерти, будучи прикованным к постели, он однажды сказал: “Саша (это о Твардовском. — Ю.К.) давно написал “Теркин на том свете” и умер, хотя мы с ним одногодки, а я что-то задержался на этом свете”.

Глубоко символично, что во время похорон Глотова мы несли впереди процессии не его фотографию, а увеличенный рисунок Ореста Верейского: Василий Теркин, придерживая винтовку, сворачивает самокрутку... Прогремевший над его могилой оружейный салют провел между нами непреодолимую черту: мы пока остались на этом свете, а он ушел на тот, к фронтовому побратиму...

Текст, который вы читаете сегодня, сложился из воспоминаний Василия Ивановича Глотова.

Это было весной 1942 года. Наши войска еще жили воспоминаниями о переломной битве под Москвой. Уставшие дивизии занимали оборону в лесах и готовились к новым сражениям. Одно сильное желание тогда спланивало всех фронтовиков: хотелось не приближаться к столице, а уходить от нее как можно дальше, освободить города и села страны, гнать врага туда, откуда он пришел. Миф о непобедимости фашистской армии был уже развеян. На переднем крае говорили: "Это только радостное начало, будет и конец радостным!"

Как раз в это время во фронтовой газете "Красноармейская правда" начали печататься первые главы "Василия Теркина". Газеты зачитывались до дыр, фронтовики с нетерпением ждали продолжения поэмы. В траншеях и в землянках, на привалах и в медсанбатах часто приходилось встречать солдат и командиров, которые на память читали стихи:

*Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.*

... Не знаю точно, что это было — фронтовой инструктаж или совещание, но клуб маленького подмосковного городка был переполнен. Съехались редакторы армейских и дивизионных газет, специальные корреспонденты и работники отделов пропаганды. Я занял место у дверей и смотрел, нет ли кого знакомого. Вижу — в зал вошел высокий светловолосый человек в длинной, еще совсем новой шинели с тремя шпалами в петлицах. Я склонился к своему соседу и шепотом спросил:

— Кто это?

— Александр Твардовский, — ответил он.

"Очень хорошо, — подумал я. — Может, удастся поговорить с ним". Творчество Александра Твардовского мне было знакомо еще задолго до войны, а многие главы его поэмы "Страна Муравия" я знал наизусть.

Простота, народность, песенность его стихов и правда жизни, отраженная в них, захватывали меня. Я восхищался этими стихами, они были близки мне по духу.

Хотелось встретиться с автором. Но как? Из печати было известно, что он участвовал в походе в Западную Белоруссию, а позднее сотрудничал в военной газете на севере. И вот наконец я увидел его.

После двух докладов объявили пере-
рыв. Я подошел к Александру Трифонови-

чу, отрекомендовался. Он взглянул на меня добрыми глазами и мягко проговорил:

— А я вас знаю.

Я усомнился.

— Знаю, знаю, — повторил Твардовский. — Недавно я побывал в одной дивизии на концерте армейской самодеятельности. Молодой автоматчик под баян исполнял вашу песню о разведчике. Хорошо получилось. И слова, и музыка мне понравились.

— Благодарю!

Он помолчал. Потом спросил:

— А сегодня есть у вас стихи при себе?

— Есть одна миниатюрка.

Я вынул из планшетки короткое стихотворение "Другу" и подал ему. Он быстро прочитал и повернулся к товарищу:

— Посмотри, Николай.

Тот вооружился очками и начал читать вслух:

*Мы вместе заняли с тобою
Окоп, оставленный врагом.
Я думал о прошедшем бое,
А ты о чем-то о другом.
Быть может, золотые косы
Ты вспомнил, лежа на песке.
И задремал. И напираса
Погасла у тебя в руке...*

— Ну и как? — взглянул на него Твардовский.

— Неплохо.

— Я тоже так думаю, — сказал Александр Трифонович. — Николай Рыленков обычно скупились на похвалы, — обратился он ко мне. — А тут... Короче, вот что, товарищ Глотов, подберите еще несколько стихов и присылайте в "Красноармейскую правду". Напечатаем.

Вскоре мои стихи появились в газете.

Война продолжалась. Мы уже не раз ночевали, укрывшись одной шинелью, вместе мылись в уцелевших деревенских банях и пропустили не по одной фронтовой чарке. Александр Трифонович сознательно устранил между нами официальность, заставил меня называть его по-дружески, просто Сашей.

— Душа соскучилась по семейным словам, — говорил он тихо и задумчиво. — А ты не скучаешь по дому?

— Часто. А что сделаешь — война.

Он неожиданно вздохнул и начал читать:

*Заняла война полсвета,
Стоп стоит второе лето.
Опясал фронт стражу.
Где-то Ладога... А где-то
Дон — и то же на Дону...*

Однажды летом мы шли по большой равнине к березовой рощице, где отдыхала стрелковая часть, выведенная из боя. День стоял солнечный, кругом все зеленело, цвело. Но поля были запущенные, заросшие сорняками. Александр Трифонович задумался. В такие минуты я старался не мешать ему. Вдруг он заговорил. Вспомнил свою юность, рассказывал, как начал писать стихи и как радовался, когда их печатали.

— Знаешь, кто первым моим наставником был? — спросил он, замедляя шаг. — Михаил Васильевич Исаковский. Он тогда работал в смоленской областной газете. Я как-то привез ему свои стихи. Он отобрал лучшие, попросил художника нарисовать меня. Через несколько дней в деревню пришла газета с моими стихами и портретом. Это был большой стимул в моем творчестве. Спасибо Михаилу Васильевичу за путевку в литературу.

— У него стихи хорошие, — сказал я. — Особенно песни. Наверное, он добрый человек.

Мы остановились, покурили.

— Скажи, Саша, — заговорил я, затапывая окурки, — ты давно задумал "Василия Теркина"?

— Откровенно говоря, недавно. Когда я служил на Карельском перешейке, там у нас был популярным обобщенный образ советского воина Васи Теркина. Работали над ним многие поэты, в том числе и я. Мы старались показать удалого и находчивого бойца-фронтовика, его боевое мастерство и умение перехитрить белофинна.

Такой образ очень нужен был. На этой же войне потребовался уже не Вася, а Василий Теркин — образ значительно более серьезный, солдат, который отвечал "за Россию, за народ и за все на свете".

В начале августа 1943 года развернули боевые действия войска Западного фронта, а позднее перешли в наступление армии Калининского. Бои были упорные, ожесточенные, с небольшими перерывами и перегруппировками. Наконец части Красной Армии освободили Ельню, затем Ярцево, Духовщину и перерезали железную и шоссейную дороги Смоленск—Рославль. Утром 25 сентября был освобожден Смоленск.

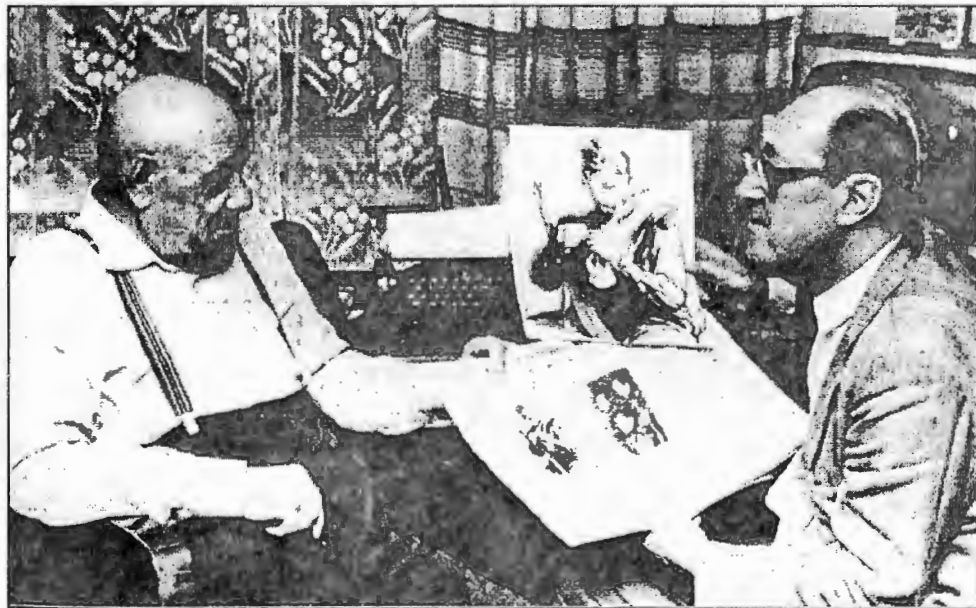
Я никогда раньше не был в Смоленске, но много читал о нем, знал, что его в старину называли "ключом государства Московского". Сплошные развалины и закопченные остовы городских зданий оставляли тяжелое впечатление. Часа два бродил я по берегу Днепра. Потом попал в большой двор, заваленный разными обломками и мешками с трофейными продуктами. Это была временная стоянка нашей комендатуры. Среди группы военных я увидел Твардовского.

— Ты уже здесь?

— Здесь, Вася! Прибыл сразу же, как только наши войска выбросили фашистов из города. На хуторе нашел родителей.

— Ну и как они?

— Плохи. Похудели — в чем душа дер-

Встреча О.Г.Верейского и В.И.Глотова во Львове. 1987 г.

жится, обносились. Товарищ комендант дает мне мешок гороха и мешок пшена. Нужно отвезти на хутор.

— А машина есть?

— А вот у сарая стоит, — показал он.

Недалеко от автомашины я увидел ящики с хозяйственным мылом, а у кирпичной стены — гору соли. Подошел к коменданту:

— Может, и этого немного дадите?

— Пожалуйста, берите. Это трофейное.

На хуторе Александр Трифонович познакомил меня со своими родителями — отцом Трифоном Гордеевичем и матерью Марией Митрофановной. Держались они просто и душевно, радовались долгожданной встрече с сыном.

Мария Митрофановна приготовила чай. Я положил на стол армейский сухой паек. Трифон Гордеевич коротко рассказал о жизни при фашистах, об опасности, которая два с лишним года угрожала им. Гестаповцы знали, что сын их поэт и коммунист, но почему-то не трогали стариков — видно, недосуг было.

Вечером я пошел в саперный батальон, оставленный для разминирования города. Александр Трифонович остался у родителей. Утром мы снова встретились и пошли осматривать Смоленск. Говорили мало, больше смотрели. Мне было больно, а ему еще больнее. Ведь это город его юности. Сколько раз он проходил когда-то по этим улицам, любовался их красотой, зеленью, цветами! Теперь, подавленный и усталый, он то и дело останавливался, пораженный руинами:

— Варвары! Что они сделали с моим городом!

Александр Трифонович закурил и начал рассказывать, как перед бегством из города фашисты пытались угнать большую группу жителей Смоленска на запад. Только подоспевшее подразделение наших войск помешало этому. Тысячи горожан были спасены от неминуемой гибели.

На углу улицы виднелись снарядные воронки и трупы фашистов. Твардовский отвернулся и прошел мимо.

Через день на площади, у памятника Кутузову, состоялся митинг. Тысячи военных и гражданских людей окружили трибуну. Выступали освободители Смоленска и представители вновь созданных государственных органов. Поднялся на трибуну и Александр Трифонович. Говорил он взволнованно и доходчиво. Многие женщины плакали, вытирая глаза концами платков. «Оказывается, он не только хорошо пишет, но и говорит прекрасно, — подумал я. — Давай, дорогой, давай, это сейчас нужно».

Прошла еще одна ночь. Из Смоленска мы выехали в редакцию газеты нашей

армии. По пути побывали в двух отдыхающих частях, выступали перед фронтовиками, рассказывали о зверствах фашистов в Смоленске, читали стихи. В редакции появились сильно запыленные и помятые. Я попросил хозяйку истопить баню. К вечеру на складе АХО получил две пары чистого белья и раздобыл веник. Александр Трифонович был очень доволен.

— Это ты здорово придумал, — говорил он. — Пойдем-ка отмоемся от дорожной пыли и грязи. Правда, это не Сандуны, но все же попариться можно.

Парился он отчаянно. Поставил на пол таз с водой, распарил веник и хлестал себя до изнеможения. Потом выходил в предбанник, отдыхал и снова парился. Я сидел на полу и жаждал рот ладонью. Дышать было трудно, а он просил:

— Поддай пару, Вася, поддай!

Я выливал ковш воды на каменку.

— Хорошо теперь?

— Еще, еще!

Мы в Минске. Столица Белоруссии лежала в развалинах. Грустно было смотреть на мертвые улицы, но боевой дух фронтовиков не угасал. Враг только смертельно ранен, но не добит.

На окраине города размещался лагерь военнопленных. Он был переполнен. Подразделения внутренних и пограничных войск заканчивали ликвидацию мелких и крупных фашистских групп. В лагерь то и дело прибывали большие партии гитлеровцев под конвоем наших бойцов. Александр Трифонович завел меня в этот лагерь посмотреть на вояк фюрера. Вид у них был жалкий. Молодой начальник лагеря решил преподнести Твардовскому в подарок трофейную авторучку и часы, взятые в разбитом штабе немецкой дивизии.

Поэт вежливо отказался от подарка.

— Это же трофеи, — уговаривал начальник лагеря.

— Все равно, — ответил Александр Трифонович. — Часы у меня есть, а немецкой ручкой не хочу писать "Теркина".

В полдень мы выехали в поле. Совсем недавно здесь колосились хлеба. Отступая, фашисты примяли их специальными катками. Вдали виднелись коробки городских зданий без крыш и окон, а в низине — подбитые танки и обгоревшие трупы врагов. Александр Трифонович вдруг заговорил стихами:

*Пройдетя плуг по их могилам,
Накроет память их властом.
И будет мир отрадным тылом
Войны, потушенной огнем.
И, указав на земли эти
Внучатам нынешних ребят,*

*Учитель в школе скажет: "Дети,
Здесь немцы были век назад."*

Прихрамывая, к нам подошел старик-белорус в рваном зипуне. Вежливо поздоровался и попросил у нас щепотку табаку. Мы предложили ему папиросы. Дед поблагодарил нас и, не спеша прикуривая от зажигалки, повернулся лицом к примятому хлебу:

— Хорошая пшеница была здесь. Немцы погубили ее. Себе собрать не успели, а людям отдать не пожелали.

Он присел на тот самый коток, которым принимали хлеб, затянулся душистым дымком папиросы. Александр Трифонович внимательно посмотрел на деда-белоруса, на его ветхий зипун, спросил:

— Когда они это сделали?

— Перед самым отступлением, — хрипло ответил старик. — Они не сами делали, а наших людей пригнали — из военнопленных. И расстреляли их потом.

Твардовский тяжело вздохнул...

Последний раз на фронте мы встречались в маленьком населенном пункте недалеко от Балтийского моря. Редакция армейской газеты "На врага" занимала тогда замок Галинген, хозяин которого вместе с другими помещиками бежал на запад. Александр Трифонович приехал к нам не один, а с художником Верейским. Жили они у нас три дня или четыре. Вторым мы выступали у танкистов и зенитчиков. Потом по инициативе нашего редакционного художника Михаила Федоровича Тартушкина сфотографировались. Твардовский сидел на стуле, Орест Георгиевич стоял справа, я — слева. Через два часа фотокорреспондент Бялый подарил нам снимки.

Вечером уже у меня в комнате Александр Трифонович вынул из офицерской сумки маленького формата книжку, столбиком написал несколько слов и, вручая мне, сказал коротко:

— На память о войне.

Я принялся рассматривать подарок. Это было первое издание "Василия Теркина". Последние главы в него еще не вошли. На титульном листе Александр Трифонович написал:

*"Василию Глотову,
близкому родственнику В.Теркина,
моему дорожному поэту и товарищу по
войне.
А.Твардовский*

1945 г. Замок Галинген, В.Пруссия".

— Спасибо, Саша! — подал я ему руку. — А что же я могу подарить тебе? Да, у меня есть портативная пишущая машинка. Возьми, Саша, пригодится.

— А у тебя есть другая?

— Нет, но будет. Комендант обещает.

— Тогда возьму.

Теперь мы расстались надолго. Я часто перечитывал "Книгу про бойца" и автограф Александра Трифоновича, но как-то не придавал значения словам "близкому родственнику В.Теркина". Таких родственников, как я, у него много. Сотни фронтовиков узнавали в нем себя, черты своего характера, а в некоторых подразделениях был даже свой "живой Теркин".

Разумеется, большая часть читателей принимали Василия Теркина как литературного героя, созданного воображением поэта. И все-таки они часто забывали об этом. Мастерски нарисовав образ Теркина, Твардовский наделил его такими реальными, привычными чертами, что заставил читателей поверить в него как в лицо, реально существующее. Наверное, таким же приемом, теперь уже языком графики, будет создан и портрет героя, о котором недавно говорил Орест Георгиевич Верейский.

Вскоре после войны в Детиздате большим тиражом вышел "Василий Теркин" для ребят старшего возраста. Книга была богато иллюстрирована прекрасными рисунками Ореста Верейского. Был напечатан и портрет героя в красках. В портрете Теркина я узнал себя и изумился: что же они натворили?!

Приехав в Москву, я сразу же направился к Александру Трифоновичу в редакцию журнала "Новый мир". Встретил он меня тепло, по-родному. Я тут же сказал:

— Напутали вы, братцы мои!

Он вопросительно взглянул на меня:

— Кто это "вы"? И что напутали?

— Вы — это ты и Верейский, — пояснил я. — Вместо портрета Теркина вы напечатали мою физиономию.

— Вот уж никак нет! — хитровато ухмыльнулся Александр Трифонович. — Теркин каким был, таким и остался. А ты... Ты просто похож на него. Ничего мы не напутали.

Я только руками развел.

В тот мой приезд мы побывали у знакомых фронтовиков, вспоминали прошлые дни и боевых товарищей. На улице, встречаясь со своими московскими друзьями, поэт представлял меня:

— Теркин!

За несколько дней я привык к такому представлению. Но никак не мог вспомнить, где и когда Орест Георгиевич рисовал с меня портрет. Ответ на этот вопрос нашел в "Правде", прочитав статью Гр. Анисимова "Языком графики". Автор этой статьи побывал в мастерской народного

художника РСФСР Ореста Георгиевича Верейского и рассказал о его работе над художественным оформлением книги "Василий Теркин". Анисимов писал:

"Прототипом образа Теркина послужил фронтовой товарищ поэта и художника Василий Глотов. Поиски образа Теркина Орест Верейский упорно вел на протяжении долгого времени. И вдруг, увидев Василия Глотова, художник как бы сконцентрировал все свои фронтовые впечатления, наблюдения, переживания в одном образе. Когда Орест Георгиевич Верейский показал портрет Теркина Твардовскому, тот коротко сказал: "Это он!"

Прочитав статью в "Правде", я, конечно, вспомнил, когда и где рисовал меня Верейский. Было это в 1942 году. Наши войска отбросили фашистские полчища от Москвы и вели бои на дальних подступах к столице. Меня вызвали из армейской газеты во фронтовую на стажировку. В редакции я познакомился со всеми работниками "Красноармейской правды". Художник Орест Верейский, молодой, общительный, с первого же дня начал ко мне присматриваться. Я это замечал и думал: "Кого-то я напоминаю ему. Хоть бы поряdochного человека!"

Однажды утром Верейский сказал мне:

— Хочу сделать портрет. Придется посидеть.

Я всю жизнь не любил даже фотографироваться, а тут нужно сидеть, позировать. Нет, это не пойдет! Стал отказываться. Но художник настаивал. Пришлось уступить. Он посадил меня на стул, немного отодвинулся и, показав, как сидеть и куда смотреть, начал рисовать. Сидел я так долго, даже устал. Наконец художник поднялся:

— Все, благодарю!

Потом я уехал и забыл о портрете. Прошли годы. Некоторые столичные журналисты побывали в мастерской художника. В газете "Культура и жизнь", а позднее в "Литературной газете" появились статьи о работе Ореста Верейского, о портрете Теркина и его прототипе. Вслед за ними об этом начали печатать статьи областные газеты. Люди разных возрастов и специальностей — ученики старших классов и бывшие фронтовики, учителя и молодые солдаты, библиотекари и рабочие — завалили меня письмами. Всех интересовали Теркин, его портрет и кое-какие подробности. Я отвечал им коротко:

"К тому, что было в печати, добавить ничего не могу".

По этому вопросу мне несколько раз пришлось выступать по радио и по телевидению, кое-что вспоминать и рассказывать о Теркине, его авторе и художнике. Но письма продолжали поступать. Мало того, иногда на улице или на литератур-

А.Т.Твардовский, О.Г.Верейский, В.И.Глотов.
1944 г.

ных вечерах ко мне подходил человек и, смущаясь, с любопытством спрашивал:

— Вы Теркин?

— Нет, уважаемый товарищ, — отвечал я. — Теркин молодой и бравый, а я, видите, какой... Пенсионер уже.

Александр Трифонович, словно подслушав мои ответы, прислал мне в 1968 году оттиск с портрета Теркина, коротко написал:

"Дорогой Василий Иванович!

*Поздравляю тебя с 50-летием нашей
Армии от себя и от имени солдата... чье
изображение — на обороте.*

*Автор пусть его спарсит,
Пусть не старится герой!*

Обнимаю тебя. Твой А.Твардовский".

А через три года его не стало...

Когда я однажды приехал в Москву и хотел пройти на Новодевичье кладбище, где похоронен Саша, милиционер остановил меня: "Сегодня нельзя". И вдруг оказавшийся рядом со мной мужчина, глядя на меня, почти крикнул милиционеру: "Да это же Василий Теркин!". Тот посмотрел и взял под козырек: "Простите, сразу не узнал. Проходите, пожалуйста".

Ю.КИРИЛЛОВ,
член Союза писателей,
лауреат премии имени К.М.Симонова.

Фото А.ИУТИНА.

Оружие Победы

НАСЛЕДНИЦА ТРЕХДЮЙМОВКИ

В середине тридцатых годов во всех армиях убедились: артиллерийские орудия времен первой мировой войны, даже из числа самых удачных, устаревают. Основательная модернизация не спасла и знаменитую российскую трехдюймовку — 76-мм пушку образца 1902 г., несколько десятилетий считавшуюся одной из лучших в мире и составлявшую основу нашей дивизионной артиллерии.

Предстояло заменить и ее. Чем?

Многих в Наркомате обороны, в конструкторских бюро тогда увлекала идея создания универсального орудия среднего калибра, способного вести точный огонь как с закрытых позиций, так и прямой наводкой — особенно по танкам, а также отражать налеты воздушного противника в качестве зенитного средства. Эта идея пришла к нам из США, где в обстановке рекламной шумихи проектировали и испытывали универсальные орудия Т-1, Т-2, Т-3. Опытные образцы похожих систем появились и на наших полигонах. Но идея универсализации довольно быстро угасала — и за океаном, и у нас испытания показали: дорого, сложно, не очень надежно, а значит, и бесперспективно. Тем не менее орудия, которые затем создавались для решения в бою конкретных задач, какое-то время назывались

специальными. Так сказать, для отличия от универсальных.

На полях второй мировой войны артиллерия была многоликой — и по калибрам, и по предназначению: полевой, противотанковой, зенитной, разработанной специально для вооружения танков, самоходных артустановок, кораблей, обороны береговой линии.

Наш рассказ лишь об одной системе — 76-мм дивизионной пушке ЗИС-3, которая была создана уже в разгар войны и с блеском заменила славную трехдюймовку. Едва появившись в боевых порядках войск, это мощное и легкое, высокоманевренное орудие, как свидетельствуют историки, заставило заговорить о себе военно-артиллерийскую и инженерно-конструкторскую общественность страны, а вскоре и всего мира. Это было новое слово в артиллерии. Нашу дивизионную пушку признали таким же техническим шедевром, как и танк Т-34 или самолет-штурмовик Ил-2.

“Легкая 76-мм пушка, — отмечал в своих мемуарах известный военачальник, крупный специалист в области боевого применения артиллерии Н.Н. Воронов, представлявший на многих фронтах Ставку Верховного Главнокомандования, — была любимицей наших артиллеристов и

грозой для гитлеровских танков. От огня этой пушки враг нес большие потери, и пленные немецкие офицеры и солдаты говорили, что гитлеровцы боятся ее как огня".

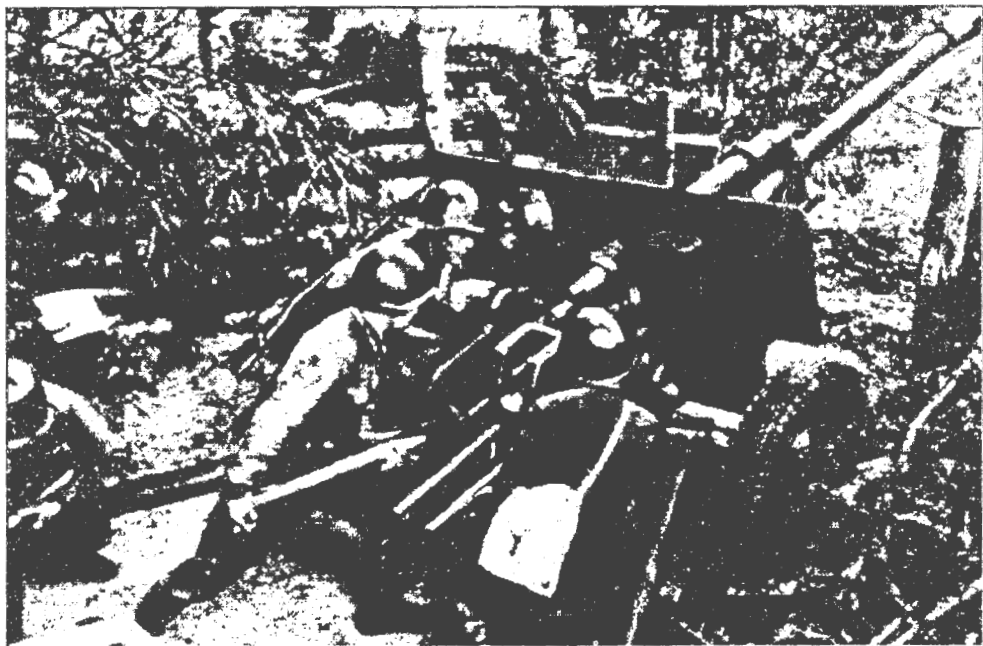
Как же родилось орудие столь высокого класса? "Для его создания, — шуточно объяснял генеральный конструктор многих артиллерийских систем Василий Гаврилович Грабин, — потребовалось шесть лет и еще одна ночь". Почему именно шесть? Столько времени на тот период Грабин, воспитанник Артиллерийской академии, возглавлял конструкторское бюро. А ночь — это напоминание о том, что открытия приходят в результате напряженного инженерного поиска, накопления опыта, последовательного решения все более и более сложных задач.

Первенцем у В.Г.Грабина была 76-мм пушка Ф-22, принятая на вооружение в 1936 г. В 1939 г. она была усовершенствована и поступала в войска под маркой Ф-22 УСВ (часто ее просто называли "пушка УСВ"). С началом войны Государственный Комитет Оборона требовал непрерывного увеличения выпуска этих орудий. Правительственные задания были очень жесткими.

В.Г.Грабин всячески помогал руководи-

телям заводов выполнять их, но он не был удовлетворен своим детищем. Тяжеловатой получилась дивизионная пушка, а ведь в бою расчет перекачивает ее с одной позиции на другую вручную. Сложна в производстве — опыт подсказывал, что многое можно изменить, упростить. Стал очевидным и конструктивный недостаток орудия: механизмы наводки на нем были разнесены на обе стороны лафета, что очень усложняло стрельбу по танкам, другим подвижным целям.

В.Г.Грабин по своей инициативе начал разрабатывать новую дивизионную пушку — будущую ЗИС-3. В работу, понятно, включилась большая группа специалистов — конструкторов и технологов. От многих классических канонов отказались. Было решено, скажем, разместить тормоз отката под стволом, а накатник — над стволом. По такой схеме орудий еще никто не строил. Все механизмы наводки были размещены на одной стороне лафета — левой, что создавало удобства для наводчика. После некоторых колебаний конструкторы решили отказаться от угла возвышения ствола 45 градусов, обеспечивающего снаряду максимальную дальность полета. Сочли возможным ограничить его 37 градусами: потеря в дальности стрельбы измерялась сотнями метров, зато открылась возможность упростить схему орудия, уменьшить его массу.

Опытный образец ЗИС-3 был создан в рекордные сроки. Дело ускорило и то, что под 76-мм ствол В.Г.Грабин решил использовать уже находившийся в производстве лафет его же 57-мм противотанковой пушки ЗИС-2. У этого орудия тоже непростая судьба. Оно было принято на вооружение еще перед войной, но осенью 1941 г. после выпуска 320 орудий снято с производства. Из-за избыточной мощности: для этой пушки, считали общевойсковые командиры, в то время не было достоянной цели.

Заводские испытания ЗИС-3 оправдали надежды: новая пушка была намного лучше Ф-22 УСВ. Но без полигонных и войсковых испытаний, обычно длительных, без принятия образца на вооружение на конвейер его не поставишь. О перестройке производства тогда никто и слушать не хотел: это грозило сорвать план фронтовых поставок. В.Г.Грабин на свой страх и риск предлагает наладить в опытном цеху негласное параллельное производство пушки ЗИС-3, проверить ее в условиях реальных боев. Военпреды завода тоже оказались не робкого десятка и не стали протестовать против отправки на фронт орудия, еще не принятого на вооружение. Отзывы же из частей на "незаконно рожденную" были восторженными. Многие новая пушка обещала и заводу: она обходилась в производстве втрое дешевле Ф-22 УСВ, была значительно легче своей предшественницы, позволяла резко увеличить валовой выпуск. Но...

Лишь в январе 1942 г., когда на фронтах находилось уже около тысячи пушек ЗИС-3, В.Г.Грабину удалось добиться разрешения на показ обоих орудий членам правительства в Кремле для сравнительной оценки. Этому, отметим, предшествовало острое столкновение генерального конструктора с И.В.Сталиным, обвинявшим его в бесконечном изобретательстве, непонимании обстановки. Осмотр в Кремле позволил Василию Гавриловичу перевести дыхание. Сталин правильно оценил возможности новой пушки, увидел за ней будущее артиллерии, действительно крупный успех. Посоветовал только сантиметров на 5 увеличить высоту щита: когда рослый Н.Н.Воронов манипулировал механизмами наводки орудия, его папаха иногда оказывалась над щитом. Благословение Верховного означало, что теперь принятию новой артсистемы на вооружение уже ничто не могло помешать.

И все же полигонные испытания были. Всесторонние и принципиальные. На одном из этапов из пушки в высоком темпе выпустили столько снарядов, что, получив отбой, артиллеристы прикурили от ствола: на нем горела краска.

Специалисты, которым выпало дать официальное заключение о боевых свойствах ЗИС-3, отметили еще и ее красоту, как бы теперь сказали, дизайн. Гармоничность конструкции всегда придает технике приятный для глаз облик, привлекательность. "Причем в чертежах, — подчеркнул испытатели, — нет ни одной линии, подчиненной художественным требованиям в ущерб служебно-эксплуатационным и производственно-технологическим качествам".

76-мм дивизионная пушка ЗИС-3 превосходила 75-мм полевую пушку немцев аналогичного предназначения, известную под индексом "18", по всем боевым характеристикам: масса снаряда составляла соответственно 6,2 и 5,1 кг, начальная скорость — 680 и 485 м/сек, дальность стрельбы — 13,2 и 9,4 км, скорострельность — 15-20 и 10-12 выстр/мин. Наше орудие обладало большей бронепробиваемостью, благодаря очень удачному подпрессориванию было лучше приспособлено к транспортировке на высоких скоростях, отличалось большей живучестью ствола. Превосходила наша дивизионная пушка по комплексу боевых свойств и соответствующие орудия американской и английской армий.

О том, на что она была способна при умелом использовании, высокой выучке расчета, можно судить по такому факту. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи экспонируется орудие ЗИС-3 с заводским номером 4785. Боевое крещение расчет этой пушки принял на Курской дуге, в июле 1943 г., закончил же фронтовой путь в Берлине. Пушка прошла с боями 6204 км и сделала 3969 выстрелов. Ее снарядами уничтожено 33 танка, 21 самоходное орудие, 74 автомашины, 14 полевых орудий, 17 минометов и 5 самолетов противника на аэродромах. Впечатляющие цифры!

Сегодня легендарную грабинскую пушку можно увидеть не только в музейных залах. Во многих городах ее вознесли на пьедесталы в качестве памятника нашей Великой Победы. Она этой чести достойна.

Полковник В.МОРОЗ.

КАВКАЗСКИЕ НАГРАДЫ РУССКОЙ АРМИИ

Среди многочисленных российских дореволюционных наград выделяется особая группа медалей "для ношения на груди", учреждение которых было связано с Кавказскими войнами. Отличительной особенностью их является то, что вручались они всем без исключения участникам той или иной военной кампании — от рядового до генерала — и ценились ими, как правило, наряду с самыми высокими орденами.

В советской историографии эти боевые награды называли "свидетельством усилий русского царизма в завоевании и покорении народов Кавказа". Однако исторической справедливости ради их следовало бы считать символами миротворческой миссии русского оружия на Кавказе.

“ПРИШЕД С ВОЙСКАМИ БРАТЬ ГОРОД...”

Регулярная служба русского солдата на Кавказе началась, по большому счету, с подписания в 1783 году Россией и Грузией Георгиевского трактата. Согласно договоренности в Грузию были введены русские военные силы в составе всего лишь двух батальонов.

По просьбе царя Ираклия II русские воины должны были охранять пределы Грузии от разорительных набегов соседних воинственных племен, пользовавшихся покровительством Турции и Персии.

Однако столь малых сил было недостаточно. Персы по-прежнему безнаказанно грабили Грузию. Вот, например, как описано в исторических хрониках одно из ужасных нашествий варваров на Тифлис в 1795 году: “С каждым рассветом дня толпы персидских войск вместе со своим повелителем устремлялись в столицу Грузии. Там персиане предавались полному неистовству. Они отнимали у матерей грудных детей, хватили их за ноги и разрубали пополам, вводили женщин в свой лагерь, бросая детей на дороге. Река Кура была загромождена трупами”.

Так же жестоко персы издевались и над населением, проживавшим на территории теперешнего Азербайджана. В 1794 году здесь была проведена невиданная по своей жестокости акция устрашения. Персидские воины ослепили двадцать тысяч азербайджанцев. В доказательство сего “подвига” предводителю персов Ага-Мухаммед-шаху были доставлены корзины с “20 тысячами пар вынутых глаз”. В свою очередь, лезгинские феодалы в бесчинствах не отставали от персов и турок. Они вводили огромное количество грузин в рабство.

Послы грузинских царей издавна обивали пороги дворцов российских самодержцев, умоляя принять Грузию “под свое великомогущее покровительство”. Наконец 12 сентября 1801 году Александр I обна-

родовал манифест о присоединении Грузии к России. Ровно через год, в сентябре 1802 года главнокомандующим русскими войсками на Кавказе был назначен генерал П.Д. Цицианов. Потомок древнего грузинского княжеского рода, он начал решительные боевые действия против многочисленных врагов родины своих предков.

В ноябре 1803 года русские войска под командованием князя Цицианова вступили в пределы Ганжинского ханства — форпоста персидских завоевателей, откуда осуществлялись коварные планы геноцида народов Кавказа. На подходе к крепости Ганжа (ныне город Гянджа в Азербайджане) 29 ноября генерал Цицианов направил засевавшему в ней Джавад-хану послание. “Пришед с войсками брать город, — писал, следуя гуманистическим принципам православия, русский военачальник, — я, по обычаю европейскому и по вере, мной исповедуемой, должен, не приступая к пролитию крови человеческой, предложить вам сдачу города. Буде завтра в полдень не получу ответа, то брань возгорится, понесу под Ганжу огонь и меч, и вы узнаете, умею ли я держать свое слово”.

Коварству Джавад-хана не было предела. Он дал русскому командованию уклончивый и неопределенный ответ. Цель его была одна — оттянуть время.

Русские войска стояли под стенами осажденного города около месяца. 2 января 1804 года военный совет под председательством Цицианова постановил: “Быть штурму на следующий день”.

Войска устремились на крепость двумя колоннами — со стороны Карабахских и Тифлисских ворот. Вместе с “высокославыными российскими солдатами” на приступ ненавистной цитадели шло около 700 азербайджанских ополченцев и добровольцев из других мест Кавказа.

Жестокая битва продолжалась до полудня. С обеих сторон было много раненых

и убитых. И вот штурмовавшие ворвались на улицы города. В рукопашном бою был зарублен сам Джавад-хан. С разбойничьим логовом было покончено...

Для награждения участников славного штурма была отчеканена серебряная медаль диаметром 33 миллиметра. На ее лицевой стороне изображен царский вензель Александра I, увенчанный импера-

торской короной. На оборотной стороне — надпись: "За труды и храбрость при взятии Ганжи. Января 3. 1804 г." Носили боевую награду на груди на Александровской ленте, то есть ленте ордена Святого Александра Невского.

Ныне эта медаль является большой редкостью.

КОНЕЦ "ОРЛИНОГО ГНЕЗДА"

"Орлиное гнездо" — так высокопарно называли мюриды из ближайшего окружения имама Шамиля аул Ахульго — его неприступную, как считалось, резиденцию.

Шамиль со своими летучими отрядами десятки лет терроризировал местное население. Постоянные распри с другими горскими народами препятствовали установлению долгожданного мира на Северном Кавказе. Наконец в 1834 году против Шамиля выступили аварцы, доведенные до отчаяния жестокостью и беспощадностью его головорезов-мюридов.

По многочисленным просьбам местных князей и вождей против Шамиля развернули активные боевые действия и русские войска. Противоборство продолжалось около пяти лет. В июне 1839 года войска генерала П.Х.Граббе загнали Шамиля с двумя тысячами мюридов в его резиденцию — укрепленный аул Ахульго. Это был, по существу, неприступный средневековый замок. Располагался аул на двух отвесных утесах, продолжением которых были крепкие каменные стены и высокие башни.

Русские войска обложили утес со всех сторон. Блокадная линия протянулась почти на четыре километра. На все предложения о почетной сдаче на милость победителей Шамиль отвечал отказом.

29 июля генерал Граббе сделал в журнале боевых действий следующую запись: "...С рассветом батарея из шести

орудий открыла огонь по Сурхаевой башне... Храбрые войска с чрезвычайным усилием поднимались по скользким и почти отвесным скалам, осыпаемые градом камней, огромных бревен..."

Первый штурм завершился для русских неудачей. Началась тщательная подготовка к последующим. Часть войск проводила осадные работы, другая — прокладывала дороги, подходы к укреплениям противника, подтягивала артиллерию...

Попытки овладеть Ахульго штурмом продолжались более семидесяти дней. Наконец 22 августа крепость была подвергнута сильнейшей артиллерийской бомбардировке. Часть стен и башен рухнула, похоронив под собой многих фанатичных защитников крепости, одурманенных идеей райской жизни после смерти в бою с неверными.

"С Божией помощью, — записал генерал Граббе, — Шамиль и его сообщники не долго будут противиться оружию Его Императорского Величества..." Предвидение генерала сбылось. Русские солдаты, презирая смерть, пошли на последний решительный штурм. Мюриды в плен не сдавались, бились до последнего. В жестоком сражении погибли почти все сподвижники имама. Самому Шамилю с горсткой головорезов под покровом ночи удалось спастись бегством.

Такое историческое событие, как взятие резиденции имама Шамиля, отметили учреждением специальной серебряной ме-

дали. На лицевой стороне награды был помещен вензель императора Николая I. На оборотной стороне — надпись: "За взятие штурмом Ахульго. 22 ав. 1839 г." Награда носилась на самой почетной — Георгиевской оранжево-черной ленте, то есть

ленте ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Медаль за Ахульго является довольно редкой, так как ею были награждены только воины, принимавшие непосредственное участие во взятии резиденции Шамиля.

"МЫ В ВОСТОРГЕ ОТ УСПЕХОВ РУССКОГО ОРУЖИЯ"

После бегства из Ахульго Шамиль вновь стал собирать своих приверженцев для войны с непокорившимися ему горцами, нападений на русские сторожевые укрепления, грабежей торговых караванов.

1843 год принес небывалый успех Шамилю. Собрав войско в двадцать тысяч всадников, он захватил часть Дагестана, Аварию, земли других мелких племен и народов. Посадив в селениях своих людей, имам обложил мирных жителей данью на "священную войну" против неверных.

Так продолжалось до 1856 года, когда командование Кавказской армией принял генерал от инфантерии А. И. Барятинский. К тому времени все влиятельные мюриды, обогатившись за счет грабежей и присваивания 'взносов на "священную войну" с неверными, сами превратились в феодалов. Все это происходило на глазах простых горцев, положение которых только ухудшалось. Авторитет Шамиля стремительно падал. Участились вооруженные выступления чеченцев против самого имама.

Под руководством Барятинского, ставшего наместником на Кавказе, начались планомерные и решительные действия русских войск против Шамиля. Активное участие в боевых операциях принимала и местная милиция — воинские формирования, комплектовавшиеся из добровольцев горских народов.

1 июля 1859 года русские войска выбили Шамиля из аула Ведено. С самыми преданными мюридами он засел в своем последнем убежище — хорошо укрепленном

ауле Гуниб в горном Дагестане. Командующий русскими войсками, обложившими укрепление, князь А. И. Барятинский направил в осажденную цитадель письменное обращение. "...Чтобы избежать нового пролития крови, — писал русский генерал, — я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положил оружие. Если он исполнит мое требование, то я... объявляю ему... полное прощение..." Но имам отверг предложение командующего. Человеческие жизни для него не представляли никакой ценности.

Русские воины три дня штурмовали аул, который мюриды защищали с фанатизмом смертников. Наконец 25 августа Гуниб был взят штурмом. Сам Шамиль с горсткой оставшихся в живых людей сдался в плен.

Пленение Шамиля принесло на Кавказ долгожданный мир. Стали развиваться земледелие, скотоводство, ремесла, торговля. Более безопасным стал и путь в Закавказье. Армянские купцы, несшие прежде огромные убытки из-за постоянных нападений банд Шамиля на караваны торговцев, с благодарностью писали генералу Барятинскому: "Мы от мала до велика были в упоительном восторге от успехов русского оружия". Подобные послания были в изобилии получены наместником и от других народностей Кавказа.

В честь знаменательного события 15 июля 1860 года была учреждена особая медаль из серебра. На ее лицевой стороне помещен вензель императора Александра II. На оборотной — круговая надпись: "За покорение Чечни и Дагестана".

Здесь же указаны годы основных действий против банд Шамиля: "В 1857, 1858 и 1859".

Медаль была отчеканена в большом количестве. Награждались ею все участники военных действий — от рядового до генерала — в том числе все чины кавказской милиции, местные добровольцы. Эту награду с гордостью носили медики, священ-

ники, чиновники местных администраций и другие гражданские чины, находившиеся во время экспедиций при войсках.

Медаль носилась на комбинированной Георгиевско-Александровской ленте — цвета двух наиболее почитаемых некогда в России наград — орденов Святого Георгия и Святого Александра Невского.

"ЧТОБЫ НЕ БЫЛО БОЛЬШЕ ТРЕВОГ НА ФОРПОСТАХ..."

Еще в 1840 году воинственным черкесским племенам, проживавшим в ущельях рек Мзымты и Сочи, при поддержке Турции и Англии удалось отвоевать большую часть укреплений Черноморской береговой линии. Во время Крымской войны проживавших здесь горцев пытались склонить к выступлению против России на стороне Турции.

В сентябре 1862 года в Тифлис прибыл император Александр II. Он пожелал внести свой личный вклад в окончательное установление мира на всем Кавказе. Император принял около шестидесяти делегаций от различных племен и малых народов, которые явились с просьбой принять их под покровительство России.

Прибыли к царю на аудиенцию и представители так называемого "сочинского меджлиса". "Чтобы не было больше тревог на форпостах Черноморской береговой линии", император предложил черкесам прекратить вооруженные набеги, переселиться в долины и заняться мирным трудом. Но горцы отказались от этого предложения. И вновь началась упорная борьба...

В 1863 году новый наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич повел большие военные силы на усмирение западной части Кавказского хребта и приле-

гающих к нему районов. Дело продвигалось довольно быстро. Способствовало этому и то обстоятельство, что большинству местного населения до чертиков надоели амбиции местных князьков. Хотелось мирной жизни и спокойствия за свои семьи.

К маю 1864 года тяжелейшие боевые походы русских войск по ущельям Западного Кавказа завершились полной победой. Наконец мир и спокойствие воцарились в этом обширном регионе. Завершение долгих Кавказских войн было отмечено учреждением еще одной "кавказской" награды. 12 июня 1864 года император Александр II повелел отчеканить серебряную медаль для награждения всех без исключения чинов армии, войск местной кавказской милиции, волонтеров, священников, медперсонала и гражданских чиновников, находившихся при войсках в период военных действий.

На лицевой стороне медали помещено погрудное обращенное влево изображение Александра II. На оборотной — надпись по кругу: "За покорение Западного Кавказа". В середине надписи указаны годы ведения основных боевых действий до полного окончания Кавказских войн: "1859 — 1864".

“ЗА СЛУЖБУ НА КАВКАЗЕ”

Одновременно с медалью за покорение Западного Кавказа была учреждена еще одна оригинальная воинская награда — крест “За службу на Кавказе”.

Знак представляет собой четырехконечный крест с уширенными концами. В его центре находится круглый щит с изображением российского государственного герба — двуглавого орла. Щит пересекается двумя скрещенными мечами, рукоятки которых направлены вниз. На левом и правом концах креста помещена надпись: “За службу на Кавказе”. На верхнем конце находится вензель императора Александра II, на нижнем — дата: “1864”.

Чеканился крест трех видов одинакового размера — золотой, серебряный и из светлой бронзы, его концы покрывались черной эмалью. Вручали награду всем участникам военных действий в зависимости от чина и заслуг: нижним чинам полагался бронзовый крест, младшим офицерам — серебряный, старшим офицерам и генералам — золотой. И хотя носился крест на левой стороне груди ниже всех орденов, он чрезвычайно высоко ценился среди русских офицеров, ибо свидетельствовал о храбрости, мужестве, боевом опыте награжденного, коими неизменно отличались офицеры-кавказцы. Появление в великосветских салонах Санкт-Петербурга или Москвы офицера с такой наградой сопровождалось, по свидетельствам современников, легким оживлением заинтересованной публики. Мужчины почтительно приветствовали героев Кавказа наклоном головы, а дамы — приседанием в реверанс.

***

В эпоху последней, нынешней перестройки появился и стал довольно расхожим непонятно-обтекаемый термин “горячие точки”, как именуют, без различия, и локальные, кратковременные стычки на

межнациональной, территориальной основе, так и масштабные, затянувшиеся на годы вооруженные конфликты с кровавыми боестолкновениями, многочисленными жертвами.

Военнослужащие внутренних войск МВД России (а еще недавно — Союза ССР) прилагали и прилагают героические усилия по умиротворению враждующих сторон в горячих точках, предотвращению гражданской войны в Отечестве.

Мужество и стойкость отличившихся отмечаются орденами и медалями. Те, которые получены за миротворчество в Фергане, Южной Осетии, Абхазии, Карабахе — Красного Знамени, Красной Звезды, “За службу Родине в Вооруженных Силах СССР” — уже упразднены. К новым наградам — ордену Мужества, “За военные заслуги” — только привываем, как и к новым государственным символам. И чаще всего на вопрос: “За что наградили?” — слышим в ответ: “За Осетию”, “За Чечню”...

Дело военных — добросовестно выполнять приказ государства. Долг же государства — воздать людям в погоне по заслугам. Скромная медаль за службу на Кавказе, за труды и храбрость в военных походах, именуемых по-современному спецкомандировками, была бы высоко ценима в войсках.

Каждому да воздастся. Орден — за личные заслуги, медаль специальная — за вклад в общее дело. И вне зависимости от историко-политических извывов награду будут с достоинством носить и стоящие в действующем строю, и отставники. Как носят каждый свой знак ветераны Великой Отечественной, ветераны афганской...

Командиры и начальники справедливо считают, что отмечен должен быть каждый побывавший на передовой. Пишут представления, судят-рядят: мужествен был человек на войне или отважен, за заслуги перед Отечеством достоин быть награжденным или за военные заслуги перед тем же Отечеством. Награждая “за Чечню”, вспоминают боевые дела в прошлых походах, желая воздать “по совокупности”. Кто-то, случается, обижен, обойден наградой, хотя не хуже других нес свой крест, не меньше рисковал жизнью...

Для военных историков же памятный знак, медаль за конкретную кампанию — отправная точка или очередная веха на пути интересных изысканий в родной истории. Ведь памятью живы.

Подполковник Н.СЫСОЕВ,
заместитель начальника
Центрального музея внутренних
войск МВД России.

Высший военный орден

Что высвечивает рубиновая звезда с бриллиантами

Летом 1943 года, когда перелом в ходе Великой Отечественной войны был уже явным, но до Победы было еще далеко, у руководства страны возникла идея учреждения орденов, специально предназначенных для награждения как высшего командного состава, так и рядовых войны — солдат и сержантов.

Названия для орденов нашлись не сразу. Высший военный орден разрабатывался под девизом "За верность Родине". Будущий орден Славы в проектах виделся орденом Багратиона. Выразительные и емкие имена новые награды получили в канун утверждения их статута.

Проектные рисунки полководческого ордена готовили несколько художников, давно сотрудничавших с Главным интендантским управлением армии, которое отвечало за разработку образцов формы одежды, знаков различия и наград. В основе ордена художники видели пятиконечную звезду (правда, у Н. Неелова она трансформировалась в десятиконечную), а вот на центральном медальоне изображения варьировались: Государственный герб СССР, профили Ленина и Сталина, серп и молот, развернутое знамя, Спасская башня Кремля...

И. Сталин при знакомстве с эскизами 25 октября 1943 года отдал предпочтение варианту художника А. Кузнецова. По рисунку этого мастера уже изготавливали орден Отечественной войны, весьма ценный среди фронтовиков.

На сей раз Кузнецов изобразил награду в виде рубиновой звезды, щедро украшенной бриллиантами, что предусматривалось идеей этого особого ордена. В центральном круге, крытом белой эмалью, художник поместил Государственный герб СССР.

Под ним были слова: "Орден Победы". Сталин предложил заменить герб силуэ-

том Кремлевской стены со Спасской башней и мавзолеем Ленина и оставить одно слово: "Победа".

Новый рисунок Верховному показали 29 октября. Сталин потребовал укрупнить размер стены и башни, заменить белый фон на голубой и, кроме того, уменьшить штралы. Штралами специалисты называют расходящиеся лучи между концами звезды.

5 ноября Сталин окончательно одобрил рисунок ордена "Победа". Рисунок ордена Славы, работа над которым шла параллельно, и цвета его ленты — и то и другое предложил художник Н. Москалев — были утверждены еще в октябре.

8 ноября 1943 года статуты новых наград, описания орденских знаков были объявлены Президиумом Верховного Совета СССР.

В статуте ордена "Победа" говорилось, что этим высшим военным орденом награждаются лица высшего командного состава Красной Армии за успешное проведение таких операций в составе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Красной Армии. За текстом угадывается сталинская рука.

Было ясно, что круг военачальников, достойных награждения новым орденом, узок. Это Верховный Главнокомандующий, начальник Генерального штаба, главкомы направлений (но это звено военного управления было уже упразднено), представители Ставки Верховного Главнокомандования, координировавшие действия фронтов и, наконец, командующие фронтами.

Орден "Победа", как уже говорилось, представлял собой пятиконечную рубиновую звезду, окаймленную бриллиантами. Бриллиантами были усеяны и расходящиеся лучи между концами звезды, лав-

рово-дубовый венчик под центральным медальоном. Общий вес драгоценных камней равнялся 16 каратам. Основа знака изготавливалась из платины.

Драгоценные камни на знаках и звездах орденов использовались и в старой России (ордена Святого апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и др.). Некоторый опыт уже имелся и в Советском Союзе. Хотя "Маршальская звезда", учрежденная в 1940 году, — это не награда, а особый знак отличия, но она была украшена бриллиантами.

Словом, и орден "Победа", и орден Славы с его тремя последовательными степенями, лентой, повторяющей Георгиевскую, как бы развивали и умножали традиции прежней наградной системы России. Ту же линию обозначал пункт статута ордена "Победа" об учреждении мемориальной доски для внесения на нее имен кавалеров этой награды, которую полагалось установить в Большом Кремлевском дворце.

Это решение, кстати, так и не реализовано. Мешали и мешают, это очевидно, политические причины — на разных этапах свои.

Такова уж особенность нашей страны.

Изготовление знаков ордена "Победа" поручили Московской ювелирно-часовой мастерской. Необычный оборонный заказ требовал ручной работы. Мастер П. Казенов вырезал заготовки, высверливал микродельные гнезда под бриллианты и рубины. Огранкой камней занимался Н. Турчанинов — начальник гранильного цеха.

Орденские знаки предписывалось изготавливать из отечественных материалов. Проблем с алмазами не было. А вот рубины... Найти в столице камни нужного размера не удалось. У природных рубинов, кроме того, различные цветовые оттенки, орден же требовал одинаковых. Выручить могли лишь синтетические рубины.

Предъявляя Сталину образец орденового знака (а он ему понравился), о природе ярко-красных рубинов умолчали, а Верховный этим не поинтересовался.

Первое награждение орденом "Победа" состоялось 10 апреля 1944 года. Отдельными указами высшим военным орденом были награждены Маршалы Советского Союза Г.К.Жуков и А.М.Василевский: за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск.

Какие операции имелись в виду? Г.Жуков, командовавший в тот период войсками 1-го Украинского фронта, рас-

сказывает об этом в мемуарах. А Василевский тоже вспоминает, что Верховный Главнокомандующий поздравил его с наградой еще до опубликования указа и пояснил, что она за умелую координацию действий 3-го и 4-го Украинских фронтов при освобождении Южной Украины. Надо сказать, что последующие награждения орденом "Победа" производились в такие моменты, что всем фронтовикам было понятно за что.

Ордена Г.Жукову (с номером 1) и А.Василевскому (с номером 2) 31 мая 1944 года вручил в Кремле Н.Шверник.

29 июля 1944 года орденом "Победа" был награжден Маршал Советского Союза И.В.Сталин. Орден из рук М.Калинина он принял 5 ноября 1944 года.

Уже после первых награждений обнаружилось, что для высшего военного ордена не установлена лента и, следовательно, его нельзя обозначить орденой планкой. Между тем, орденой ленты и планки к тому времени были уже привычными: они у нас введены в июне 1943 года. Ошибка была устранена указом от 18 августа 1944 года. На повседневной одежде орден "Победа" можно было заменить орденой планкой с лентой довольно сложной расцветкой. Эта планка по ширине — 46 мм — почти вдвое превосходила планки других орденов и носилась отдельно, на 1 см выше всех остальных планок. Сам же орден статут обязывал носить на 12—14 см выше пояса.

30 марта 1945 года орденом "Победа" были награждены Маршалы Советского Союза И.С.Конев, Г.К.Жуков, К.К.Рокоссовский. Почему фамилия Жукова в указе давалась не по алфавиту, как обычно, сказать трудно. Для него орден был вторым.

19 апреля 1945 года вторым орденом "Победа" был награжден и А.М.Василевский. 26 апреля — отдельными указами — полководческим орденом награждены Маршалы Советского Союза Р.Я.Малиновский и Ф.И.Толбухин.

А.Василевский, для которого началась тайная подготовка к предстоящим боевым действиям против Японии на Дальнем Востоке, получил награду от М.Калинина 30 апреля 1945 года и на Первомайском празднике его видели уже с двумя высшими военными орденами.

Маршалы Г.Жуков, И.Конев, К.Рокоссовский, Р.Малиновский и Ф.Толбухин получили свои ордена после Победы, 24 мая 1945 года. В тот день, как известно, в Кремле состоялся прием в честь командующих войсками Красной Армии. Небезынтересно, что к моменту награждения все маршалы, кроме Р.Малиновского, уже носили планку ордена "Победа", а Г.Жуков,

естественно, две. И еще деталь: ранее, 10 мая, сразу после Победы в газетах были опубликованы портреты самых видных военачальников. Так вот, редакционные художники дорисовали орден "Победа" всем, кто к тому времени им был награжден, хотя и не успел получить.

31 мая 1945 года за умелое руководство боевыми операциями большого масштаба против немецких войск под Ленинградом и в Прибалтике орденом "Победа" был награжден Маршал Советского Союза Л.А.Говоров.

4 июня 1945 года полководческого ордена удостоились начальник Генерального штаба генерал армии А.И.Антонов и Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко, проявивший мастерство — об этом сказано в указе — при координации действий 2-го и 3-го Украинских фронтов.

А.Антонову орден вручен 18 июня, а Л.Говорову и С.Тимошенко — 20 июня. И в этих случаях награды вручал первый заместитель Председателя Верховного Совета СССР Н.Шверник.

5 июня 1945 года высшей советской военной награды удостоились первые иностранцы — генерал армии Дуайт Д. Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе, и фельдмаршал сэр Бернард Лоу Монтгомери, командующий группой союзных армий. Ордена американцу и англичанину вручил Г.Жуков. Было это 10 июня 1945 года во Франкфурте-на-Майне, в штабе генерала Эйзенхауэра.

Награжденные подчеркнули, что им особенно приятно получить орден из рук самого Жукова.

Генерал Эйзенхауэр, будущий президент США, польщенный наградой, значимость которой осознавал, с чисто американской непосредственностью долго выяснял и ее материальную стоимость. Орден "Победа", вспоминал его адъютант, был оценен в 100 тысяч американских долларов. Эйзенхауэр тщательно пересчитал все бриллианты, учел их размеры и решил, что орден стоит 18 тысяч. Но как быть с рубинами? Обратились к экспертам. Они не смогли назвать точную цифру, ибо так и не решили, подлинные или синтетические рубины укреплены на ордене. Вынести окончательное решение не удалось — никто в США никогда не видел подлинных рубинов таких размеров.

После смерти Эйзенхауэра его орден "Победа", насколько известно, экспонируется в музее его имени, что в тexasском городе Абилин.

26 июня 1945 года, после исторического Парада Победы, вторым орденом "Победа" был награжден маршал И.В.Сталин,

ставший спустя сутки генералиссимусом. Есть авторитетные свидетельства, что Сталин был против этого награждения. Он, как отмечено в картотеке наградного отдела администрации Президента России, согласился принять второй орден "Победа" (с номером 10) лишь 28 апреля 1950 года. Н.Шверник в тот день вручил Сталину еще и Золотую Звезду Героя, два ордена Ленина, которым тоже довелось дожидаться своего часа.

6 июля 1945 года высшим военным орденом СССР был награжден король Румынии Михай I. "За мужественный акт, — говорилось в указе, — решительного поворота политики Румынии в сторону разрыва с гитлеровской Германией и союза с Объединенными Нациями в момент, когда еще не определилось ясно поражение Германии". И в этой формулировке угадывается сталинский стиль.

Орден юному королю Румынии вручил в Бухаресте в Большом тронном зале королевского дворца маршал Ф.Толбухин. Случилось это 10 июля 1945 года.

Михай I — единственный здравствующий кавалер по-своему уникального ордена.

9 августа 1945 года за выдающиеся заслуги в деле организации вооруженных сил Польши и за успешное проведение боевых операций Войска Польского в решающих битвах против общего врага — гитлеровской Германии — орденом "Победа" был награжден маршал Польши Михал Жимерский (Роля). Посол СССР в Польше В.Лебедев по поручению советского руководства вручил ему награду 14 ноября 1945 года.

8 сентября 1945 года орденом "Победа" был награжден Маршал Советского Союза К.А.Мерецков. Так оценено его полководческое искусство, проявленное, как говорилось в указе, при руководстве боевыми операциями войск 1-го Дальневосточного фронта в войне с Японией. Оставленный командовать войсками Приморского военного округа, К.Мерецков смог получить награду лишь 24 июля 1946 года. Она ему была вручена в Кремле Н.Шверником.

9 сентября 1945 года состоялось 19-е по счету и последнее для того трагического и героического времени награждение орденом "Победа". За выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, способствовавших достижению победы Объединенных Наций над гитлеровской Германией, высокой советской наградой был отмечен Иосип Броз Тито. Орден маршалу Югославии вручил в Белграде 29 сентября 1945 года посол СССР И.Садчиков.

Наверно, не для всех читателей перечисление дат, напоминовение об особенностях канувших в Лету указов представляет живой интерес. Но ведь в истории высшей военной награды, которая служит особым символом в дни празднования 50-летия нашей Великой Победы, многие детали до сих пор не прописаны, малоизвестны. Даже в энциклопедических изданиях то ли нет полного перечисления кавалеров полководческого ордена — а их-то всего 16, то ли фамилии приводятся с отступлениями от порядка награждения, хотя декларируется именно этот принцип.

Недомолвок, неточностей хватает и в исторических работах самого последнего времени.

Разговор получился бы незавершенным без упоминания о последнем, для многих еще памятном награждении орденом "Победа". 20 февраля 1978 года высшим военным орденом наградили Л. И. Брежнев. В тот же день М. Суслов вручил орден

Председателю Верховного Совета СССР и Генсеку.

20-й знак ордена "Победа", заранее предназначенный для Брежнева, изготавливали в соответствии со статутом. Только штафт с гайкой на оборотной стороне заметили креплением булавочного типа. Полагают, что об этом мог просить Суслов — для удобства крепления в момент наградной церемонии.

В связи с этим неожиданным награждением, как стало известно позднее, в Президиум Верховного Совета потоком пошли письма возмущенных фронтовиков, знавших особую цену ордену, отстаивавших, по существу, честь командующих своими фронтами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября 1989 года, подписанным М. Горбачевым, прежний указ о награждении Л. Брежнева был отменен как не соответствующий статуту ордена "Победа". Еще раньше — в ноябре 1983 года — Виктория Петровна, супруга Брежнева, передала орден "Победа" вместе со 114 другими наградами мужа государству. Они были приняты на хранение в Орденскую кладовую Президиума Верховного Совета СССР.

Можно проследить судьбу каждого из знаков ордена "Победа".

Пять орденов, которыми отмечен полководческий талант Георгия Жукова, Александра Василевского и Родиона Малиновского, хранятся в Центральном музее Вооруженных Сил России.

Нет больше той наградной системы, в которой особо почетное место отводилось высшему военному ордену, учрежденному в разгар самой кровопролитной войны. Нет и государства, от имени которого производились награждения. Но вечно наше Отечество с его непростой и неповторимой историей. Рубиновая звезда с бриллиантами по-своему освещает ее волнующие страницы.

Полковник В. ИВАНОВ.

На снимке: в зале Славы мемориального комплекса на Поклонной горе. Потолок этого величественного сооружения венчает орден "Победа".

Фото С. ПЯТАКОВА.

СОЛДАТСКИЙ РАЗГОВОР

Владимир ПУГАЧЕВ,
участник

Великой Отечественной войны

Любмила РОМАНЕНКОВА

Цветут каштаны

Ветеранам
389-й стрелковой дивизии

Как в ту весну,
опять цветут каштаны,
Слепит глаза
от снежной белизны...
На общий сбор
друзья-однополчане
Вновь собрались
со всех концов страны.
Они друг с другом схожи,
словно братья,
Которых свел
счастливый случай в круг.
Горячих чувств
исполнены объятая,
И взоров блеск,
и сердца каждый стук.
Смотрю, дивлюсь:
состарились иные,
Намека нет
на стройность у других.
Одни глаза,
как прежде, молодые
У ветеранов —
сверстников моих.
Их разговор
не обеднел задором.
Я каждый жест
знакомый узнаю.
И за душевным нашим разговором
Все зримей вижу
молодость свою —
Такой,
какая в звании солдата
Всю — от и до — извела войну...
Вовсю цветут каштаны,
как когда-то,
Приветствуя
победную весну.

г. Красноярск

Послевоенное

Мне снились далекие дали —
Травой заросшие рвы,
Ромашки — живые медали —
На зелени майской травы.

Мне снились высокие звезды
И солнечный дождь по весне,
И шрамы на белых березах —
Как память о прошлой войне.

Мне снились счастливые лица,
Оркестров звучащая медь,
И первый салют над столицей,
Который не страшно смотреть...

г. Москва

Петр ДМИТРИЕВ

Бобылки

Гляжу на женщин старых и седых,
Одной бедой надломленных до срока.
Гадалки обманули вас жестоко —
Доверчивых когда-то, молодых.

Тот счастья луч обещанный угас,
Едва сбываться стали предсказанья.
За что наслал Всевышний наказанье
Такое непомерное на вас?

Взяла война мужей и сыновей.
Пусть славна их,
но и печальна доля:
Им выпало полечь
на бранном поле
За честь свою,
за жен и матерей.

И вот к концу теперь
и ваши дни.
В бобылки низведенные войною,
Вы были рядом,
но, как за стеною, —
На целый свет —
одни, одни, одни...

г. Дубна

107

Евгений ГУСЕВ

В гостях

В.Н.Зайцеву

У дядьки Вали — орден Славы,
Медаль Нахимова и крест
Какой-то западной державы.
— А это вот — за город Брест.

У дядьки Вали на ладони
Осколок
граммов в двадцать пять.
— Слыхал, поди, об обороне?
Слышать-то мало, надо знать!

Загинул весь наш год, пожалуй,
Кто от болезней, кто от ран... —
Старик рукой своей трехпалой
Поднял-наполненный стакан.

— Восьмого, видимо, поеду
К ребятам, что легли за Клин...
Пятидесятый День Победы
Встречает дядька Валентин.

г. Ярославль

Юрий ЗУБКОВ

Чужие сны

Поникли тополя
под ливнем навесным,
Запуталась в дождях
осенняя пора.
И по ночам ко мне
приходят чьи-то сны,
И чья-то боль меня
терзает до утра.

Я падал сотни раз
с винтовкою в руках,
Я ползал под огнем,
я застывал в строю.
А утром попадал
в целехонький рукав
Рукою, что во сне
я потерял в бою.

Я просыпался вдруг
(да это же во сне!),
И снова, как туман,
наваливалась дрема:
Лечу во весь опор
на резвом скакуне
Туда, где не был я,
Но где все так знакомо.

Ночь в прошлое уйдет,
и рано поутру,
Когда заря едва
проснется на востоке,
Рука сама собой
потянется к перу
И выплеснет на лист
израненные строки.

г. Зеленокумск

Виктор КОЧЕТКОВ,
участник

Великой Отечественной войны

х х х

Непривычные к громким реченьям
(как по Тютчеву жили: "таи"),
только
глаз осторожным свеченьем
выдавали мы чувства свои.

В наших письмах, потомок,
не ройся,
ты в них формул любви
не найдешь.

В недомолвках искала героизм
довоенной поры молодежь.

Не в прощальном чаду на вокзале,
у родных и друзей на виду,
в первый раз те слова мы сказали
в госпитальной палате в бреду.

Мое поколение

Чему мы служили?
На что мы сгодились?
Пусть время без гнева
ответит на это.
Под треск пулеметов
на свет народились,
под треск автоматов
уходим со света.

Меж двух мировых
мы с трудом разместили
и детство, и юность,
мечты и невзгоды.
Моим поколеньем
дорогу мостили
к Победе
четыре безжалостных года.

г. Москва

Поздравляем победителей!

С осени девяносто второго года на страницах нашего журнала шел творческий конкурс, посвященный пятидесятилетию Великой Победы. И вот подведены его итоги.

За повесть первая премия присуждена участнику Великой Отечественной войны **Ю.Семенову** ("Командировка в неизвестность", 1993, № 9—12). Отрадно, что среди лауреатов еще двое фронтовиков: **О.Горчаков** ("Вне закона", 1994, № 5, 7, 8) — вторая премия и **Б.Попов** ("Шпак с барабаном", 1994, № 10, 12) — третья. Еще одна третья премия вручена писателю **А.Сербе** ("Здравствуй, пластун!", 1995, № 3, 4).

Первой премией за рассказ отмечен прапорщик запаса **А.Пупков** ("Три этюда о любви", 1993, № 10; "Какими будем завтра?", 1994, № 5); второй — прапорщик в отставке **П.Дмитриев** ("Фузея", "Заячья гостинцы", 1993, № 11—12); третьими — старший лейтенант **Р.Виноградов** ("И грянул гром...", 1994, № 9) и ветеран Великой Отечественной **И.Семенчик** ("Цыганочка с выходом", 1994, № 1).

За стихотворение первой премии удостоен фронтовик Герой Советского Союза полковник в отставке **М.Борисов** ("Особая полоса", 1994, № 3; "Судьба моя — войны жнивье...", 1995, № 4). Второй в поэтическом споре старшина в отставке **А.Богданович** ("Через все времена", 1993, № 9; "Полынная даль", 1994, № 9), третьими стали участник Великой Отечественной **В.Кочетков** ("Не судите, потомки, нас строго...", 1994, № 5) и майор **В.Саломатин** ("Ваш сын и брат", 1994, № 4).

За очерк первая премия присуждена журналисту-краснозвездовцу **В.Житаренко** ("Витязи": политиком становишься под стволом автомата", 1993, № 4), чья жизнь недавно трагически оборвалась на чеченской войне. За цикл очерков, посвященных военной истории Кавказа и опубликованных в № 1, 4 за нынешний год, вторая премия присуждена **Н.Маркелову**. Третьи премии вручены **В.Юдину** ("Русский

народ полон героев", 1994, № 7) и участнику Великой Отечественной войны подполковнику в отставке **Ф.Шашенкову** ("Прислушайтесь, сыны...", 1993, № 1; "Такими были те года", 1994, № 6).

В жанре проблемной статьи первая премия присуждена ветерану Великой Отечественной генерал-майору в отставке **И.Беликову** ("Радость не в радость, или Грустные размышления о нашей истории", 1994, № 7; "О войне — правду, только правду", 1994, № 12). За серию бесед с видными учеными, писателями, общественными деятелями, опубликованных в 1993—1995 гг., второй премии удостоен **Д.Королев**. Третьими премиями отмечены статьи доктора филологических наук **Б.Леонова** ("Война без войны", 1993, № 5—6; "Вечный путь", 1994, № 1) и прапорщика **Евг. Буториной** ("Глубинка", 1993, № 7; "Краповый берет — посмертно", 1994, № 7).

За иллюстрации первая премия присуждена **Э.Копылову** за серию работ, опубликованных в 1993—1995 гг. Второй отмечен фоторепортаж **О.Смирнова** (1995, № 3), третьей — фоторепортаж старшего прапорщика **В.Утенкова** (1994, № 1).

Придя к решению не присуждать еще одну третью премию за фотоснимок, конкурсная комиссия учредила вместо нее три поощрительные премии. Ими отмечены: участник Великой Отечественной войны, подполковник в отставке **В.Пугачев** за цикл стихотворений "Здесь ни о чем расспрашивать не надо" (1993, № 8); подполковник **Н.Сысоев** за серию очерков под рубрикой "История, прочитанная заново" (1993, № 11—12; 1994, № 3, 11); подполковник **Б.Булгаков** за фоторепортаж "Боль солнечных дней" (1993, № 11—12).

Ряд активных участников конкурса поощрены подпиской на журнал "На боевом посту".

Поздравляя победителей, мы желаем им новых творческих успехов.

Юрий СЕМЕНОВ

БАНДОПОВЫ

Повесть*

... Зачастили ложные стуки в квартиру: откроешь двери — никого. Потом заполночь стали раздаваться телефонные звонки. Ковальчук сразу заметил: звонивший всякий раз давал лишь два-три гудка и бросал трубку. Пришлось сменить номер телефона с условием не регистрировать его в городской справочной. Но от этого стало ненамного легче: хулиганы сменили тактику: то свалят у порога кучу зловонных отходов, то разукрасят дверь ярко-красной свастикой...

А однажды утром, еще затемно, Николай Родионович проснулся от стука в дверь. Подошел к глазку, увидел своего соседа по лестничной площадке Рымыря, человека мягкого и уважительного. Вышел к нему.

— Что случилось?

— Николай Родионович? С тобой все нормально? А то я уж перепугался...

И он глазами показал на прислоненную к стене крышку гроба, поперек которой была выведена надпись: "Ковальчук Н.Р."

Из квартиры вышла жена Ковальчука, Октябрина Васильевна, всплеснула руками:

— Да что же это, Господи!

Они опять, в который уже раз, стали гадать, что за недруг объявился у них, но так ни к чему и не пришли. Врагов из числа старых знакомых вроде бы не имелось: круг житейских контактов был не так уж велик. Сказывалась, наверное, прошлая работа Ковальчуков, не располагающая к широким связям: его — в управлении госбезопасности, ее — в обкоме КПСС.

— Ты вот что, Коля, звони Ивану Ивано-

вичу, самим нам с этой задачей не разобратся.

Старый друг и собрат по оружию Ковальчука, Иван Лобода, хоть они давно и не общались, сразу признал его по голосу, пригласил в гости: прикатывай, мол, жизнь вспомним, заодно и твои проблемы решить попробуем. Уже в автобусе Ковальчуку окончательно испортили настроение два дюжих парня в кепочках с кокардами-трезубцами: хорошо запомнил чекист эти трезубцы по давним годам... С того и начал разговор с Лободой:

— Что за жизнь пошла, а? В войну и после нее людей эти "трезубники" стреляли, а сейчас козыряют эмблемами.

— Не кипятись, — Лобода, как всегда, был спокоен. — И мы тогда не грибы собирали, стреляли. Или забыл?

— Ты не сравнивай! Мы с кем сражались? С врагами!

— Предлагаешь и сейчас сражаться?

— Нет, но... — Ковальчук замолчал, подыскивая нужные слова. Однако они не приходили на ум.

— Вот в том-то и дело, что "но", Коля. Была война — по-военному сплеча и рубили. Сейчас надо действовать тем, что на плечах — головой. Хватит крови. А если мы будем их грехи вспоминать, они наши... Помнишь Таиську?

— Связную краевого эсбиста, которую с поличным на "грипсах"* взяли? Она же из моей квартиры сбежала, за что меня следователь потом таскал. А чего ты ее вспомнил?

— Да так, к слову. Она же нам столько своих братьев-оуновцев поывадала! Сей-

* Журнальный вариант.

* Документы секретной переписки оуновцев.

час живет, и неплохо, уже два внука есть. Как знать, не они ли тебе в автобусе встретились. Я это к тому, что много в каждом из нас зла осталось, и если не укротить его, пойдет опять противостояние и через нации, и через семьи... Ладно, Коля, забудем политику. Вижу, ты с конкретным делом ко мне пожаловал. Выкладывай.

Ковальчук рассказал ему о событиях последних дней: звонках, разукрашенной двери, крышке гроба. Лобода ни разу не перебил, молчал и после того, как Николай Родионович закончил говорить, и лишь выдержав паузу, задумчиво, будто сам себе, пробурчал:

— Надо узнать, не пакостят ли другим нашим. Если да, то причину выявим быстрее. А нет — все равно выявим, другими путями. — И ободряюще улыбнулся Ковальчуку. — Мы и не такие загадки раскрывали, так ведь, Коля?

***

... Всю обратную дорогу домой Ковальчук вспоминал давнее. Под видом пожарных курсов в Луцке негласно проходили обучение тонкостям борьбы с бандоунским подпольем в западных областях Украины специально отобранные для этого два десятка оперативных работников. Он приехал из Харькова, Лобода же оказался местным, как и еще трое его земляков, которых не коснулась одна из первых рекомендаций генерала Дроздова: "Побольше общайтесь с местным населением, читайте тутошные газеты, книги, в совершенстве овладевайте лексиконом, даже интонацией говора тех, среди кого вам жить и работать. Иначе трудно станет проникать во враждебную среду".

Генерал Дроздов, начальник оперативной группы по борьбе с ОУН на западно-украинских землях, одновременно руководил подготовкой "пожарных", читал им лекции, сочинял житейские легенды, находя время потолковать с каждым.

Ковальчук прошел курсы на пятерки. Дроздов взял его к себе в порученцы. Николай Родионович неотлучно сопровождал генерала и в городе, и в лесу, на боевых операциях. Тот оказался смелым, пулю не боялся. Однако молодому оперативному работнику не по душе пришлось адъютантское прислужничество, обязанность таскать с собой для начальника еду с коньяком. Он постоянно отпрашивался у начальника на горячие дела. Так и оказался участником той лесной операции, когда их ложная оуновская боевка, в которой кроме Лободы находились еще трое настоящих в недавнем прошлом бандеровцев, в разное время схваченных чекистами, сошлась с ничего не подозревающей оуновской бандой и уничтожила ее. Затем победители поспешили отойти к группе прикрытия, заночевали в подлеске.

Однако Николай не мог преспокойно дрыхнуть возле хутора, в котором жила милая сердцу дивчина — познакомился с ней еще во время учебы на "пожарного". Он прежде всего снял с головы бандеровскую шапочку с эмблемой-трезубцем, завернул ее во френч польского покроя с накладными карманами и перетянул бечевкой, сунул пистолет под брючный ремень, прикрыв его заправленной в брюки расшитой рубашкой без ворота.

Николай вошел в знакомую хату, бросил сверток на сундучок. Уважительная к гостю мать поспешно отправилась за дочерью, которая гостила у подруги. Когда вернулась, застала гостя спящим. "Уморился, бедный..." — посочувствовала она и накрыла похрапывающего на лавке парня шалью.

Так бы, наверное, его и не потревожили до пробуждения, если бы глазастая хозяйка не заметила сверток на сундучке. Она осторожно развернула свернутый френч, к своему ужасу обнаружила внутри шапочку с медным трезубцем — бандита пригрела! — и бросилась из дому к коман-

Юрий Иванович Семенов — член Союза писателей России, наш давний автор. Его повесть "Командировка в неизвестность" (1993, № 9–12) удостоена высшей оценки в литературном конкурсе, объявленном журналом в честь 50-летия Великой Победы. В новом произведении, журнальный вариант которого мы предлагаем вам сегодня, вы встретитесь с теми же героями,

диру "ястребков" (члены сельских групп самообороны)...

Ковальчука скрутили сонного, стукнув предварительно по затылку.

Рыжий долговязый парень напялил на него помятый френч с накладными карманами:

— Отгулял ты свое, бандит. Доставим сейчас, куда надо.

И доставили в райотдел МГБ. Там легко разобрались в происшествии, отпустили заблудшего чекиста к своим.

В тот же день генерал Дроздов объявил лейтенанту Ковальчуку выговор за самовольный отрыв от оперативной группы, остальные из ложной боевки отхватили по первой благодарности за пострелянных бандеровцев, привезенных на грузовике во двор управления госбезопасности.

Лобода тогда еще смеялся:

— Коля, правильно говорят, что чекиста часто губят женщины. Вот и тебя... Теперь небось на юбки вообще смотреть не будешь?

Как бы в подтверждение этих слов, чуть погодя на Ковальчука вновь обрушились несчастья из-за женщины. Из-за Таиськи.

Сколько же годков было ей тогда?

Двадцать с небольшим. Вспомнилась она Ковальчуку все той же худенькой, хворой, большеглазой, смаживающей на малолетку девчонкой. Явилась на брошенный постой головы службы безопасности центрального провода ОУН Комара. В кошелке оказались мотки пряжи, а в одном из них — "грипсы" с зашифрованными донесениями.

Поимка связной краевого эсбиста, вхожей за порог оуновского руководителя службы безопасности, была бесценной удачей, и Ковальчук захотел с бережной осторожностью использовать подвалившее ему приобретение, не стал сажать ее за решетку. Однако Таиська исчезла из квартиры Ковальчука, едва от дома убрали наружную охрану. Пришлось разыскивать ее во второй раз, и уже потом при ее помощи был схвачен главный оуновский эсбист на Украине Комар, обезврежен голова центрального провода ОУН Шухевич.

"Повидать бы ее сейчас. Ее-то хоть, интересно, ночами звонки не тревожат?"

***

Полковник госбезопасности Лобода набирал номер телефона уравновешенного "церковника" Щербы, в оперативном обслуживании которого находились священники. Да и сам он с тихим говорком несколько походил на них.

— Бог терпел и людям велел, ну а лично нам, превеликим грешникам, тем паче страдания дано нести в земном и небесном во спасение души, — молитвенно, враспяжку произнес Денис Макарович в ответ на информацию Лободы о преследовании их бывшего коллеги. Так разговаривать — его обычная манера.

— Помочь надо бы... Может, встретимся, посоветуемся? — продолжил Лобода.

Ответ его ошарашил:

— Жизни, Иван Иванович, свойственно постоянно отторгать старое и взращивать новое. Это борьба, в которой мы выигрываем не каждую битву, но в которой даруется прощение за поражение.

— Шутки, Макарыч, в сторону. Не до них. Нашего соратника, говорю, обижают, житья не дают...

Щерба не дослушал, невозмутимо и внушительно пояснил:

— Мы не должны, Ванюша, продолжать старый образ жизни. Необходимо выскивать новые духовные силы, чтобы не позволить нашей падшей природе править нами.

— Нашей... падшей природе?! Да ты, Денис, чего это? Ты всерьез балакаешь со мной или дурачишься?

— Шутковать ныне, друже, и малой причины нет. Тем более когда угнетение терпит наш человек. Все мы страдаем. Потому, скажу тебе, каждый из нас должен самостоятельно пережить свою судьбу. Я тут не советчик.

Лобода первым положил телефонную трубку. Лицо его при этом было таким, что жена тронула его за плечо:

— Ты чего это, Вань? Тебе нехорошо?

Тот поглядил бритую голову:

— Наверещал черт-те что, все мысли наперекосяк сшиб. Денис Щерба никак в иную веру обратился.

— Он разве состоял в какой? — машинально спросила жена.

— Числился... — сердито бросил Иван Иванович. — В безбожной чекистской. Теперь по-новому запел. Смысл, понимаешь ли, в его суждений улавливаю. Как же так в самом-то деле, локоть к локтю жизнь прошли, потому и целы. Теперь он толкует — каждый должен в одиночку выкарабкиваться под ударами судьбы. Я, говорит, вам не советчик.

— Ну и Бог с ним. Нынче, как ни прикидывай, видать, поудобней, когда всяк за себя. Чем вы поможете Ковальчуку? Да ничем. Если даже изловите злопыхателя. Разве что и наши двери краской начнут.

— Это мы поглядим...

* * *

Ночью Ковальчук вспомнил эпизод, случившийся на хуторе под Гороховом. Переодетые под бандеровскую боевку пятеро чекистов небывало удачно накрыли надрайонного проводника ОУН Стрижа и уже вывели его из хаты, чтобы сопроводить до машины, оставленной в километре на шоссе, как вдруг заметили выплывших из-за соседней хаты двоих вооруженных хлопцев. У одного на груди темнел немецкий "шмайссер", у другого в руках обрез. Скорее всего это были боевики Стрижа, почуявшие неладное.

— Друзе, чтой-то вы делаете? — спросил тот, что со "шмайссером".

— Слава Украине! — выкрикнул, как командовал, Ковальчук, вскинув руку.

Те остановились, но не ответили на принятое бандеровское приветствие "Героям слава!". снова пошли на сближение, видя дергающегося на земле своего зверника с кляпом во рту. Им дали подойти ближе, затем сразили автоматной очередью. И почти тут же увидели со стороны ближнего подлеска четверых энергично продвигавшихся к хутору боевиков.

— Ложись! — коротко бросил помощникам Ковальчук, сделал несколько шагов навстречу подвижной четверке.

Те замедлили ход, потом и вовсе остановились. Трое тут же, видать, по команде, залегли, а четвертый, держа оружие на изготовку, крикнул:

— Шагай сюда! — и сам подался навстречу ряженому в крестьянскую одежду чекисту.

Так они и сошлись на расстояние упершихся друг другу в живот автоматов, цепко всматриваясь в лицо.

— Кто вы такие? Чьего тэрена*? — первым спросил Ковальчук, стрельнув глазами на лежащих в траве боевиков с разномастным оружием.

— Что тебе с того, схоронка наша в Лисятичах или в Гусятичах? Кого вы постреляли? За что?

Ковальчук чуть было не ответил в бандеровском духе: "Предатели осуждены на кару смерти..." Но с языка сорвалось волевое, требовательное:

— Кто ты такой, чтобы пытать краевого эсбиста?! Отвечай! К Стрижу направлялись?

— Передых намечали на хуторе. И топтать дальше... — явно ошарашенный столкновением с головой краевой службы безопасности, податливо ответил тот, а

Ковальчуку очень кстати пришел на ум цифровой пароль к Стрижу — "тридцать", который он узнал от настоящего краевого эсбиста, арестованного по наводке Таисьи.

— Хуторской пароль давай. Двенадцать! — тоном завершения разговора потребовал чекист, готовый нажать на спусковой крючок автомата и разом перевести огонь на остальных боевиков, нутром чувствуя: не успеть ему достать всех троих сразу.

— Восемнадцать! — ответил бандеровец, вычтя двенадцать из парольных тридцати, и с польщенным видом ухватил протянутую ему руку.

На мгновение Ковальчук ощутил желание рвануть своего противника за руку, как это он уже проделывал не однажды, заставляя ничего не успевшего сообразить недруга шмякнуться о землю. Но делать этого было нельзя — не та расстановка сил. Следовало помедлить, отвлечь готовых к бою националистов, а потом разом без лишних хлопот уничтожить.

— За что постреляли, спрашиваешь? — увлекая поднявшихся с земли боевиков к хате, повел неторопливый разговор Ковальчук. — Стриж за предательство приговорен на кару смерти. Ну а его почетики (охранники) на защиту встряли, значит, заодно...

Поднялись с земли ряженные "боевики" Ковальчука, поослабили руки на оружии, поглядывая в сторону связанного, дергавшегося у крыльца Стрижа.

— Мы в этой хате еще проторчим, а вы давайте на передых устраивайтесь в соседнюю, — предложил Николай и сделал вид, что занялся арестованным.

— Та нет, мешать вам не станем, мы потопаем... За леском недалеко знакомый хуторок, — ответил старший боевик.

Им дали отойти самую малость. Удалялись они кучно, не оглядываясь и прибавляя шаг. Автоматные очереди разом повалили всех четверых...

Воспоминание плавно сменилось сном. Ему приснилось, будто пришлось добывать расстрелянных в спину, а те никак не умирали, ползли навстречу чекистам.

Октябрина Васильевна растолкала сонно стонущего мужа.

— Коля! Ты что? Сердце?

Николай Родионович приподнялся на локте, включил лампу на тумбочке, будто захотел наяву убедиться в том, что он дома и ни к чьей смерти больше не причастен.

— Да, Рина... Кольнуло... Ты спи...

Теперь почему-то вспомнился Стриж,

* Территория действия боевков районного проводника.

бывший руководитель бандеровских боев трех районов на Львовщине, завербованный после захвата на хуторе чекистами, впоследствии поывадавший и убивший своих братьев-оуновцев, по его признанию, на полторы сотни больше, чем сотрудников госбезопасности и их подручных. Возник он в памяти вовсе не кучерявым парнишкой, носившим псевдоним ловкой птицы, а совершенно другим: пожилым и белоголовым, на удивление сохранившим стройность и непроницаемость лица. Много лет он преподавал в политехническом институте, заведовал кафедрой, обретая новый, теперь уже агентурный псевдоним Доцент. Бывало, сталкиваясь с ним на улице, Ковальчук ловил себя на мысли о том, какую непостижимую тайну может хранить в себе человек, вполне благообразный и интеллигентный, как этот Доцент, а по сути, убийца. Стоп: как это — убийца? Ведь он же нашим помогал... Господи, как все спуталось ныне...

***

Кому же теперь позвонить, думал Лобода, ожегшись на разговоре со Щербой. Емелину?

В отношении саратовца, бывшего сабуровского партизана Емелина сомнений не возникло. Этот надежно бросится на защиту своего брата-чекиста, едва уловив, что от него требуется. Другое дело говорунистый Кнап, бывший авиационный техник, по сию пору готовый в любой разговор вклинить байку об авиации, из которой непременно выходило, будто его сослуживцами в годы войны были и Иван Кожедуб, и Георгий Береговой, и еще с десяток известных всей стране героев-летчиков, которые обращались к нему неизменно "дружище Зиновий". Кнап любил быть на виду, удовлетворялся честолюбивой малостью, вроде назначения старшим оперативной группы. Он слыл сообразительным и удачливым чекистом, обойдя по должности своих товарищей, кроме Ковальчука. Послушаешь Кнапа — можно подумать, что он знал всех бандеровских главарей в лицо и с каждым вел агентурную работу.

На Кнапа Лобода мог рассчитывать с оговоркой: охотно возьмется помочь, что-то даже сделает, но — остынет, не доведет начатое до конца.

И все же решил начать с него, заготовил даже первую фразу: "Как там, Зиновий Артемович, в авиационных частях, порядок?" Однако нужный разговор возник без разминки.

— А я тебе сам собрался звонить, Иван

Иваныч. Кого это из наших братьев бодают? — не дослушал Лобода Кнап. — Мне Щерба сказал, что ты ему не открылся, о ком речь-то?

"Денис, чертяка, опередил", — поразился Лобода. А вслух спросил:

— Как это Денис Макарыч спроворил тебя известить? Он мне такую божественную литургию по телефону отпел, будто с амвона выдал.

— С кем поведешься, как говорится. По-якшайся-ка пару десятков лет с церковниками... Такое бесследно не проходит. Так кого там из наших обидели? Не Бурду ли?

— Ковальчука замотали.

— Думаешь, присутствует политическая подоплека? Надо покумекать.

— Вот и давай завтра в восемнадцать часов соберемся у меня. Обсудим ситуацию, пока ему гранату под дверь не подложили. Приспособят к двери и позвонят в квартиру.

— А что ты думаешь... — с придыхом вырвалось у Кнапа. — Хотя вроде бы и попритих вой вокруг нашего брата-чекиста... Только вот никак не соображу, на что мы способны теперь?

— Способны, Зиновий Артемович. Если гурточком... Значит, приедешь?

— Явимся с Щербой, Иван Иванович. Он рядом сидит, кивает.

— Он там крест бронзовый себе вместо галстука наружу не навесил? — полюбопытствовал Лобода.

Кнап засмеялся.

— Нет, пока только гриву отпустил. Плакался мне: охренительно за постриг дерут.

***

— Кого же это, Константин Дорофеич, из твоих друзей-энкаведистов затуркали? И кто, главное? — полюбопытствовал зять Емелина Устим, едва тот положил телефонную трубку.

Сердито стрельнув глазами на ухмыляющегося родича своего с рыжими отвислыми усами, полковник в отставке ругнул себя за открытость разговора с Лободой.

Не захотел старый, с исседвешей бородой волгарь отвечать, тем более тешить душу язвительного мужика чекистской растерянностью. Однако тот вполне определенно сориентировался по обрывкам фраз в телефонную трубку, потому не хотел упустить случая покуражиться над тестем, с которым давненько жил не в ладах "по самостийно-державным" соображениям.

— Молчи не молчи, Константин Дорофе-

ич, возмущеньице твое, глянь-ка, поперек лба синей крапичкой проступило, — смотрел Устим на появившуюся сыпь. — Знать, за живое подчепило. А как же иначе? Приходит час расплаты. Благодарение, до тебя еще...

Емелин промолчал, привычно сдержал себя ради семейного равновесия дочери, до слез обижавшейся на отца за нервные перебранки с гордым подшутить зятем. Ничего себе шуточки, когда в глаза тебе с кривогубой неприязнью: "Дюже богато на батьковщине энкаведистов-москволюбов, без страха ходють по улицам".

И все же Устим допек старика, вывел его из себя.

— Хотел бы я подивиться, Константин Дорофеич, на твоих друзей-бандоловов, окажись они позавчера в городке Стрие на открытии памятника Степану Бандере. Тыщи рукоплескали. На митинге выступил Слава Стецко — голова провода ОУН...

— Какой еще Славка Стецко, он же подох в Мюнхене лет восемь назад, — припомнил Константин Дорофеевич, догадываясь: речь идет о близком родиче бывшего оуновского верховоды.

— То Ярослав сгинул, а этот его сынок, — подчеркнуто любезно, с улыбочкой пояснял Устим и снова кольнул старика: — Отстал, вижу, нюх утратил, бан-до-лов.

Он произнес последнее слово с издевкой, вראстяжку, брезгливо выпятив губы и не успев подобрать их, как по ним отрывисто мазнула сверху вниз широкая ладонь тестя.

— Сопли утри, мокрогуб! — в лицо тому нажимисто пробасил Емелин. — И наших заветов не трогай. Не дорос. Не достоин!

Устим и в самом деле утерся ладонью. Брови его высоко вскинулись. К удивлению обидчика он вдруг взрывно рассмеялся и обезоруживающе игриво пропел:

*Заветы партии верны,
Но только где купить штаны?
Как вместо них носить заветы?
Спасибо партии за это!*

Нацелившийся было уйти из комнаты, Емелин обернулся, спросил:

— Штанишки-то здесь при чем? В портках, что ли, возникла нужда? Пошли, купим.

— Так то ж для складу, — не задержался с ответом Устим. — Гроши же твои из энкаведистского пособия за бандоловскую прыткучесть на старость побереги, на помин души. Безбожно дорожает ритуал.

К Емелину вернулась выдержка и само-

обладание былой поры. Он прислонился спиной к дверному косяку, искоса поглядывая на зятя, спросил:

— Будь ласка, напомни, чьи гроши плачены за обручальное кольцо на твоём безымянном персте? И за стол, за который ежедневно садишься? Ты ж ложки не купил, которой хлебаешь.

— Считаться начал? — опешил от неслыханного попрека Устим.

— Нет! — тряхнул седой головой Константин Дорофеевич. — Не в деньгах дело — в памяти. Если даже не соображаешь, за чей счет живешь, то чего же ты хаешь нас, а?

***

Друзья-отставники из управления державной безпеки собрались на квартире Лободы один за другим, верные привычке появляться на явке в обговоренную минуту. Гостей встречала расприветливая хозяйка, уже не помнившая, когда последний раз видела каждого из пришедших.

Ковальчук выдал новую информацию:

— Под утро в окно камнем запустили, стекла вдребезги, а в дверной щели записка. — Он развернул на столе полоску плотной бумаги с текстом из красных печатных букв. Слова выведены старательно крупно, должно быть, рукой взрослого человека. Под ними темнел оттиск трезубцем.

Бумажка прошла по рукам, каждый прочитал: "Покинь город немедленно, иначе оттащат на погост".

— Это уже серьезно, — сказал Лобода. — Очень даже кстати подоспела писулька, завтра же пустим почерк на поиск автора, выколупаем шантажиста.

Щерба с Кнапом усомнились в этом: совершенно нереальные расчеты наобретение вороха почерков для поисков. В былую-то пору, не в пример благодатную для чекистов, не все удавалось с графическими розысками, а при теперешнем-то отношении начальства к старым кадрам от кого помощи ждать? Их поддержал Емелин:

— Думаешь, помогут? Скорее вежливо скажут: "Делать нам, что ли, нечего?"

Встав из-за стола и резко отодвинув стул, Лобода заговорил напористо и уверенно:

— Ничего не скажут, мы сами со всем сладим.

— Как это сами? — очень удивился Кнап. — Такое невозможно.

— Тогда слушай меня. Никаких тюков с почерками нам не потребуется. Мы составим список живущих в городке старых бандеровцев, прежде всего тех, с кем Нико-

лаю Родионовичу довелось сталкиваться, поднимем из архива следственные дела. В них найдем нужные нам почерки для сравнения. Ими попросим заняться Бурду. И еще: устроим в квартире Николая наблюдательный пункт, хотя бы на четыре дня. Составим график дежурств...

***

Всякий раз, когда полковник в отставке Лобода переступал порог бюро пропусков управления безопасности, над ним довлело ощущение чужака в кровном своем заведении. Потому с каждым разом шел он сюда все с большей неохотой.

На сей раз он решил навестить начальника отдела подполковника Максимьяка, начинавшего работать молодым лейтенантом под его, Ивана Ивановича, началом. Вот только не переменился ли его юный друг, не испортился ли под грузом невообразимых перемен в самостоятельной державе?

Они встретились в условленный час.

Максимьяк, чаще носивший гражданский костюм, был в форме полковника — звании повыше прежнего, известного Лободе. Это и дало повод для начала разговора.

— Что же ты молчал? Такое событие, мой юный...нет давно пора величать тебя, Эраст Викентьевич, мой старый друг — так будет верней.

— Можно и по-прежнему, — весело сказал Максимьяк и сразу перешел к делу: — Так что там у вас стряслось? Какая помощь потребна?

Лобода коротко поведал суть сложившейся ситуации.

— Бить стекла — это уж скорее ребячество, а не злобная месть с националистическим запашком. Надо понимать, действует молодой, шустрый. — За таким зайцем угнаться...

— Изловим, здесь наша забота, — прервал Лобода и перешел к главному, зачем пришел, выложив перед Максимьяком список бывших бандеровцев вместе с запиской.

Бегло просмотрев список, Эраст Викентьевич вычеркнул две фамилии с обозначенными псевдонимами, коротко бросив: "Умерли". На записку же будто не обратил внимания, однако сказал, разведя руками:

— Почерками-то у меня никто не занимается, к сожалению.

— И не надо вовсе, дорогой мой, у нас свой графический эксперт, — ничуть не огорчился Лобода. — Бурду-то, надеюсь, не позабыл? Он все и сделает. Ты только следственные дела из архива запроси по

списку. И дай несколько деньков поработать. Втихаря, так сказать.

Полковник был озадачен таким оборотом, где его содействие оказалось вполне возможным, но вовсе не безопасным для дальнейшей службы в безпеке. Поэтому, обдумывая ситуацию, спросил:

— Что станете делать потом, если установите автора записки?

— Будет зависеть от того, кто он, какую цель преследовал.

— Как "кто он"? Кто-то вот из этого представленного списка. Других-то на примере, надо понимать, пока не держите?

Лобода не смутился:

— Они же все разные, а цель может быть самая неожиданная. Во всяком случае, мы по ходу рассчитываем с тобой посоветоваться.

Максимьяк застучал пальцами по коленке, но, будто спохватившись, потер ладошки.

— Советоваться обязательно...Хорошо, помогу. Только я вам ничего не давал, а вы у меня ничего не брали. Завтра можете приступать.

***

Поутру Ковальчук с Кнапом наладили надежную сигнализацию под резиновым квадратом у порога.

И уже в следующий предрассветный час сонную, чуткую к звукам тишину пронзил звонок. Ковальчук предусмотрительно перенес сигнализацию в спальню, чтобы не вспугнуть злоумышленника, когда тот наступит на коврик у порога. Но звук тревоги был все же такой силы, что его услышали и на лестничной площадке. Потому звонок рывкнул раз, другой и стих. Подскочивший к двери Николай Родионович, успев пожалеть о том, что лег спать раздетым (случись что, из дому не выскочишь), прильнул к дверному глазку. Никого.

В этот момент хлопнула парадная дверь, и Николай Родионович поспешил обратно в квартиру, на кухню к окну. Высунувшись из него, он увидел бегущего за угол дома чубатого парня-коротышку. В руке того болталась серая матерчатая сумка.

Опять вышел на лестничную площадку, и тут ему бросилась в глаза зеркально блеснувшая белесая полоса вдоль порожка. Приглядевшись и еще не коснувшись пальцем серебристо-белой жидкости, он по раскатившимся мелким шарикам понял: под дверь выплеснули ртуть.

Что же делать? Как собрать ядовитую гадость?

Подошла жена, стала рядышком, все увидела, все поняла.

— Магнит надо достать, без него не обойтись. И побыстрее бы, пока в щели не затекло.

— Не сейчас же, ночь на дворе, у кого его попросить? — Ковальчук увел жену в комнату, требовательно советуя: — Ты марлей или полотенцем укрой нос и рот, не дыши испарениями... С кем бы посоветоваться насчет этой отравы? Может, ее магнит и не берет?

Октябриня Васильевна, обычно очень выдержанная, заплакала.

— Коля, неужели теперь так и будем жить, в страхе? Ты же воевал, ты же победил... Ради чего были те годы, Коля?

А он не знал, что ей ответить. Пришла нелепая мысль о бегстве куда-нибудь. На время. До осени...

***

При всей неторопливости тщедушный Бурда профессионально скоро просмотрел архивные дела, выискивая в рукописных текстах давних подследственных схожие тонкости прописи, подмеченные в тексте записки Ковальчуку. Но ничего не нашел. Предположить, что манера написания букв с годами могла неузнаваемо измениться, нельзя было. Разыскиваемый почерк обладал той устойчивой индивидуальной привязанностью, которая если и меняется, то не настолько, чтобы бесследно скруглить возникшие как бы от характера человека росчерки.

И все же сказать, что время потратил зря, он не мог. Этим выводом и поделился с Лободой: мол, в историю оуновцев, как в дерьмо, окунулся, и еще раз сделал для себя вывод, что не зря с этим врагом сражался.

— Был в "Нахтигале"; спецбатальоне гитлеровском, такой ублюдок Духнюк. Послушай, что он о себе же пишет: "...За два последних августовских дня сорок третьего года мы поголовно вырезали все польское население на территории Голобского, Ковельского, Седлещанского, Мациевского и Любомильского районов, всего более пятнадцати тысяч, в том числе стариков и детей, разграбили все их движимое и спалили недвижимое имущество".

— На сколько его осудили? — спросил Лобода.

— На двадцать пять лет. Срок без малого отбыл.

— А теперь не требует реабилитации? Сейчас ведь бывшие бандеровцы обелились хотят, возмещения ущерба даже требуют.

— Угадал. В прокуратуру по этому вопросу ходил и Духнюк. Глянь, Иван Иванович, на свежий документ об отказе ему в реабилитации. Слава Богу, не всех чохом оправдывают и новые власти. Хотя... Гляди сюда, еще пример, один привлекался за службу в эсэсовских войсках, другой, сторож МТС, содержал схрон у себя в сарае на хуторе, в котором укрывался референт по пропаганде ОУН. Скажи, стал бы их реабилитировать?

— Эсэсовца ни в коем случае, а сторожа можно, потому как чаще всего бандеровцы заставляли хуторян сооружать себе схроны.

— Однако реабилитировали и того и другого.

— Не понимаю... — очень удивился Лобода. — Ныне немцы стараются не афишировать свою службу в СС, а тут... Что же это с нами?

— С нами ничего, Иван Иванович. Нам сегодня не стыдно, что мы в свое время били вот таких вот... — и Бурда хлопнул ладонью по архивному делу, которое закончил просматривать.

Лобода прочитал:

"Замотай Роман Денисович, 1920 г.р., урож. Кошева Сенкевичского района Волынской области, украинец, гражданин СССР, образование законченное среднее, холост. Член ОУН и агент германской, американской разведок. Псевдонимы: Рудый и Кайдаш. Родители репрессированы органами Советской власти".

— Он живет где-то за городом, — продолжал Бурда. — Бывало, при встрече на улице смиренно кланялся. А нынче — грудь колесом, огонь в глазах. Нехороший огонь. Такой может и мстить. Как и некоторые другие. Почему не запросили архивные дела на Черпака, Росу, Бурого, Стрижа, Таиську? Всех надо проверить. И не по памяти список ладить. Есть же учет... Был, во всяком случае.

— Да, ты прав, Игнат Фотич, всех наших бывших клиентов надо прощупать.

(Окончание следует)

Сам себе тренер

РУССКИЙ БОЙ УДАЛЬИЙ

Тема занятия: раскрутка локтями; подхлесты локтем и коленом назад; удары и отмашка руками

Раскрутка локтями

Отрабатываем отмашку в этой связке по одной лапе во вращении.

Боковой правой — правая нога в пол, зашагивая за осевую линию (пяточка вперед), разворот на 180 градусов с отмашкой левым коленом, отмашка назад левой рукой (осаживаясь, бьете левой пяткой по осевой). Весь маховик правого и левого локтя движется в одной наклонной плоскости, и отмашка повторяет траекторию бокового — след в след (рис.1).

Смотреть в момент удара надо на объект следующей атаки. Поэтому, если мы делаем несколько раскруток, вновь и вновь атакуя впереди стоящего, необходимо поворачивать на него голову (она будет дополнительным маховиком — сначала отстает, а затем догоняет и перегоняет плечевой пояс, раскручивая его).

Центр тяжести, как и в предыдущих приемах, движется волнообразно в вертикальной (осевой) плоскости. Но это учебный вариант. В настоящем круговом бою, как и в "ломании", движение совершается по раскручивающейся поверхности: заваливаемся в раскрутках то вправо, то влево. Освоить эту боевую технику можно, лишь научившись работать четко по осевой. (Этим, кстати, отличается "ломание" от более поздних танцев: камаринской, гопака и пр.)

Напоминаю, что во всех раскрутках на преследование партнер, держащий лапы,

должен вовремя отступать, чтобы вы тянулись за ним, а не опасались за его безопасность, тормозя "маятник".

Подхлест локтем назад

Удар симметричен отмашке локтем вперед, а также симметричен во времени, т.е. идет по той же траектории, что и отмашка назад (см. предыдущий урок), но в обратном направлении.

Правая рука, прижимаясь к боку, стремится выйти в осевую плоскость за спиной и работает снизу вверх (челюсть, диафрагма, пах). Левая рука сопровождает правую.

Правая нога движется назад, подсаживаясь под противника, в момент удара встаем без притопа (рис.2).

В боевом исполнении все удары снизу идут не по воздуху, а как бы проволакиваются по груди противника.

Отрабатывать надо по 2-3 удара, наступая спиной (или отступая). В последнем случае возврат руки легко превращается в боковой удар (или удар сверху), и мы получаем еще один тип связок — круговых, которые рассмотрим ниже.

Подхлест коленом назад (снизу)

Итак, удар в круговых связках (рис.3). На схеме они изображены в виде эллипса, но в динамике это спираль: маленькими цифрами обозначено перемещение таза, большими — колена.

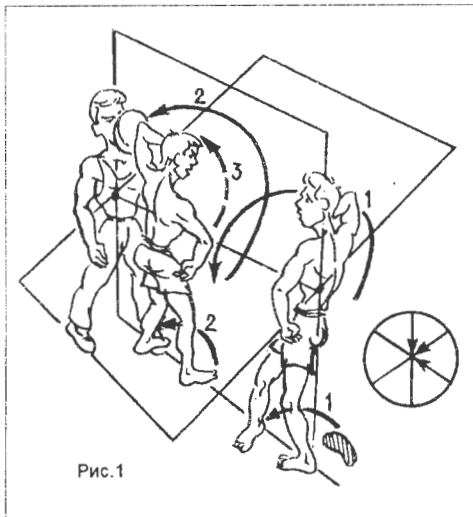

Рис. 1

Встаем на осевую между двумя противниками. Сейчас руки партнеров заняты лапами, и поэтому их (партнеров) нужно схватить за плечи и дернуть навстречу удару (в боевой ситуации, когда вас самих могут схватить, без контакта просто не обойтись, особенно на льду и другой скользкой поверхности).

Колено незаметно отводится наружу до соприкосновения с бедром противника, затем легко поднимается (проволакиваясь, как и при всякой работе на ближней дистанции) до промежности или груди. Все это на подъеме или даже в прыжке (чтобы получился подъем, необходимо заранее "подогнуть колени"). Затем, осаживаясь, наносите боковой удар коленом второму противнику. Таз разворачивается на 90-180 градусов. Плечи неподвижны в горизонтальной плоскости.

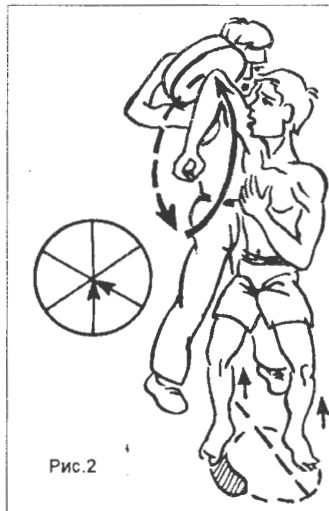

Рис. 2

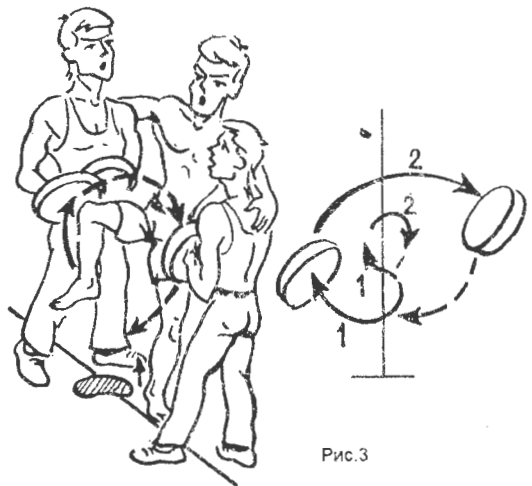

Рис. 3

Связка выполняется в одно движение в осевой плоскости. Пятка почти все время у колена опорной ноги. Отрабатывать сначала боковой, затем подхлест назад снизу и в обратном порядке. Спираль можно раскрутить и на третий, четвертый удары, в голову первому противнику, например. Вся композиция может закончиться "приемом Котовского", т.е. лоб в лоб.

Это два варианта. Всего для каждой круговой связки — четыре. Выберите по вкусу хотя бы один.

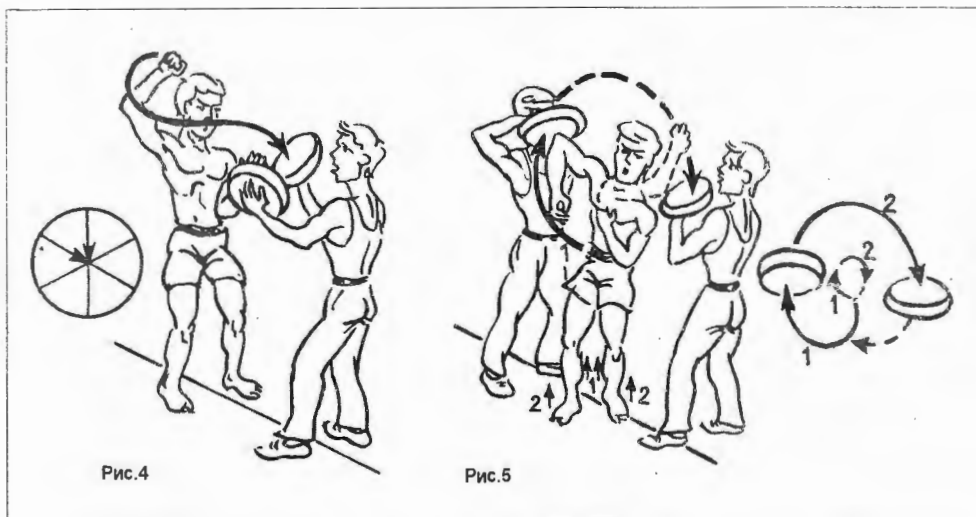
Круговые связки эффективны и в режиме освобождения от захватов. Тогда удары удобнее наносить в двух уровнях: первый — коленом, второй — локтем (одновременно пяточкой по стопе противника) или наоборот.

Удар сверху ("рубмя") и пощечина

Рубящий удар, как, впрочем, и подхлест, связан с техникой работы оружием. При более короткой траектории — при этом ладонь сжимается лодочкой — получается пощечина, один из самых древних ударов. Удар "рубмя" наносится кулаком или раскрытой ладонью (плашмя).

Подготовительное упражнение: серия пощечин — "мишка разгоняет лапами пчел". Ноги полусогнуты и "косолапы", таз — впереди плеч. Восьмерка в тазе и плечах, движение корпуса, рука сама выкидывается к макушке и оттуда хлещет по дуге в наклонной плоскости. Аналогия с кистнем (для рубящего удара): таз — рукоять, от таза до кулака — единая плеть, кулак — гирька. В случае пощечины — аналогия с плетью. Лапа подается в осевую плоскость навстречу удару, локоть на возврате тянется за осевую плоскость (за солнечное сплетение).

203

Необходимо научиться хлестать руками только за счет корпуса. Отрабатывая разовый удар или же нанося рубящий в раскрутке, при подъеме руки привстаем на носки или прыгаем вверх, а нанося удар, осаживаемся пятками в пол (рис. 4). Прием может сочетаться с прыжком вперед (в сторону) и ударом по стопе.

Работая на месте или в раскрутках, следите за "сгрудкой", чтобы плечи не проваливались вперед.

Рубящий удар в круговой связке

Круговые связки наиболее эффективны в осевой плоскости.

Правую руку незаметно отведите назад (до контакта) и, не поворачиваясь к противнику, выполните подхлест назад (как на рис. 2). При контакте кисть выбрасывается вверх и, минуя темя, хлещет впереди стоящего. Опять-таки через "проволакивание", скользя по уху, попадаем в шею, ключицу и т.д. Резкий подъем или прыжок на подхлесте и притоп пятками в пол в момент удара сверху. Корпус вертикален. Движения таза (плеч) обозначены на схеме (рис. 5) маленькими цифрами. При этом таз выполняет небольшой "маятник": назад-вперед.

Удар сверху — хорошая защита от прямого удара рукой или ногой, а также от ножа.

Круговая связка может быть выполнена на самых разных дистанциях. Назад: подхлест снизу кулаком, локтем, удар плечом. Вперед: удар сверху локтем, кулаком, головой, все боковые удары — десятки комбинаций. Отрабатывать прием следует, начиная с удара сверху, затем в обратном порядке.

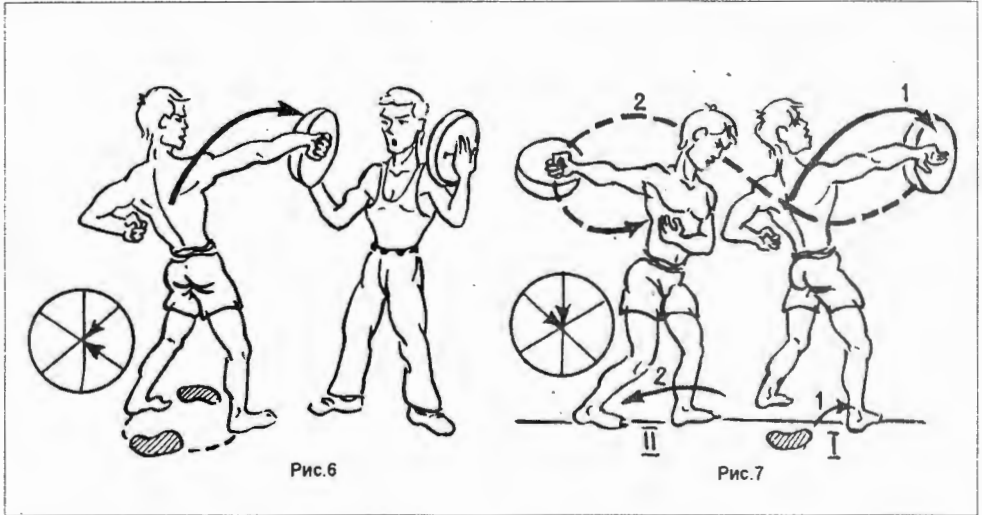
Вполне достаточно этих двух вариантов круговых связок (из четырех возможных). Два других: начиная с отмашки назад (через верх) и заканчивая ударом снизу (отмашкой вперед), и наоборот.

Боковой удар (подхлест)

Подхлест (он же "хлест" или "с плеча") один из наиболее распространенных в русском кулачном бою. Это скоростной прием (5-7 ударов в сек.). Начинаем его с прыжков на месте, переходя на работу локтями. Проверяем — не взглядом, а мысленно — вертикальное колебание корпуса, закрываемость бедра при ударе "косолапой" ногой в пол, совместность работы обеих рук, наклон корпуса от противника ("сгрудка"). Делаем пару серий локтями, партнер раздвигает лапы на интервал, вдвое превышающий ширину плеч, и ваш локоть сам выхлестывает кисть (рис. 6).

Кулаком на Руси работали редко (и лишь в определенные места) — чаще били запястьем. Лапы, как и при "локотках", ставятся параллельно осевой плоскости, составляющая удара направлена вбок. В реальной атаке удар может направляться также и на себя, и чуть от себя, но не прямо — иначе получается тычок.

Подхлесты выполняются обязательно сериями, на полном расслаблении, пока не "нащупается" необходимая траектория. Восьмерка в плечах максимальна, ощущение плети от таза до кисти, внимание — на возврат. При ударе кулак сжимается только в момент контакта, а при работе запястьем — лишь слегка поджимаются пальцы. На возврате ладонь хлопает по груди — в учебном варианте; на боевой скорости хлопок исключен.

Подхлесты можно выполнять как на месте (но обязательно с прыжками), так и в движении. И в обоих вариантах — одновременно по звуку: правая нога в пол — правая рука по лапе.

Чтобы хорошенько поставить боковой удар, рекомендуется до поры вообще не работать кулаками — только запястьем.

Связки из подхлестов следует чередовать с раскрутками на преследование (см. рис.5 предыдущего урока и рис.1). При перемещении "скоком" (маятником) нужно добиться "рикошетирования" от земли. Такое движение напоминает детскую игру в "блинчики" на реке. При боевых скоростях, если мы стоим на месте, ноги не успевают отрываться от земли, но все же как бы вибрируют, ибо сохраняется восьмерка в тазу.

Отмашка

Этот прием выполняется в связке восьмерка.

Напомним: в технике боя мы сталкиваемся с тремя восьмерками: в плечах и в тазу (см. выше), в движении конечностей (см. здесь), и ниже пойдет речь о вертикальной восьмерке.

Отрабатывается такая связка в обоих направлениях: начиная с отмашки или с подхлеста, по 2-3 серии без остановки. В данном случае показана восьмерка, развернутая на 180 градусов: мы стоим между противниками, перекрывая им видимость (рис.7): Но в принципе поединщики могут стоять под любым углом. Не исключена отмашка в связке "восьмерка" и при атаке на одного противника — с разворотом к нему спиной.

В нашем варианте, ударив (при подхлесте правой рукой) правой стопой в пол, нога отскакивает маятником назад и бьет в пол (по стопе) на осевой второго соперника. При этом тело смещается назад, осаживаясь, возможно, с отмашкой коленом для разворота (можно и без отмашки). Смотреть на противника ни до ни после атаки не следует. Руки выхлестываются вместе, от таза, как при косьбе, образуя восьмерку, закрученную, как пропеллер. Важно сделать возврат и не размазать удара: после подхлеста кисть "раскидайчиком" возвращается к груди и грудью, всем корпусом выхлестывается на отмашку, за спину. На отмашке рука как бы сечет противника "до седла" и доходит до собственной ягоды, а оттуда — тазом выкидывается на подхлест.

Другой вариант: выполнить отмашку после серии подхлестов правой-левой или подхлест после серии отмашек.

Третий вариант работы показан выше в описании раскрутки локтями (рис.1).

Все варианты надо чередовать, неожиданно переходя из связки правой-левой в раскрутку (уходя вперед) или в отмашку назад (что задается партнерами, держащими лапы).

И не забывайте: на восьмерке важен маятник — раскачка тела взад-вперед с наклоном от атакуемого противника.

Андрей ГРУНТОВСКИЙ,
преподаватель
фольклорной студии.

204

*Заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР по футболу,
Михаил Иосифович ЯКУШИН:*

«Нам аплодировал не только Союз, но и Англия»

*В 45-м московское «ДИНАМО» стало чемпионом страны
и покорило британских болельщиков*

9 мая 1945-го... Все — конец войне! Как ждала страна этого дня. Как соскучилась она по миру и тишине, по работе в поле и у станка, по студенческим аудиториям, по танго и фокстротам, по театрам и кино. Как соскучилась она по футболу! Города и села только начали подниматься из руин, еще не все фронтовики вернулись домой, а уже принялся старт первый послевоенный чемпионат. Стоит ли говорить о том, какое огромное желание было у всех его участников стать первыми, порадовать своих истосковавшихся по захватывающему зрелищу болельщиков красивой и содержательной игрой!

Среди претендентов на чемпионское звание была и команда московского «Динамо». Эрой «Динамо» и московского «Спартака» без преувеличения можно назвать весь предвоенный период. «Спартак» и «Динамо» выиграли все шесть предвоенных чемпионатов! Причем каждая команда — по три раза. В сезоне 1941-го успели провести только по десять игр. К 22 июня во главе турнирной таблицы с 15 очками шли два «Динамо» — московское и тбилиское...

— Михаил Иосифович, мы еще вернемся к разговору о первом послевоенном чемпионате по футболу среди клубных команд. А вначале ответьте, пожалуйста, на такой вопрос — что, с началом войны футбол вообще был вычеркнут из жизни страны?

— Не берусь говорить за всю страну, но в Москве в 41-м еще в футбол играли. Пока фронт далеко был. Играли те, кто остался. «Торпедо», например, эвакуировалось. Всей командой. А «Динамо» осталось... «Спартак» остался. Те спартаковцы, кто в армии не был, устроились работать на завод и играли за «Геофизику» — была в Москве такая команда. А вот когда враг к столице совсем близко подошел, стало не до футбола.

— И динамовцы пошли на фронт?

— Большинство из игроков осталось в Москве. Конечно, те, кто служил в воинских частях, были откомандированы к местам службы. Константин Бесков, например, — в часть, которая спустя некоторое время вошла в состав 2-й дивизии НКВД, а затем вошла в знаменитый ОМСБОН — Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения. В разных частях во время войны служили Василий Карцев, Всеволод Блинков, Алексей Хомич. В штабе партизан Белоруссии, у Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, служили минские динамовцы Леонид Соловьев и Александр Малявкин, которые позже перешли в московское «Динамо».

В 41-м же, осенью, обстановка на подступах к Москве была критическая, шутили — фашисты в нескольких десятках километрах от города, рассматривают его в бинокли. Вся страна переживает: сдадут или не сдадут столицу врагу? Но даже тогда никто из нас не сомневался: враг будет разбит, победа будет за нами. И уже в то тяжелое время думали о дне, когда война закончится и когда снова можно будет играть в футбол. Так думали не только футболисты. Но и наше руководство. Команду сохранили. Я с товарищами работал в хозяйственном управлении, мы обслуживали и охраняли объекты в черте столицы и в ее окрестностях. В октябре, когда шла массовая эвакуация, и даже 15,16-го числа, когда в городе началась паника, мы никуда из Москвы не уехали. Хотя эвакуировались тогда многие. Даже сотрудников потом не хватило, чтобы обеспечить охрану порядка во время памятного парада 7 ноября. Для этого дела нас, футболистов, привлекли — мы были в ГУМе. Располагались на этажах и следили, чтобы никого посторонних там не было.

Конечно, наша служба в Москве, пусть даже и осажденной врагом, ни в какое сравнение не шла с фронтовой жизнью. Но приказ есть приказ. Кто-то ведь должен был нести патрульную службу, поддерживать порядок в городе, тушить зажигалки во время бомбардировок. Кстати, в день первого воздушного налета на столицу погиб молодой, но очень талантливый динамовский футболист Сережа Черников. Он вместе с товарищами находился на крыше дома, когда фашистский летчик полоснул по ним из пулемета. Пуля попала Сергею прямо в сердце.

— Михаил Иосифович, а вот ваш товарищ по команде Константин Иванович Бесков в своей книге "Моя жизнь в футболе" пишет: "В городе Молотове (ныне Пермь) жили с первых месяцев войны эвакуированные ... Михаил Якушин(!? — А.П.), Алексей Лапшин, Евгений Елисеев, Сергей Ильин..."

— Никуда из Москвы во время войны ни я, ни Лапшин, ни Ильин не эвакуировались! Мы вместе с Константином Ивановичем занимались маскировкой стадиона "Динамо" от вражеских бомбардировщиков. Вы, кстати, не первый, кто заметил эту неточность. И с Бесковым на эту тему разговор был. Он признал ошибку и извинился.

— Когда футбол вернулся в столицу?

— В конце лета 43-го наш тренер — Борис Андреевич Аркадьев стал собирать динамовцев. В 44-м мы уже играли на первенство Москвы, готовились к выступле-

ниям на Кубок СССР. Под руководством Льва Николаевича Корчебокова. Но выступления мы в розыгрыше Кубка неудачно. Нас в первом же круге выбил ленинградский "Зенит".

— А когда московское "Динамо" начало подготовку к чемпионату 45-го года?

— В ноябре 44-го.

— Тогда же произошло еще одно знаменательное событие — вас назначили тренером прославленной команды...

— Честно говоря, я не собирался в это время уходить на тренерскую работу. Хотел отыграть еще один сезон, тем более что в следующем году возобновлялся чемпионат СССР.

— В возрасте 34 лет? Ведь вы бы могли еще и поиграть...

— Мог бы...

— А само предложение явилось для вас неожиданностью?

— Тренеры-то в "Динамо" были... Лев Корчебоков, Виктор Тетерин. Но все попытки заменить ими ушедшего в ЦДКА Аркадьева закончились неудачей. В чемпионатах Москвы, в розыгрыше Кубка СССР динамовцы выступали не лучшим образом. Может, поэтому руководство "Динамо" и решило попробовать на тренерском посту Якушина. Тем более опыт тренерской работы у меня имелся. В команде московского "Динамо" по хоккею с мячом я был играющим тренером.

— И с чего вы начали свою работу в роли футбольного тренера?

— С подготовки к чемпионату страны 45-го года. При назначении на тренерский пост я поставил единственное условие — подготовку к чемпионату начать немедленно. И для этого мне необходим... вагон. Объясню зачем. Игроки-то у нас были. Неплохие игроки. Но чтобы создать из них команду, нужно было провести полноценные сборы и обязательно — на хороших футбольных полях. А в это время года такие условия — только на юге. Чтобы добраться туда, нам и нужен был свой транспорт. Мне сказали: "Пожалуйста!". Выделили вагон, в котором мы объездили все Закавказье. Побывали в Баку, Ереване, Тбилиси, Кутаиси, Батуми... Сыграли там пять игр. Сыграли, можно сказать, неплохо. За это время мне удалось укомплектовать команду, определить основной состав. Более детальная подготовка была намечена на март следующего года. Провести ее планировали в Гаграх.

— Из турне по Закавказью вы вернулись...

— В декабре. А потом продолжали тренировки на теннисном корте, на стадионе "Динамо".

— Михаил Иосифович, чем был футбол для страны в победном 45-м?

— Футбол у нас достаточно активно стал развиваться только после введения регулярного чемпионата страны. До 36-го года клубных соревнований как таковых не было. Проводились товарищеские встречи. "Спартак" или "Динамо" ехали на юг — в Закавказье. Там как бы готовились к сезону, а потом уже участвовали в играх на первенство Москвы, на первенство Ленинграда. Клубные же встречи между городами проводились в ранге товарищеских. Первенство Советского Союза проходило только между сборными командами городов — Москвы, Ленинграда и Харькова. В 35-м к ним добавился Киев. И только в 36-м году провели первый чемпионат страны среди клубных команд. Причем сыграли два первенства — весеннее и осеннее, в промежутке между ними состоялся турнир шести городов. К вышеназванным присоединились еще Баку и Тбилиси.

— Значит, 36-й год — год проведения первого регулярного чемпионата страны среди клубных команд — следует считать началом массового увлечения футболом у нас?

— Безусловно. А пик этого увлечения пришелся на поездку московского "Динамо" в Великобританию в сорок пятом. После победного турне весь народ — от мала до велика — повалил на стадионы. В одночасье футболом стали интересоваться все — даже те, кто не имел о нем ни малейшего понятия! Даже дворничиха в нашем дворе, и та была в курсе, как мы выступили в Великобритании. У нее заболели футболом все — и дети, и внуки. Встречая меня на улице, она никогда не упускала возможности поговорить на футбольную тему.

Наше удачное выступление в Великобритании стало лучшей пропагандой этого замечательного вида спорта.

— Болельщики со стажем говорят, что популярность динамовцев в то время была сродни популярности советских космонавтов в 60-х.

— Интерес к нам был очень большой. Команде поступала масса предложений о встречах. Приглашали на заводы, на фабрики, в учреждения и воинские части — сколько раз мы выступали перед различными аудиториями, и не счесть.

— В Англии московских динамовцев ждали с нетерпением, в предвкушении захватывающего зрелища?

— Конечно, для английских болельщиков это было событие. Но ложку дегтя в бочку с медом добавили английские журналисты. Первые встречи с ними были очень прохладными. Не удивительно, что холодком веяло и от первых газетных публикаций, посвященных визиту московских динамовцев. Газеты писали примерно так: вот, прилетели русские футболисты, которые никакого интереса для английских болельщиков не представляют. Они хорошие ребята, но футболисты посредственные. Русские знают, что такое мяч, что такое футбол, но ничего особенного, что бы удивило зрителей, не покажут. После потрясающей игры динамовцев с "Челси" представление о нас в корне изменилось.

— Расскажите, как проходила игра, другие матчи этого турне. От кого исходила идея проведения знаменитой серии?

— После завершения сезона 45-го года (а завершили мы его не совсем так, как хотелось бы. В финале Кубка СССР мы уступили ЦДКА — 1:2. Причем при счете 1:1 Леонид Соловьев бил пенальти и угодил в штангу) пришло сообщение, что Ассоциация футбола Англии приглашает чемпиона Советского Союза в Великобританию для проведения нескольких товарищеских матчей с лучшими профессиональными клубами этой страны.

Сезон закончился у нас 14 октября, а выезжали мы в Лондон 4 ноября. Играть в Москве уже было не с кем, и поэтому основной моей заботой было сохранение физической формы футболистов (разучиться играть за это время они не могли). Собирались мы на динамовской базе в Мытищах и проводили там регулярные тренировки.

— Михаил Иосифович, а как оказались в московском "Динамо" "чужие" игроки?

— Учитывая серьезность поездки, мне предложили помощь другие команды. Думал я, думал и решил пригласить в турне нескольких игроков ленинградского "Динамо", в частности Архангельского, Орешкина, а также нападающего ЦДКА Боброва, отличавшегося высокой результативностью. Всякое ведь бывает! Травмы могут случиться, болезни...

— И вот — первая игра с "Челси"...

— 13 ноября 1945 года. Лондон. Стадион "Стамфорд-Бридж". Местное время — 14 часов 30 минут.

Игра вызвала в столице Англии небывалый интерес. Все билеты были проданы задолго до встречи. Опасаясь давки, администрация "Челси" дала указание пропускать зрителей на стадион с девяти

часов утра. Так называемые стоячие места были заполнены сразу. А народ все шел и шел к стадиону. По свидетельству известного английского футболиста Фрэнка Тэйлора, был установлен рекорд посещаемости английских стадионов, на которых проводятся встречи клубных команд ("Уэмбли", как известно, предназначен только для игр сборной). Он не побит до сих пор.

По официальным данным, на "Стамфорд-Бридж" тогда побывало 85.000 зрителей. Мне кажется, что их было еще больше. Уже во время игры под напором безбилетников дрогнули полицейские кордоны, люди устремились к футбольному полю и расселись вокруг него. Вели они себя, надо сказать, очень дисциплинированно и проведению игры не мешали.

Игра шла ровная, но к 30-й минуте тем не менее "Челси" уже вел в счете — 2:0. Мячи были забиты из-за несогласованных действий наших защитников и вратаря.

Однако я видел, что играем мы не хуже соперников. Больше того, наши нападающие то и дело переигрывали защитников "Челси", но, излишне волнуясь, никак не могли добиться успеха.

— Болельщики по достоинству оценили мастерство советских футболистов?

— Зрители тоже заметили, что мы умеем играть в футбол, и все чаще в момент удачных действий динамовцев на трибунах вспыхивали аплодисменты.

— Немало их досталось на долю динамовского голкипера Алексея Хомича. Ведь это в Англии он получил прозвище Тигр?

— На последней минуте Хомич такой мяч из "девятки" вытащил! Выручил команду. Этим мячом, который достал от Лаутона, он вдохновил товарищей, вселил в нас надежду. Уйти на перерыв со счетом 2:0 или 3:0 — большая разница.

Томми Лаутон, этот действительно выдающийся центрфорвард, не входя в штрафную, нанес удар необычайной силы в правый от Хомича верхний угол ворот. В тот момент я только и успел подумать: все, верный гол. Как Хомич в броске отбил мяч, и сейчас объяснить не смогу. Вратарей с такой реакцией я не встречал.

Мне кажется, что прежде всего за этот бросок Хомич и получил в Англии прозвище Тигр.

— ...А спустя некоторое время английский судья Кларк назначил в ворота "Челси" 11-метровый удар.

— Судья поступил правильно — нарушение в штрафной площадке было оче-

видным. Даже трибуны приветствовали решение Кларка одобрительным гулом.

Пенальти бьет Леонид Соловьев. И ... попадает в штангу. Точно так же, как месяц назад в финале Кубка СССР.

Так со счетом 2:0 команды и ушли на перерыв.

— Интересно, что вы сказали игрокам во время короткого отдыха?

— Ребята, все в порядке. Хоть и проигрываем, но проигрываем по голам, а не по содержанию игры. Мячом вы владеете не хуже англичан, а в тактической маневренности моментами их даже превосходите. Используйте ваше преимущество в скорости и маневренности.

— Во втором тайме игроки точно выполнили вашу установку?

— На 65-й минуте Василий Карцев, получив передачу от Константина Бескова, метров с двадцати забил первый гол в ворота "Челси" — защищал их вратарь сборной Англии Вудли.

— Но динамовцы на этом не остановились?

— Спустя всего шесть минут Евгений Архангельский, опять после паса Бескова, сравнивает счет — 2:2! Трибуны опять режут от восторга.

— Представляю, какой упорный характер приняла игра после того, как динамовцы сравняли счет!

— Еще бы! Вот она, победа, — рядом. Обе команды полны решимости добиться ее. А тут болельщики "Челси" вспомнили о своей звезде, скандируют: "Лаутон! Лаутон! Фортинг таузенд!" Это они ему напоминают о 14.000 фунтах стерлингов, которые заплатил за него "Челси" "Эвертону". Мол, давай отработывай.

— Что, такие большие надежды связывали англичане с этим именем?

— Лаутон — легендарный футболист. Техника у него действительно была великолепная!

— И все-таки Лаутону удалось забить свой гол. Забить головой.

— Лаутон есть Лаутон. Он своего шанса не упустил. Правда, гол он забил в борьбе с Хомичем, а не с Семичастным.

Вот так, 13 минут до конца матча — и мы вновь проигрываем. Обидно!

Но, к чести наших игроков, они не прекратили борьбы. И Севолод Бобров — опять-таки с подачи Бескова! — сравнивает счет — 3:3. Этот результат и зафиксировал финальный свисток Кларка.

Трибуны и крыши окрестных домов, куда забралась не попавшие на стадион болельщики, взорвались аплодисментами. На поле хлынула толпа зрителей, окружи-

ла наших игроков. Каждый старался пожать руку динамовцам, поблагодарить за прекрасное зрелище. Сложилось такое впечатление, что англичане так же, как и мы, рады ничейному исходу поединка.

— Кто следующий был на пути московских динамовцев?

— Следующая встреча спустя четыре дня состоялась в Уэльсе, в шахтерском городе Кардифф, с одноименным клубом. Как утверждали газеты, нам должна была противостоять самая быстрая команда Великобритании. Но противостояния у англичан не получилось. Мы победили — 10:1. На игру выставили тот же состав, что и с "Челси": Леонид Соловьев, Блинков, Архангельский, Карцев, Бесков, Бобров, Сергей Соловьев. Бесков забил четыре мяча, Бобров и Архангельский — по три. При счете 8:1 Хомич отразил пенальти.

— 10:1 — хоккейный счет. Что, "Динамо" играло так сильно, или, признайтесь, соперник слабоват оказался?

— "Кардифф-Сити" оказался командой достаточно сильной (слабые команды в чемпионате Великобритании не играют). Как нам и обещали, очень резвой. Но молодой, неопытной.

Если после победы московского "Динамо" над "Кардиффом" кое-кто из английских болельщиков еще сомневался в силе нашей команды, то победа над неоднократным чемпионом Англии "Арсеналом" развеяла все сомнения.

— Эта игра памятна динамовским болельщикам не только отменным результатом, но и тем, в каких необычных условиях она проходила...

— Играть пришлось в густейшем тумане. Туман вообще характерен для осеннего Лондона. Существуют даже различные наименования его разновидностей, придуманные местными жителями. Туман, опустившийся над городом в тот день, 21 ноября, у них назывался "гороховый суп". Лишь только мы добрались до стадиона "Тоттенхэм" (стадион "Арсенала" разбомбили во время войны немцы, и он проводил свои матчи здесь), я первым делом побегал на футбольное поле выяснить, как обстоят дела с видимостью, можно ли при таком тумане играть. Встал в центре поля — и те и другие ворота вижу. А вот когда отошел к одним воротам, другие уже не просматривались. Что делать? Народу на стадионе — битком.

Отказаться от встречи — испортить праздник зрителям. Играть!

Из-за тумана я не увидел первый гол, забитый Всеволодом Бобровым после передачи Сергея Соловьева — стоял за воротами Хомича. Решил сменить пози-

цию — отправился за ворота англичан. И, как назло, в это время Мортенсен сравнивает счет. Трибуны снова взрываются аплодисментами: Мортенсен выводит свою команду вперед.

И только третий гол англичан и четвертый за игру я увидел воочию: забил его все тот же вездесущий Мортенсен.

Проигрываем — 1:3. А тут еще Леонид Соловьев получает тяжелую травму в столкновении с Руком.

Англичане давят. Наш левый защитник Иван Станкевич с трудом сдерживает натиск самого Стэнли Мэтьюза — игрока, обладавшего виртуозной техникой, подлинного мастера обманных движений.

Только перед перерывом нам удалось перевести игру на половину поля "Арсенала". Константин Бесков после передачи Василия Трофимова сокращает разрыв в счете — 2:3.

В перерыве к нам в раздевалку пожаловал представитель "Арсенала" с предложением ... прекратить игру. Мы ответили ему отказом.

— А ведь могли бы согласиться. Проиграть "Арсеналу" с таким счетом — результат достойный. Да и на туман при необходимости можно было сослаться.

— У меня было предчувствие, что наши игроки сравнивают счет. Поэтому, когда истекли короткие минуты отдыха, я отправился за ворота "Арсенала". Мои предчувствия не обманули меня — на 48-й минуте Сергей Соловьев восстанавливает равновесие. Наши нападающие при поддержке полузащитников постоянно маневрируют, меняются местами и раз за разом ставят оборону англичан в тупик. А спустя четверть часа наступила развязка — Бесков, атакуемый Бернардом Джоем, отбросил мяч назад Боброву, и тот забил решающий гол — 4:3. Победа!

Скажу вам: поражение "Арсенала" было расценено как большая неудача английского футбола.

— Но у англичан еще был шанс восстановить свою репутацию. Палочкой-выручалочкой должен был стать клуб "Глазго Рейнджерс" — неоднократный чемпион Шотландии, не так ли?

— Нет! Футбольные Англия и Шотландия, как говорят в Одессе, это две большие разницы. Они — непримиримые противники. Шотландцы убеждены, что именно они, а не англичане, являются родоначальниками футбола. Что они, а не англичане, лучше играют в футбол. Англичане, разумеется, считают наоборот.

Сказать, что интерес к матчу был огромный, значит, ничего не сказать. Приезжая

на тренировку, мы видели гигантские очереди у касс стадиона. Люди приходили со своими креслами, раскладушками. Сидя или лежа на них, коротали время в ожидании открытия билетных касс. Вполне вероятно, что очередь занимали еще накануне вечером. Впечатление было такое, что весь Глазго выстроился за билетами. Знаете, о чем подумалось тогда: "Наверное, у бедных шотландцев нет никакого блага. Вот все они и вынуждены стоять в живой очереди".

— Они не разочаровались в увиденном?

— Думаю, что нет. К 24-й минуте мы уже вели в счете 2:0. Оба мяча забил Василий Карцев. Первый со штрафного, метров с двадцати. Второй — с игры, характерным для него хлестким ударом, на который вратари, как правило, не успевали реагировать. Карцев всегда старался наносить удар по воротам в неожиданный для голкипера момент.

Кстати, шотландский арбитр Томпсон назначил в первом тайме в наши ворота 11-метровый. Бил Смит. Но Хомич не подкачал. Второй за время турне пенальти парировал.

— А что же произошло потом?

— Перед самым перерывом Смит реабилитировал себя за забытый пенальти — 2:1. А во втором тайме Томпсон назначил еще один 11-метровый в наши ворота. Янгу ничего не оставалось делать, как сравнять счет.

Я всегда осуждаю тренеров, которые в оправдание плохой игры ссылаются на предвзятое судейство. Но в Глазго нас действительно засудили. Радикорский выбил мяч из-под ног шотландца на угловой. Чисто выбил, без нарушений. Был свисток, и главный судья показал на угловой. Тут вмешался боковой арбитр, машет флажком. Томпсон к нему. Короткое совещание — и угловой заменяют 11-метровым. Мы потом пришли к выводу, что не хотели нас шотландцы с победой выпустить. Для них поражение было бы равносильно катастрофе. Да и перед англичанами было бы неудобно...

— Михаил Иосифович, ни разу не слышал от вас "моя команда", "мои игроки". Только — "наша команда", "наши игроки". А то, с каким уважением, с любовью говорите вы о своих подопечных, позволяет мне утверждать, что в вашей команде, в вашем коллективе, в вашей футбольной динамовской семье сложились те добрые отношения, о которых тренеры нашей национальной команды могут только мечтать. Если бы российские игроки прониклись таким духом товарищест-

ва, такой самоотверженностью во имя достижения высокой цели, а значит, во имя Его Величества болельщика, то наша команда не выглядела бы так бледно на чемпионате мира в Америке...

— А в Америке у нас не было команды. У нас была группа футболистов. Неважных, в основном. Мы были обречены на провал.

— Михаил Иосифович, давайте спустимся с небес чемпионата мира на нашу грешную землю российского чемпионата. Светит ли что-нибудь в этом сезоне московскому "Динамо"?

— Если хорошие лампочки купим.

— Опять безоговорочное лидерство московского "Спартака"?

— А тут нет ничего удивительного. Команда у них посильнее. Спартакотцы лучше готовы. Они превосходят динамовцев и в тактическом и, что особенно печально констатировать, в физическом плане. А ведь "Динамо" всегда славилось, ко всему прочему, и отменной "физикой"!

— Михаил Иосифович, будем надеяться, что ваши мрачные прогнозы не оправдаются. Да вы и сами, наверное, будете рады, если так оно и случится.

А теперь позвольте поблагодарить вас за увлекательнейшую беседу, которая приоткрывает нашим читателям забытые странички истории отечественного футбола, пожелать вам здоровья, долголетия, чтобы с течением лет не иссякал ваш жизненный зазор. И на прощание маленькая просьба — несколько слов для наших читателей.

— Для меня ваши подписчики не просто читатели, но и товарищи по оружию. Да, да, Михаил Иосифович Якушин — ветеран внутренних войск. Четыре года — с 33-го по 37-й — прослужил в 17-м Московско-Курском железнодорожном полку. Исполнял обязанности физрука. Давайте ручку...

Читателям Журнала "На боевом посту". Поздравляю с юбилеем Победы. Желаю, чтобы в наше нелегкое время вам так же сопутствовал успех, как сопутствовал он московскому "Динамо" в победном 45-м. И как бы трудно ни приходилось, всегда помните, вы — динамовцы. И не в характере динамовцев пасовать перед трудностями.

Записал
подполковник А. ПЕТРОВ.

Охота на войне

Командир самоходного орудия лейтенант Оглоблин заметил в стереотрубу на далеком расстоянии группу заправляющихся немецких танков. У своего старшего иначальника Оглоблин

попросил разрешения взраеходовать несколько снарядов по противнику. Получив разрешение, он с двух выстрелов подбил два фашистских танка.

Рядовой Н. Акишин.

Мастерство артиллериста

Когда наступала передышка

Полковник в отставке К.С.ОГЛОБЛИН мисеис годы прослужил во внутренних войсках, в том числе и в журнале "На боевом посту", где возглавлял отдел литературы, культуры и быта. Кое-кто из сослуживцев помнит его и как страстного охотника, на протяжении десятка лет бессменного председателя охотничье-рыболовного коллектива Главного управления внутренних войск страны. Этот удивительно милая, жизнерадостный человек, недавно отпраздновавший свое 70-летие, ежегодно отмечает три дня рождения. Первый в декабре, так сказать, биологический. Второй в марте — в 45-м лишь правая лапоть, случайно поднесенная к сердцу, спасла от смертельного осколка. А третий, апрельский, "подарила" страсть к охоте и рыбалке — слава Богу, подоспевшие рыболовы вытащили из истринской поймы.

В канун 50-летия Победы К.С.Оглоблин по нашей просьбе делится своими воспоминаниями о том, как было с охотой на фронте. Ему, активному участнику Великой Отечественной, охотнику с чуть ли не шестидесятилетним стажем, как говорится, и карты в руки.

Не боем единым жил солдат

Забылось уже название популярной в военные годы песни, но вот начальные строки ее помнятся:

*Кто сказал, что бросить надо
песни на войне?*

*После боя сердце просит
музыки вдвойне.*

Очень справедливые слова! После боя сердце просило музыки, потому что она помогала снять стресс от только что пережитого, скорее вернуть способность вновь думать о доме и любимых, пометать о жизни после победы... Ведь все мы были молоды, только начинали жить, а тут война... И потому все мечты и разговоры о будущем неизбежно сопровождалась почти молитвенным условием — если не убьют, то... Тут уж у каждого была своя "музыка". У нас с Вадимом Базилевским была одна на двоих — разговоры об охоте, которой оба увлекались с мальчишеских лет. В неполные двенадцать я уже ходил в лес с собственной одностволкой. Вадим

в том же возрасте делал первые выстрелы из дядиногo ружья. В общем, нам было что вспомнить, о чем пометать.

К концу 43-го года, когда судьба свела нас в 367-м гвардейском тяжелом самоходном артполку, мне стукнуло 19, ему 21 год. Были уже офицерами, а Вадим имел и боевой опыт. Старший техник-лейтенант Базилевский начал войну под Сталинградом, участвовал в боях на Курской дуге. Я же недавно окончил Киевское Краснознаменное артиллерийское училище имени С.М.Кирова и в звании лейтенанта прибыл в полк. У меня не было никакого фронтового опыта. Зато в числе моих довоенных охотничьих трофеев имелись зайцы, белки, рябчики, утки и даже выдра! Вадим же мог похвастать лишь кряквами да болотными курочками, которых они с дядей постреливали на реке Сула, на Полтавщине.

Морально и физически подготовиться к выполнению долга офицера-фронтовика мне помогла охота не столько на зайцев и уток, сколько на сохатых. Выпала такая счастливая доля, когда был курсантом. После месячного охотничьего похода в таежные дебри я легко сравнительно пере-

носил бытовые тяжести фронтовой жизни, большие физические нагрузки

За сохатыми

Случилось это осенью 1942 года в труднейшее для Отечества время — в разгар величайшей битвы за Сталинград.

Страна напрягала все силы, тяжело приходилось и нам, курсантам училища, эвакуированного в Красноярск. Прежде всего сказывался недостаток продовольствия, особенно мяса. Тогда руководство Красноярского края решило помочь охотничьей продукцией: училищу выделили пять лицензий на отстрел лесей. Это был дорогой подарок к 25-й годовщине Великого Октября.

Командование сформировало группу охотников из 5 человек: старшие лейтенанты В. Подольский, В. Гражданов, курсанты А. Журин, автор этих строк и рядовой А. Мерцалов — коневод и самый старший из нас по возрасту. Возглавил группу Подольский, знавший мое пристрастие к охоте. Я же дружил с Алексеем Журиным, крепким, смекалистым парнем, уже знавшим почем фунт лиха. Его включили в группу по моей просьбе. На нас возлагались уход за двумя конями и хозяйственные заботы. Офицерам предстояло отстреливать сохатых.

Группе выдали продовольствие на 15 суток, оружие — от карабина до нагана, боеприпасы, овес для коней. И вот в один из дней в начале октября ранним утром, еще до общего подъема, наш маленький отряд миновал КПП и взял курс на север. Предстояло пройти около 100 километров вдоль берега Енисея до села Михайловское, найти там деда Ермолая — проводника и отправиться в междуречье Малого и Большого Кемчуга, где и добыть зверей. Надо ли говорить, какими счастливыми мы чувствовали себя! Ведь все любили охоту и жаждали наилучшим образом справиться с необычным заданием. О возможных трудностях даже не задумывались. А они оказались даже не задумывались. А они оказались таковыми, что вырвали только молодость, энтузиазм да слезы старого таежника деда Ермолая.

Чего, например, стоило только одно преследование медведя, которое мы вели с Подольским до изнеможения. Или вывоз лосиных туш за пятьдесят верст по охотничьей тропе, помеченной лишь зарубками на деревьях.

Но что трудности, тяготы и лишения того похода? Они позабылись уже, а вот красная тайга забываемая! До сих пор вижу пихты, лиственницы, сосны в три обхвата. Вершины елей подпирают облака. Особенно впечатляли кедры. В объятиях

их могучих ветвей, казалось, тонет небо. А стремительные хрустальные речки, местами покрытые завалами в 200-300 метров? По ним, как по мостам, переходит и зверь, и человек...

Мясо пяти сохатых доставили мы в столовую училища. Три дня пировал личный состав, лакомясь лосятиной. Обошлась она, правда, недешево. Вместо 15 суток затратили месяц. Погиб от голода конь, не умевший добывать корм из-под снега — не сибирской был породы. Зима, быстро сменившая осень, застала нас в прохудившихся сапогах, прожженных у костров солдатских шинелишках, в летних пилотках. Скучные съестные припасы быстро кончились. Пришлось довольствоваться лосиными субпродуктами, обходиться без соли.

Как бы трудно ни приходилось, никто не падал духом. С юмором воспринимали все подвохи красавицы тайги. А главное — никто не заболел, даже насморка не схватил. За дни похода мы как-то сроднились. Но война разбросала кого куда. Вскоре после того, как мы с Журиным окончили училище, ушли на фронт и офицеры, давно туда рвавшиеся. Только солдат А. Мерцалов — по возрасту и состоянию здоровьей — остался нести службу в тылу. Как сложилась фронтовая судьба охотников — не знаю. Дошли лишь слухи о гибели Журина. Вечная ему память!

Зайчишка к красному дню

Разумеется, Вадиму я рассказывал об экспедиции за сохатыми во всех подробностях, тешил его охотничью душу. Он в свою очередь делился впечатлениями о первых схватках с фашистами. С интересом я слушал и его рассказы о стрельбе на утиных перелетах, рыбной ловле.

Кому-то могут показаться кощунственными наши разговоры об охоте, далекие от войны, от прямой обязанности — бить врага, а не дичь! Нет, мы не уклонялись от присяги, от долга перед Родиной. Днем и ночью мечтали о том, чтобы добыть "фашистского зверя в его берлоге", били его не только с ненавистью, но и с мастерством, обрести которое помогло увлечение охотой. В подтверждение — вырезка из солдатской газеты (помещена рядом с заголовком материала. — Ред.). В заметке речь идет о днях моего боевого крещения. А было это под Винницей в январе 1944-го...

Не упускали, конечно, возможности поохотиться, что называется, и на передовой. Передышки, когда погнались врага

вспять, порой возникали. Специфика была такая: наступление — отдых — наступление — переформировка. Наш полк входил в состав 31-го танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии. Улучив момент, брали карабин или автомат, ходили чаще на зайца. Его было много. Так, перед днем Красной Армии, после боев под Винницей, находясь на отдыхе, мы с Вадимом добыли косога. Он оказался весьма кстати. Намечался ужин в честь праздника и моего награждения орденом Красной Звезды.

Видимо, не мы одни так промышляли: вскоре вышел приказ, запрещающий любую охоту в расположении войск. Стреляли-то из боевого оружия, а пуля, она дура, попадала не только в зайца. Лишь однажды, признаюсь теперь, я тайком нарушил приказ — в декабре того же года на Сандомирском плацдарме. В канун Нового года полку должны были торжественно вручить гвардейское Боевое Знамя. И все, конечно, к этому двойному празднику готовились.

В тот день я, тогда уже комбат, проводил тактическое занятие с экипажами самоходных установок батареи методом "пеший по-танковому". Отработав тему, направил экипажи в расположение батареи, а сам задумал пройтись по кромке поля: уж очень много было вокруг заячьих следов. Иду и думаю: хорошо бы зайчишку к праздничному столу добыть. Путь пересекла сухая канава. Осторожно заглянул в нее. Метрах в 30 спиной ко мне сидел крупный русак. Я и выстрелил.

На кухне повара, занятые подготовкой к торжественному обеду, взять русака отказались — помнили о приказе. Понес трофей адъютанту командира полка Саше Куликову, своему другу. В тот же день командир полка Герой Советского Союза гвардии подполковник Д.Тыквач на совещании сурово посмотрел на меня, но ничего не сказал. Видно, не захотел портить мне настроение перед праздником. Саша позже сказал, что Тыквач велел отдать зайца местным жителям.

Так что приказ действовал. И все же с рхотой связаны еще два случая, которые я счел бы за вымысел, не будь сам участником тех событий.

Из пушки... по козлу

Утром 12 января 1945 года сокрушительной артиллерийской подготовкой начался знаменитый удар 1-го Украинского фронта с Сандомирского плацдарма по гитлеровским войскам. 31-й танковый кор-

пус вводился в прорыв за частями 5-й гвардейской армии генерал-полковника А.Жадова. Корпусу ставилась задача совместно с другими войсками на этом участке к исходу первого дня наступления овладеть районом Пинчув, с ходу форсировать реку Нида. Наш полк поддерживал наступление 242-й танковой бригады корпуса, а моя батарея — ее 2-й танковый батальон. Батарея из 30 человек имела на вооружении 5 ИСУ-152. Залп из наших пушек-гаубиц весил более 200 килограммов.

Чтобы понятно было дальнейшее, приведу выдержки из тетрадки-дневника, которую вел в то время.

"13 января. Страшно тяжелый ночной марш (днем выйти к Ниде не удалось, пришлось выполнять задачу ночью), гонюсь за Т-34 2-го т/б 242 т/бр — с ним работаю. Во время движения свалился под мост Шагов (младший лейтенант, командир СУ) с машиной. Машина упала вверх гусеницами. Убит Шагов, 5 саперов наверху, ранены Лубнин, Крылов, Акулов. Я остался жив и даже не ранен. Продолжаю марш на самоходке Десятова. На рассвете вышли к реке Нида и к концу дня на плечах отходящего противника форсировали реку..."

"20 января. Марш с боями на юг и далее на восток — на Глейвиц. Брал г.Пейскретчам. Убиты гв. л-т Тураев и Нурматов, ранены Куклипов, Джамписов".

"20 — 28 января. Бои за Глейвиц, Гинденбург, Руды, Орцегов.

28 января — 3 февраля. Отдых в д.Хуэнбен".

В этой деревне нас догнал экипаж самоходки, свалившейся с моста. Механик-водитель Лубнин доложил, что тягачи поставили машину на гусеницы, техническая часть в порядке. Пушка заряжена осколочно-фугасным, колпачок со взрывателя снят. Извлечь снаряд банником невозможно — может разорваться в стволе. Гильза из казенника извлечена.

Пожал Лубнину и членам экипажа руки, поблагодарил за службу и приказал устроиться на отдых. К злосчастной самоходке сбежалась почти вся батарея. Сразу завязался спор, что делать со снарядом. Судили-рядили и остановились на самом простом — произвести выстрел.

Окрестности деревни оказались овражистыми, с пологими высотами. Решили выстрелить в склон ближайшей высоты. Только вывели самоходку на позицию за деревней, как Вадим крикнул:

— Комбат! Смотри, на соседней высоте какой-то зверь лежит, может, коза?

Глянул в бинокль — действительно, лежит дикий козел и голову с рогами поднял. Расстояние метров 800.

— Давайте по козлу ударим, — со смехом предложил Базилевский.

Все Батарейцы, конечно, за! Мне и самому любопытно стало. Наверное, в истории артиллерии еще не было случая, чтоб из 152-миллиметровой пушки по диким козлам стреляли. Эх, была не была! Все равно не попадем. Подаю команду:

— По козлу! Осколочно-фугасным...
Огонь!

Грохнул выстрел, прошелестел снаряд и... разорвался метрах в 50 от зверя — мимо, как я и предполагал. "Ура!" — закричали все. А козел вскочил и умчался на противоположный скат высоты.

С ВОЛКОМ НОС К НОСУ

Я уже хотел приказать возвращаться в деревню, как кто-то крикнул:

— Товарищ гвардии старший лейтенант! Там еще козы!

И в самом деле, бинокль приблизил ко мне стадо коз, появившихся из-за высоты, где разорвался снаряд. Козы двигались медленно в правую от нас сторону, к оврагу с невысокими деревьями и кустами. Одна коза прихрамывала, отставала от сородичей.

"Наверняка, подранок, — пронеслось у меня в голове. — Добрать бы надо. Мяса свежего давно не едали".

Подозвал Базилевского, командира ИСУ-152. (Надоело Вадиму мотаться по тылам за запчастями, попросился на передовую. И офицер-техник показал себя храбрым, боевым командиром. Иным и не мог быть настоящий охотник.)

— Давай попробуем достать подранка из немецкой винтовки, — предложил я. — У нее ствол длиннее, чем у карабина.

В экипаже Вадима была трофейная немецкая винтовка — на всякий случай. Вот он и наступил, такой случай. Винтовку с десятком патронов быстро принесли. Я поставил прицел 1000 метров, положил ствол на башню самоходки, подождал, когда подранок приотстанет, и нажал на спуск.

— Недолет 10! — прокомментировал Вадим, глядя в бинокль.

Чуть-чуть увеличил прицел, выстрелил — перелет! Тут я уже занервничал — козы приближались к оврагу — и опять промазал. Охотничий азарт захватил меня. Добрать подранка решил во что бы то ни стало. За себя оставил зампотеха и с автоматчиком Даниловым поспешил к месту, где скрылись козы. Благо снегу было мало, земля мерзлая — дошли скоро.

Следы с капельками крови спускались вниз, некоторое время тянулись по сухому дну оврага, потом поднимались на противоположную сторону и держались кромки.

Данилову сказал, чтобы двигался низом с целью выпугнуть коз в мою сторону. Сам же зашагал по следам. Едва выдвинулся на прогалину между лесными островками, как вдруг из кустов впереди, прямо на меня огромными прыжками стали вымахивать козы одна за другой. Десяток насчитал. Проскакав буквально в двух-трех метрах, они скрывались в кустах позади меня. И только последняя, видно, тот самый подранок, встала перед кустарником. Поднял винтовку и метров с десяти выстрелил. К моему величайшему изумлению, коза не упала, а одним прыжком скрылась в кустах.

Все еще не веря в случившееся, повернулся: может, не все удрали, еще одна выскочит.

Да, зверь выскочил! Только Федот, да не тот — здоровенный волчина! Он тормознул всеми четырьмя лапами так, что комья снега обсыпали меня. Не целясь, в упор направил на разбойника винтовку и нажал на спуск — выстрела не последовало. Тут только до меня дошло, что после выстрела по козе не передернул затвор. Пока перезаряжал, волк уже успел прыгнуть в овраг. Стало темнеть, преследовать подранка не имело смысла.

На разборе охотничьей операции Вадим высветил мои ошибки. Главные: не поставил на место прицельную планку, и пуля пролетела выше козы, хотя она была рядом; не передернул затвор сразу после выстрела по козе и упустил серого. Волк, как мы догадались, напал на коз с другой стороны.

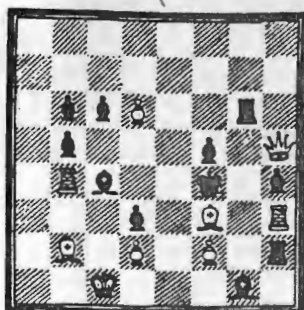
...Нам повезло: и я, и Вадим остались живы. Правда, оба были тяжело ранены — я в марте, он в апреле. И мечты наши, в общем, сбылись. Закончили институты, получили интересные профессии, а удочками да ружьями обзавелись первым делом и не расстаемся с ними. Чуть ли не каждый год вместе охотились — на Украине или в Подмосковье. И вот уже 50-й раз будем отмечать Праздник Победы. А война в памяти. В памяти имена и светлые образы тех, кто не дождал до Победы. Пусть слава их будет вечной. А мы, ветераны, все делаем и делаем, чтобы молодое поколение в их подвигах черпало силы для верного служения Родине. В таком служении своих сынов она, истерзанная, сегодня нуждается не меньше, чем в 1941-м...

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

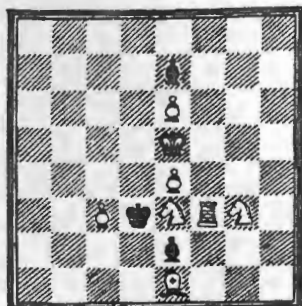
С шахматами не расставались

№ 13
А.Дикусаров
Публикуется впервые

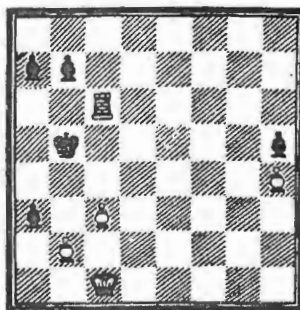
Мат в 2 хода

№ 14
Сталинградский
крест Гитлеру, 1943

Мат в 6 ходов

№ 15
А.Калинина
Публикуется впервые

Выигрыш

Да, в годы Великой Отечественной войны склонившихся над шахматной доской можно было видеть в теплушках воинских эшелонов, в землянках и даже в окопах. Война не заставила забыть шахматы.

Двухходовка № 13 изобразительная, фигуры на диаграмме рисуют 50 — историческую дату Великой Победы. Составил ее капитан в отставке Дикусаров Андрей Николаевич (Новосибирск). После 1.Се4! с угрозой 2. Ф:f5X пять превосходных вариантов: 1...Се6 2. Cd5X!, 1...fe 2. Се5X!, 1...Лf6 2. Ф:h4X, 1...Лg5 2. Фf3X, 1...Кр:e4 2. Фf3X.

Шестиходовка № 14 также изобразительная, составлена в год завершения победоносной Сталинградской битвы. 1.Лf8 Кр:e3 2.Кf5+ Крд3/г3 3.Ке3!! — самый эмоциональный ход! 3...Кр:e3 4.Лd8 Крf3 5.Лg8! Крe3 6.Лg3X!

Этюд № 15 посвящается всем участникам войны, носившим шахматы в своих вещевых мешках. Трудность его решения не аналитическая, а идейная. Откройте идею, и все станет предельно просто. Простота же художественного решения — это достоинство! Решение будет опубликовано в следующем номере журнала.

Радиоматч в год Великой Победы

В сентябре 1945 года состоялся радиоматч сборных команд СССР и США. Игрался он на 10 досках в два тура, завершился со счетом 15,5:4,5 в пользу команды СССР.

Тогда на страницах американского журнала "Чесс ревью" писалось: "В течение четырех дней Соединенные Штаты и Советская Россия говорили через тысячи миль на общем языке — на языке шахмат. Мы рассказывали русским, как тысячи зрителей Нью-Йорка аплодировали блестящим этюдным находкам русских масте-

ров. Русские же сообщали нам, что их достижения связаны с творчеством великих американских шахматистов — Морфи, Пильсбери, Маршалла". Были и такие строки: "Радиоматч осветил огнями мира и дружбы США и СССР". Увы, послевоенные годы омрачены "холодной войной".

В год Великой Победы был и другой командный матч, правда, более низкого ранга. Речь идет об очной встрече команд наших и американских войск, находившихся на территории поверженной Германии. Игра проходила на 10 досках в один тур, счет матча 10:0 в пользу нашей команды.

Проверьте свои решения

В журнале № 3 опубликованы три задачи чемпионата России 1994 года. Приводим их решения.

№ 1. Белые: Крe7, Фg7, Лс1, Cf1, Kd6, Ke5, пп.b4, b5,d7, e3, e6, h5/12/, черные: Крд5, Фа2, Сb1, Kd2, Ke8, пп.b3, b6, c5, d3, f5, h6 /11/, мат в 3 хода. 1. Kg4 — 2. Фа5X, 2. Фа1!! — неожиданный и красивый цугцванг.

№ 2. Белые: Кра7, Лс5, Лh4, Се1, Се6, Ка3, Kd7, пп.a6, b5,g2, h5/11/, черные: Крд3, Лg5, Са2, Cf6, Кс1, Kg8, пп.c4,d4, e2, e3, f5, h6 /12/, мат в 3 хода. 1. Крb7!, цугцванг, 1...Cb3 2. Лd5!, 1...Ke7 2. Ле5!, 1...Cg7. 2. Лf5!

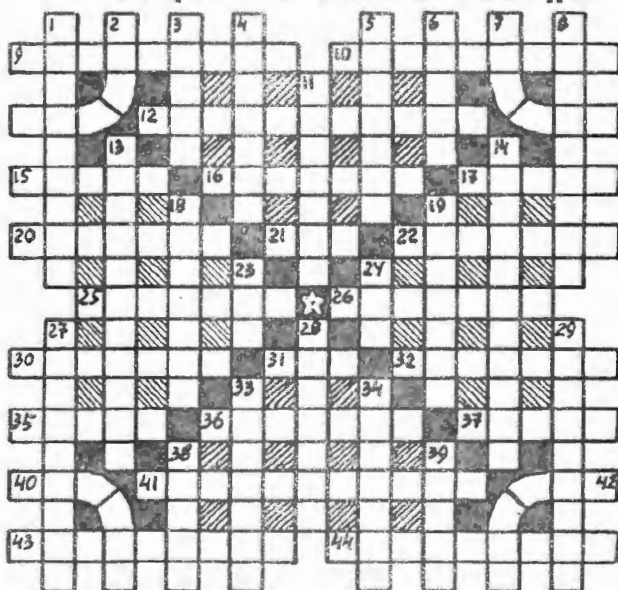
№ 3. Белые: Крс7, Фh7, Ла2, Сb5, Сс3, Кс1, Kd1, пп. a2, e4 /9/, черные: Кра3, Ле2, Лf7, Се6, Kg2, пп. b7, d3, d6, d7, f6 /10/, мат в 3 хода. 1. Крb6 — 2. Сb4+ Кр:b4 3.a3X, 1...Л:a2 2. Фh2!, 1...C:a2 2. Фg8!

На раскрытие секретов этих трех задач отводилось на чемпионате России 60 минут. А сколько времени потребовалось вам?

По горизонтали: 9. Военачальник, в войну командовал авиацией дальнего действия. 10. Командир звена женского авиаполка, совершила 815 боевых вылетов, Герой Советского Союза. 12. Полководец Великой Отечественной войны, кавалер двух орденов "Победа". 15. Четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов "Победа". 16. Начальник артиллерии Красной Армии в годы войны, Герой Советского Союза. 17. Дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена "Победа". 20. Летчик-истребитель, трижды Герой Советского Союза. 21. Специально оборудованное сооружение для проведения стрельб. 22. Военачальник, участник Будапештской, Балатонской и Венской операций, Герой Советского Союза. 25. Воинское звание в Военно-Морском Флоте. 26. Автор романа "Живые и мертвые". 30. Полевое оборонительное сооружение. 31. Автор повести "Волоколамское шоссе". 32. Ударный музыкальный инструмент, применяемый в военных оркестрах. 35. Кодовое наименование плана операции советских войск по прорыву блокады Ленинграда в 1943 г. 36. Специально отведенный и оборудованный участок суши или моря для испытаний военной техники. 37. Свод правил и положений. 40. Суточный перерыв в движении войск при совершении ими длительного марша. 41. Автор песни "Священная война". 42. Военачальник, в войну командовал Брянским и Резервным фронтами. 43. Вывоз населения и боевой техники из района боевых действий. 44. Ввод вооруженных сил одного государства на

КРОССВОРД

Посвящен 50-летию Победы

территорию другого государства.

По вертикали: 1. Автор песен "Заветный камень", "Одинокая гармонь". 2. Центр крупного сражения или моря для испытаний военной техники. 3. Сокращенное название радиолокационной станции. 4. Герой повести Ю. Бондарева "Последние залпы". 5. Автор картины "Фашист пролетел". 6. Подземное сооружение для сбора грунтовых вод и вывода их на поверхность. 7. Планета Солнечной системы. 8. Изоляция группировки противника с целью уничтожения ее или пленения. 11. Физическое уничтожение

отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. 13. Орган управления военно-команданта гарнизона. 14. Город в Московской области, где шли ожесточенные бои в 1941 г. на подступах к Москве. 18. Военачальник, участник многих крупных операций, Герой Советского Союза. 19. Ручная пицаль, применяемая на Руси в XV-XVI веках. 23. Навигационный прибор для измерения скорости корабля и пройденного им расстояния. 24. Элемент защитного вооружения воина. 27. Санинструктор стрелкового полка, вынесла с поля боя 30 раненых воинов, Герой Советского Союза. 28. Диктор Центрального радио, который в войну читал по радио сводки о ходе боев на фронте. 29. Автор романа "Весна на Одере". 33. Марка легкового автомобиля. 34. Роман М. Алексеева. 38. Драгоценный камень. 39. Все положительное, хорошее, полезное.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

По горизонтали:

1. Ротмистров. 4. Шапошников. 9. Старт. 10. Федоренко. 11. "Антон". 14. Договор. 15. Ровно. 17. Котлин. 19. Аэли. 20. Гало. 22. Символ. 25. Павлов. 28. Канарис. 30. Отсрочка. 31. Колоскор. 32. Обоз. 33. Тшхо. 36. Сливенко. 37. Кирпонос. 38. Волкова. 42. Алигер. 45. Плавни. 47. Огер. 48. Руза. 49. Салют. 50. Атака. 51. Котик. 56. Слава. 57. Ваншенкин. 58. Абвер. 59. Рожейкин. 60. Красовский.

По вертикали:

1. Риск. 2. Морозов. 3. Ржев. 5. Пука. 6. Игнатов. 7. Вена. 8. Требога. 12. Трал. 13. Окоп. 15. Рига. 16. "Огни". 18. Ясногорская. 21. Тварюковский. 23. Муссоллини. 24. Обоз. 26. Арес. 27. Лактионов. 28. Катюков. 29. Скринка. 34. Релс. 35. Опал. 39. Оура. 40. Кавалер. 41. "Вера". 43. Головка. 44. Пома. 45. Iakm. 46. Автобус.

Составил Е. КУЛИКОВ.

Не для нас ли
из теплого сада
Духом вишенным
тянет в тиши?..
Тут и спрашивать
даже не надо,
Только слушай,
гляди и дыши.
Только помни
над небом
просторным
Вечный долг свой
полям и лесам,
Всем во тьме
набухающим зернам,
Всем стремящимся
к свету цветам.

Н.РЫЛЕНКОВ.

ПРОВЕРЬ СЕБЯ НА МУЖЕСТВО И СМЕЛОСТЬ!

Если закон и правопорядок для вас не пустые слова, если вам надоели разговоры о разгуле преступности, если вам скучно в безалаберной гражданской жизни, и душа просит настоящего дела,

ЗНАЙТЕ: внутренние войска по контракту принимают в свои ряды **ДОБРОВОЛЬЦЕВ**.

Да, вам понадобятся и сила, и хладнокровие. Но ответственность за жизнь боевых товарищей научит вас ценить мужскую дружбу. А право лучших носить краповый берет не продается ни за какие деньги...